

Джералд Даррелл
Только звери
Ковчег на острове

Только звери

*Бьянке и Грзнди в память
о трех четвертях гориллы
и о многом другом*

Глава первая

ЗАВЕДЕНИЕ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

Того ждет благо,
Кто равно любит
Людей, и птиц, и зверей
Колридж. Старый моряк

Говорят, дети, которые мечтают водить поезда, на самом деле очень редко становятся машинистами. Если это верно, то мне несказанно повезло, ведь я уже в два года твердо и определенно решил, что буду изучать животных. Ничто иное меня не занимало.

Все годы, пока формировалась моя юная личность, я, как пиявка, держался за свое решение и доводил до отчаяния родных и близких, принося в дом всевозможных пойманных или купленных тварей — от обезьян до простых садовых улиток, от скорпионов до филинов. Озадаченные таким карнавалом фауны, родные утешали себя мыслью, что это у меня временное увлечение и скоро я вырасту из него. Но с каждым новым приобретением мой интерес к животным становился все острее и глубже, и задолго до моего двадцатого дня рождения я совершенно точно знал, кем стану: сперва буду отлавливать животных для зоопарков, а со временем, нажив на этом деньги, заведу собственный зоопарк.

Замысел этот не казался мне таким уж безрассудным или диким, но спрашивалось, как его осуществить. К сожалению, школ для

начинающих звероловов не было, и никто из профессионалов не стал бы нанимать человека, наделенного только безграничным энтузиазмом и не имеющего почти никакого практического опыта. Вряд ли мне поможет, твердил я себе, если я приду и скажу, что выкармливал ежат или выращивал гекконов в жестяной банке. Зверолов обязан точно знать, как схватить за глотку жирафа или увернуться от атакующего тигра, а приобрести такой опыт, живя в приморском городке в Англии, чрезвычайно трудно. Я только что весьма наглядно убедился в этом. Один мой знакомый, который, как мне было известно с его слов, взялся выкормить теленка лани, позвонил и сообщил, что его семья переезжает в Саутгемптон, поэтому он вынужден расстаться с этим прелестным домашним животным. Малыш, утверждал он, совсем ручной, хорош воспитанный, и отец может привезти его мне хоть завтра.

Я не знал, как поступить. Мама — единственного члена семьи, с некоторым сочувствием относившейся к моему увлечению дикой фауной, — в эту минуту не было дома, и я не мог спросить ее, как она посмотрит на то, что мой и без того уже обширный зверинец пополнится ланью, хотя бы и теленком. А владелец требовал немедленного ответа.

— Папа говорит, если ты откажешься, придется ее прикончить, — мрачно заявил он.

Это решило дело. Я сказал, что буду рад на следующий день получить Гортензию — так звали лань.

Когда мама вернулась из магазина, у меня была уже приготовлена история, которая тронула бы даже каменное сердце, не говоря уже о чувствительном маминим. Бедная маленькая лань, мало того, что ее разлучили с матерью, так теперь ей еще грозила смертная казнь, если мы не придем на помощь. Неужели мы откажемся? Поняв из моего рассказа, что речь идет о животном ростом с маленького терьера, мама сказала, что ни в коем случае нельзя допускать убийства лани,

ведь мы вполне можем (как я подсказал) найти для нее уголок в гараже.

— Конечно, мы ее возьмем, — заключила мама.

После чего позвонила в молочную и попросила оставлять нам сверх обычной нормы еще шесть литров молока в день; маме представлялось, что подрастающей лани нужно много молока.

На другой день большой фургон доставил Гортензию. Как только владелец вывел лань из фургона, стало очевидно, во-первых, что Гортензия — самец, во-вторых, что ему около четырех лет. Элегантная пятнистая шуба, высота в холке около метра, голова увенчана шоколадного цвета рогами с множеством грозных отростков.

— Какой же это детеныш! — в ужасе воскликнула мама.

— Что вы, мэм, — поспешно ответил отец моего друга. — Он еще совсем юнец. Милейшее животное, смирный, как пес.

Гортензия провел рогами по калитке — получился звук, напоминающий ружейную перестрелку, потом наклонился и аккуратно сорвал одну из маминых премированных хризантем. Задумчиво жуя цветок, он обратил свой ясный взор на нас. Не дожидаясь, когда мама придет в себя от неожиданности, я горячо поблагодарил мальчика и его отца, схватил пристегнутый к ошейнику Гортензии собачий поводок и повел своего зверя к гаражу. Я ни за что на свете не признался бы маме, что тоже мыслил себе этакое крохотное умильное Бэмби. Ухлопал немало денег на бутылочку для кормления, а мне привезли нечто вроде красавца, изображенного на известной картине Лэнсе "Олень, отбивающийся от собак"...

В сопровождении мамы мы с Гортензией вошли в гараж, и я еще не успел привязать свою лань, как он проникся сильнейшим отвращением к тачке и попытался — безуспешно — подбросить ее в воздух. Пришлось Гортензии довольствоваться тем, что он опрокинул тачку и разбросал по земле ее содержимое. Я привязал его к стене и живо убрал из гаража все садовые принадлежности, какие только могли вызвать гнев лани.

— Надеюсь, милый, он будет вести себя не очень буйно, — озабоченно произнесла мама. — Ты ведь знаешь, Ларри не выносит никакого буйства.

Я слишком хорошо знал, как мой старший брат относится к любым представителям животного мира, будь то буйные или смиренные, и возблагодарил небо за то, что его, а также моего второго брата и сестры не было дома, когда привезли Гортензию.

— Ничего, освоится на новом месте, и все будет в порядке, — ответил я. — Просто он сейчас немного возбужден.

В эту минуту Гортензия решил, что не желает оставаться один в гараже, и принялся атаковать дверь. Все строение содрогнулось.

— Может быть, он проголодался? — предположила мама, отступая по дорожке.

— Да, видно, в этом все дело, — согласился я. — Ты не принесешь для него моркови и галет?

Мама поспешила за продуктами, необходимыми для умиротворения лани, а я вернулся в гараж, готовый схватиться с Гортензией. При виде меня он обрадовался и наглядно проявил свою радость, ткнув меня рогами в живот. Большинство ланей страшно любят, когда им чешут основание рогов; я убедился, что Гортензия не составляет исключения, и быстро поверг его в полузабытье. К этому времени подросла большая пачка галет и с килограмм моркови, и Гортензия принялся утолять вызванный путешествием голод.

Пользуясь передышкой, я заказал по телефону солому, сено и овес. Когда Гортензия окончил трапезу, я вывел его погулять на ближайшую площадку для игры в гольф. Он вел себя образцово и по возвращении домой с явным удовольствием устроился на соломенном ложе в углу гаража, получив на ужин сена и овса. Уходя, я надежно запер дверь и лег спать с приятным сознанием, что моя лань уже начала осваиваться на новом месте. Будет у меня на редкость симпатичный домашний зверь, да к тому же я

приобрету столь необходимый опыт работы с крупными животными.

Около пяти часов утра меня разбудил странный звук. Казалось, кто-то с правильными промежутками времени сбрасывает мощные бомбы на наш сад за домом... Но ведь это невозможно. Я ломал голову: что бы это могло быть? Судя по хлопанию дверей и глухим проклятьям, которые раздавались в доме, остальные члены семьи тоже недоумевали. Я высунулся в окно, окинул взглядом сад и при свете утренней зари увидел, что гараж раскачивается, словно корабль на штормовой волне. Гортензия требовал завтрак, и выразалось это в том, что он бодал дверь гаража. Я скатился по лестнице вниз, прихватил сена, овса и моркови и умиротворил буяна.

— Что это у тебя в гараже? — осведомился старший брат за завтраком, сверля меня далеко не приветливым взглядом.

Не успел я ответить, что знать не знаю ни о каких гаражах, как мама поспешила мне на выручку.

— Там просто очаровательная, крохотная лань, милый, — нервно сказала она. — Хочешь еще чая?

— Крохотная, говоришь? — возразил Ларри. — А шуму от нее, как от жены мистера Рочестера.

— Она совсем ручная, — продолжала мама, — и она любит Джерри.

— Слава богу, хоть кто-то его любит, — заметил Ларри. — Одно только скажу я вам — держите эту тварь подальше от меня. И без того жить несладко, а тут еще стадо карibu в саду.

Всю эту неделю я был не в чести. Моя мармозетка попыталась рано утром забраться в постель к Ларри и, получив отпор, укусила его за ухо; сороки вырвали с корнем саженцы помидоров, старательно высаженные в грунт другим моим братом, Лесли; наконец, один из ужей совершил побег, и моя сестра Марго обнаружила его за диванной подушкой, о чем возвестила пронзительным визгом. Не удивительно, что и сама я

был полон решимости держать Гортензию подальше от своих родных. Увы, моим чаяниям не суждено было сбыться.

Выдался один из редких для английского лета по-настоящему солнечных дней, и мама поддалась соблазну устроить чаепитие в саду. Когда мы с Гортензией вернулись с прогулки, нас ожидало приятное зрелище — вся семья сидела в шезлонгах вокруг стола на колесиках, а на столе мирно стояли атрибуты для приготовления чая, тарелки с бутербродами, кекс с коринкой и большие чашки с малиной и сливками. Выйдя из-за угла, я был озадачен таким сборищем. Зато Гортензия не растерялся. Окинув взглядом мирную картину, он заключил, что путь к убежищу в гараже преграждает уродливый и, очевидно, опасный враг на четырех колесах — чайный столик. Оставалось только одно... С хриплым блеянием, которое должно было изображать воинственный клич. Гортензия наклонил голову и бросился в атаку. Поводок вырвался из моих рук, и лань с ходу поразила столик так, что еда и посуда полетели в разные стороны.

Мои родные оказались в западне, ведь даже в самую критическую минуту не так-то просто (если вообще возможно) живо выбраться из шезлонга. В итоге маму ошпарило кипятком, сестру облепили бутерброды с огурцами, а Ларри и Лесли поровну разделили малину со сливками.

— Ну, это уже слишком! — бушевал Ларри, смахивая с брюк раздавленные ягоды. — Вон отсюда с этой проклятой скотиной, слышишь?

— Что за выражения, милый, — попыталась мама усмирить его. — Это вышло нечаянно. Бедное животное вовсе не хотело...

— Нечаянно? Нечаянно? — Побагровевший Ларри дрожащим пальцем указал на Гортензию.

Несколько озабоченный произведенным опустошением, тот стоял с видом скромницы под свадебной фатой, роль которой играла повисшая на рогах скатерть.

— На твоих глазах он с разгона бросился на столик, и ты еще утверждаешь, что он сделал это нечаянно?

— Я хотела сказать, милый, — взволнованно объяснила мама, — что он вовсе не хотел опрокидывать на тебя малину.

— Мне плевать, что он хотел! — яростно произнес Ларри. — Меня не интересует, что он хотел. Я знаю только, что Джерри должен избавиться от него. Я не потерплю, чтобы в доме бесчинствовала всякая скотина. В следующий раз он, чего доброго, набросится на кого-нибудь из нас. За кого ты меня принимаешь, черт возьми? За Буффало Билла Коди?

И сколько я ни молил, Гортензию изгнали на близлежащую ферму, а вместе с ним исчезла и моя единственная надежда накопить дома опыт работы с крупными животными. Похоже было, что остается только один выход — поступать на работу в зоопарк.

Приняв такое решение, я написал чрезвычайно скромное, как мне казалось, письмо в Лондонское зоологическое общество, которое, несмотря на войну, могло похвастаться самой большой коллекцией животных, когда-либо сосредоточенной в одном месте. Пребывая в блаженном неведении о непомерности своих амбиций, я изложил в письме свои планы на будущее, намекнул, что я тот самый человек, которого они всегда жаждали видеть в штате, и дал понять, что жду ответа, когда мне можно приступать к исполнению своих обязанностей.

Надлежащее место для таких посланий — корзина, но мне повезло, мое письмо попало в руки добрейшего и культурнейшего человека, мистера Джеффри Веверса, который тогда руководил Лондонским зоопарком. Видно, его заинтриговала дерзость писавшего, потому что он, к моей великой радости, ответил и предложил мне приехать в Лондон для переговоров. Я приехал и, поощряемый обаянием Джеффри Веверса, пустился в разглагольствования о животных, об отлове зверей и о своем намерении завести собственный зоопарк. Менее великодушный человек охладил бы мой энтузиазм, объяснив, что мои замыслы заведомо неосуществимы, но Веверс выслушал меня с великим терпением и тактом, одобрил мои планы и

обещал подумать, что можно для меня сделать. Я ушел от него более, чем когда-либо, преисполненный энтузиазма.

Через некоторое время я получил любезное письмо, в котором мистер Веверс сообщал, что в Лондонском зоопарке, к сожалению, нет свободных мест для младшего персонала, но при желании я могу поступить учеником в Уипснейд — загородный зоопарк зоологического общества. Предложи он мне пару половозрелых ирбисов, я и то не обрадовался бы так, как обрадовался этому письму.

С ликующей душой я через несколько дней отправился в Бедфордшир, набив один чемодан старой одеждой, другой — книгами по истории естествознания и множеством толстых тетрадей, в которых собирался фиксировать все наблюдения над своими подопечными и каждый перл мудрости, слетающий с уст моих товарищей по работе.

В середине прошлого века знаменитый торговец дикими животными, немец Карл Гагенбек, основал зоопарк совершенно нового рода. Прежде зверей держали за толстыми решетками, в тесных, грязных, дурно сконструированных клетках. И посетителям плохо видно, и животным трудно выжить в ужасных условиях, напоминающих концлагерь. Гагенбек подошел к показу животных совсем по-иному. Вместо мрачных темниц и железных решеток — свет и простор, большие искусственные горки для лазания, а от публики звери отделялись рвами — либо сухими, либо наполненными водой. Ученые мужи, специалисты по зоопаркам, восприняли это как ересь. Во-первых, заявляли они, такой порядок опасен, потому что никакие рвы не удержат зверей. А во-вторых, если даже животные и не полезут через ров, они все околеют, ибо хорошо известно, что тропические звери способны жить лишь в душной, изобилующей бактериями парниковой атмосфере. На самом деле животные частенько чахли и погибали именно в такой атмосфере, но об этом ученые мужи забывали. К их величайшему удивлению, у Гагенбека звери благоденствовали, в

вольерах под открытым небом они не только стали здоровее, но и благополучно размножались. Когда Гагенбек доказал, что в таких условиях животные чувствуют себя намного лучше, и смотрятся гораздо интереснее, все зоопарки мира начали переходить на новый метод содержания и показа.

Про Уипснейд можно сказать, что он воплощал попытку руководителей Лондонского зоопарка превзойти самого Гагенбека. Зоологическое общество приобрело обширное поместье на известняковых высотах Данстейбл-Даунс и не пожалело средств на распланировку. Было задумано показывать животных в условиях, предельно приближающихся к естественным — естественным в представлении публики, посещающей зоопарки. Рощи для львов, леса для волков, волнистые пастбища для антилоп и других копытных. Как я понимаю, Уипснейд больше всего походил на нынешние сафари-парки; ведь это происходило еще до того, как жестокие налоги превратили английских аристократов в кучку содержателей зверинцев.

Уипснейд оказался совсем небольшим поселком — один трактир да горстка коттеджей, разбросанных среди заросших орешником ложбин. Доложив в билетной кассе о своем прибытии, я оставил там чемоданы и направился в дирекцию. По зеленым лужайкам волочили свои хвосты ослепительные павлины, а среди сосен, окаймляющих главную аллею, висело огромное гнездо — этакий стог из прутьиков, вокруг которого щебетали и голосили попугаи.

Меня проводили в кабинет директора зоопарка, капитана Била. Он сидел без пиджака, выставляя напоказ весьма изящные полосатые подтяжки. На огромном столе перед ним громоздились горы всевозможных бумаг, большинство которых производило страшно официальное и ученое впечатление; даже телефон был завален бумагами. Капитан встал — настоящий великан, что ростом, что в объёме. Лысая голова, очки в металлической оправе, уголки губ оттянуты вниз как бы в

презрительной усмешке. Тяжело ступая, он обогнул стол и с громким сопением остановился передо мной.

— Даррелл? — пророкотал капитан вопросительно. — Даррелл?

У него был очень низкий голос, и он не столько говорил, сколько рычал, как это свойственно некоторым людям, много лет прожившим на западном побережье Африки.

— Да, сэр, — ответил я.

— Очень приятно. Садитесь.

Капитан пожал мне руку и снова занял место за столом. Кресло тревожно скрипнуло под тяжестью его тела. Капитан Бил подцепил большими пальцами подтяжки и, созерцая меня, выбил на них дробь. Потянулось томительное молчание. Я смиренно сидел на кончике стула, всем сердцем желая с самого начала произвести хорошее впечатление.

— Думаете, вам здесь понравится? — спросил капитан Бил так неожиданно и громко, что я подпрыгнул.

— Э-э... конечно, сэр, я в этом не сомневаюсь.

— Вам раньше не приходилось выполнять такую работу? — продолжал он.

— Нет, сэр, — ответил я, — но вообще-то у меня дома перебывало много животных.

— Ха! — В его голосе прозвучало презрение. — Морские свинки, кролики, золотые рыбки и прочее. Ну здесь-то вас ждет кое-что посерьезнее.

Меня подмывало сказать ему, что я держал куда более экзотических животных, чем кролики, морские свинки и золотые рыбки, но я чувствовал, что с этим лучше повременить.

— Сейчас я передам вас Филу Бейтсу, — гремел капитан, полируя лысину ладонью. — Он у нас старший служитель. Он вас устроит. Не знаю точно, куда вас определят, но в какой-нибудь секции найдется местечко.

— Большое спасибо, — сказал я.

Поднявшись, Бил заковылял к двери, и я двинулся за ним. Это было все равно что следовать за мастодонтом. Выйдя на дорожку, на хрустящий гравий, капитан остановился и посмотрел по сторонам, прислушиваясь.

— Фил! — внезапно проревел он. — Фил! Ты где?

Голос его был так могуч и свиреп, что красовавшийся поблизости павлин испуганно поглядел на капитана, сложил хвост и пустился наутек.

— Фил! — снова пророкотал капитан Бил. — Фил!

Откуда-то издалека долетел мало мелодичный свист. Капитан наклонил голову набок.

— Это он, окаянный! Что же он не идет?

В эту самую минуту Фил Бейтс, продолжая насвистывать, не спеша обогнул угол дирекции. Я увидел высокого, статного человека с загорелым добрым лицом.

— Вы меня звали, капитан? — осведомился он.

— Да, звал. Вот, познакомься с Дарреллом.

— А-а, — улыбнулся мне Фил. — Добро пожаловать в Уипснейд.

— Ну, так я вас оставлю, Даррелл, — сказал капитан Бил.— Фил о вас позаботится. Э-э... походите, осмотритесь и так далее.

Он щелкнул подтяжками, словно бичом, кивнул мне широкой блестящей лысиной и затопал обратно в свой кабинет.

Фил проводил спину капитана ласковой улыбкой и повернулся ко мне.

— Ну что ж, — сказал он, — первым делом надо устроить вам берлогу. Я тут говорил с Чарлзом Бейли, он у нас слонами занимается... Похоже, для вас найдется местечко в его доме. Пошли, потолкуем с ним.

Мы зашагали по широкой главной аллее; куда ни погляди, всюду павлины рисовались блестящими хвостами, а в кустарнике рдели золотые фазаны, словно вышедшие из дешевой ювелирной лавчонки. Фил весело и монотонно насвистывал про себя. Эта его вечная привычка свистеть, не

заботясь о мелодичности, позволяла, как я потом убедился, легко определить, в какой части территории он находится.

Тем временем мы подошли к огромным и безобразным цементным коробкам, которые, как выяснилось, составляли слоновник. За коробками стоял сарайчик, а в нем сидели служители, занятые чаепитием.

— Э-э... Чарли, — извиняющимся тоном позвал Фил, — можно тебя на минутку?

Из сарайчика вышел коренастый лысый мужчина с задумчивыми и робкими голубыми глазами.

— Гм... Чарли, познакомься... э-э... Как вас по имени? — повернулся ко мне Фил.

— Джерри, — ответил я.

— Знакомься — это Джерри.

— Здравствуйте, Джерри, — сказал Чарли, улыбаясь так, словно всю жизнь искал случая познакомиться со мной.

— Ну как, найдется для него местечко в твоём коттедже? — спросил Фил.

Чарли продолжал приветливо улыбаться.

— Конечно, найдется. Я уже говорил с миссис Бейли, она вроде бы не против. Может быть, Джерри сразу же пойдет и познакомится с ней?

— Что ж, неплохая мысль, — сказал Фил.

— Тогда до скорого, дружище, — подытожил Чарли.

Фил вывел меня через главные ворота на большой пустырь.

— Вот, — показал он рукой, — идите по этой тропе до первого коттеджа слева. Заблудиться невозможно.

Я зашагал через пустырь; в пестрящих свежими почками кустах утесника мелькали украшенные красными и желтыми пятнышками пить-пили-питькающие щеглы. На бугре стоял коттедж. Я отворил калитку, прошел через цветущий садик и постучался в парадную дверь. Кругом царили мир и покой; над цветами дремотно жужжали пчелы; где-то удовлетворенно ворковал вяхирь; вдалеке лаяла собака.

Дверь отворилась, и я увидел миссис Бейли — очень милую ясноглазую женщину с аккуратной прической, в чистейшем переднике. Своей подтянутостью и чистотой она напоминала больничную сестру-хозяйку.

— Что вам угодно? — осторожно осведомилась она.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Вы — миссис Бейли?

— Да, это я.

— Понимаете, Чарли направил меня к вам. Меня зовут Джерри Даррелл. Я здесь новенький.

— Ах, да-да. — Она поправила прическу и разгладила передник. — Ну конечно, конечно. Входите.

Миссис Бейли провела меня через маленький холл в комнату, где стояли большая плита, тщательно вымытый стол и выдавшие виды удобные кресла.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она. — Хотите чашечку чая?

— Большое спасибо, если это не очень хлопотно, — сказал я.

— Какие там хлопоты, — горячо возразила миссис Бейли. — А как насчет кекса или лепешек? У меня есть лепешки. Или, может быть, хотите бутербродов? Я могу сделать бутерброды.

— Да, но я... я вовсе не хочу причинять вам столько хлопот, — произнес я, несколько озадаченный такой неожиданной щедростью.

— Какие там хлопоты, — повторила она. — Знаю я вас, молодых, — всегда есть хотите. И сейчас как раз время вечернего чая. Я на минутку, только чайник поставлю.

Она проворно вышла, очевидно, на кухню, и я услышал звон посуды. Вскоре миссис Бейли вернулась и принялась накрывать на стол. Середину стола заняли огромный кекс, гора лепешек, буханка серого хлеба, кружок ярко-желтого масла и горшочек с клубничным джемом.

— Джем домашний, — объяснила хозяйка, садясь напротив меня. — Через минуту будет чай. Чайник сию секунду вскипит. А вы пока приступайте к еде.

Миссис Бейли одобрительно смотрела, как я мажу себе бутерброд с солидной порцией джема.

— Вот и правильно, — сказала она. — Ну, так по какому делу вы ко мне пришли?

— А разве Чарли не объяснил? — спросил я.

— Объяснил? — Она наклонила голову набок. — Что объяснил?

— Видите ли, он сказал, что у вас, быть может, найдется для меня комната.

— Но я полагала, что все уже решено, — ответила миссис Бейли.

— Как решено? — удивился я.

— Ну конечно. Я сказала Чарли — а я на него вполне полагаюсь, — так вот, сказала я ему, ты, говорю, посмотри на парня, и, если он тебе приглянется, пусть приходит.

— Так я вам очень благодарен, — сказал я. — Чарли мне об этом не говорил.

— Надо же! — воскликнула она. — Надо же! Боюсь, как бы в один прекрасный день он не забыл собственной головы. Я ведь сказала ему, что ничуть не против, лишь бы был почтенный человек.

— Я... не знаю, можно ли назвать меня почтенным человеком, — нерешительно произнес я, — но постараюсь не быть вам в тягость.

— О, вы не будете мне в тягость, — сказала миссис Бейли. — Итак, с этим все ясно. Где ваши вещи?

— В зоопарке, я принесу их потом.

— Прекрасно. Тогда я пойду заварю чай. А вы мажьте себе бутерброды.

— Э-э... Но я хотел бы узнать еще одну вещь.

— Что именно?

— Ну-у... мне надо знать, сколько платить за комнату. Понимаете, жалованье будет небольшое, и я боюсь, что не смогу много платить.

— Ну, знаете, — она погрозила мне пальцем, — я не собираюсь вас грабить. Я представляю себе, какое жалование вы будете получать, и вовсе не хочу вас грабить. Сколько вы сами предложите?

— Два фунта в неделю вас устроят? — спросил я с надеждой, прикинув, что у меня еще останется фунт и десять шиллингов на сигареты и прочие предметы первой необходимости.

— Два фунта? — ахнула она. — Два фунта? Это слишком много. Я же сказала, что не собираюсь вас грабить.

— Но ведь еда и все такое прочее...

— Верно, но я и не подумаю брать с вас два фунта. Нет-нет, будете платить двадцать пять шиллингов в неделю. Этого вполне достаточно.

— Вы уверены, что уложите? — спросил я.

— Конечно, уложимся! Я не допущу, чтобы люди говорили, что миссис Бейли наживается на юнце, который к тому же только-только начинает работать.

— Все равно, по-моему, это слишком мало, — возразил я.

— Как угодно, — сказала она. — Как угодно. Не нравится — ищите другую квартиру.

Она улыбнулась и пододвинула мне кекс и лепешки.

— И не подумаю, если вы будете сами варить клубничный джем, — ответил я. — Лучше здесь останусь.

Миссис Бейли просияла.

— Вот и отлично. У нас есть уютная спальня для вас на втором этаже, я сию минуту покажу. Только сперва чай заварю.

За чаем миссис Бейли объяснила, что вообще-то Чарли работал в Лондонском зоопарке, но в войну он вынужден был эвакуироваться со слонами в Уипснейд, и она поехала вместе с ним. Слоны очень привязчивы, и, уж если привыкнут к одному служителю, приходится ему, как правило, до конца жизни работать с ними.

— У нас есть свой домик в Голдерс-Грин, замечательный дом, — продолжала она. — Просто чудесный дом, есть чем

гордиться, хоть и не пристало самой об этом говорить. Конечно, и этот коттедж неплохой, вполне комфортабельный, но все-таки я жду не дождусь, когда мы в свой дом вернемся. И потом, вы ведь знаете, какие люди бывают, на них нельзя положиться. Последний раз я поехала проверить, смотрю — приступку словно сто лет никто не мыл, вся черная. Так я чуть не заплакала. Нет, скорей бы к себе вернуться. Хотя вообще-то и здесь, за городом, очень славно жить, ничего не скажешь.

После того как я одолел несколько чашек чая, два куса кекса и множество бутербродов с клубникой, миссис Бейли нехотя убрала со стола.

— Нет, вы правда наелись? — спросила она, испытующе глядя на меня, словно искала признаки недоедания на моем лице. — Не хотите еще кусок кекса, или бутерброд, или еще что-нибудь? Вы даже не попробовали лепешки!

— Честное слово, больше не могу, — заверил я. — Если я съем еще хоть кусок, потом не смогу ужинать.

— Ах да, ужин. — Ее лицо приняло озабоченное выражение. — Ужин... Боюсь, на ужин придется обойтись без горячего. Надеюсь, вы не против?

— Нет-нет, я не против.

— Вот и хорошо. Тогда вы сейчас отыщите Чарли и возвращайтесь с ним, когда он кончит работу. Захватите свои вещи, и мы поможем вам устроиться. Идет?

И я отправился обратно через пустырь. Около часа я в упоении бродил по территории зоопарка. Уипснейд оказался таким обширным, что за это время при всем желании нельзя было все охватить, но я отыскал волчий лес — густой сосновый бор, в сумраке которого рыскали хитроглазые звери, время от времени затевая шумные потасовки. Они сновали между деревьями так стремительно и беззвучно, что напоминали влекомые порывом ветра хлопья пепла. По соседству с волками отгородили с полгектара для бурых медведей — могучих светло-палевых

тяжеловесов, которые бродили среди кустов утесника и куманики, приносясь и роя когтями землю.

Я был восхищен, такие условия содержания животных казались мне идеальными. Мне еще предстояло узнать, что очень большая площадь таит в себе минусы и для служителей, и для зверей.

Внезапно вспомнив про время, я поспешил к слоновнику и отыскал Чарли. Вместе мы забрали мои чемоданы и зашагали через пустырь к коттеджу.

— Разувайтесь сразу оба, — сказала миссис Бейли, открывая дверь. — Нечего пачкать мои чистые полы.

Она показала на расстеленные в прихожей газеты.

Мы послушно разулись и вошли в носках в гостиную, где стол уже ломился от яств. Ветчина, язык с салатом, молодой картофель, горошек, фасоль, морковь. И большущий бисквит, щедро залитый сбитыми сливками.

— Боюсь только, вам этого маловато, — озабоченно произнесла миссис Бейли. — Здесь одни закуски, но придется уж вам довольствоваться этим.

— По-моему, все в порядке, голубушка, — заметил Чарли с присущей ему мягкостью.

— Это не совсем то, что у меня было задумано. Парню нужно горячее. Что поделаешь, сойдет на этот раз.

Мы сели и приступили к еде. Все было очень вкусно, и некоторое время за столом царила тишина.

— А что привело вас в Уипснейд, Джерри? — спросил наконец Чарли, любовно препарируя содержимое своей тарелки.

— Понимаете, — начал я, — меня всю жизнь занимают животные, и я задумал стать звероловом — ну, ездить в Африку и другие дальние страны и привозить оттуда зверей для зоопарков. Мне нужно приобрести опыт обращения с крупными животными. А в Борнмуте, сами понимаете, с крупными животными не поработаешь. К примеру, разве можно держать в пригородном саду стадо ланей?

— Понимаю, — подхватил Чарли, — конечно, нельзя.

— Возьмите еще салата, — предложила мне миссис Бейли; вопросы содержания крупного зверя в саду за домом ее явно не волновали.

— Спасибо, не надо, у меня есть, — ответил я.

— Ну, и когда же вы думаете отправиться в путешествие? — спросил Чарли.

Спросил без малейшей иронии, и я проникся к нему симпатией.

— Да вот, как только получу нужную подготовку.

Чарли кивнул, потом чуть заметно улыбнулся своей мягкой улыбкой, беззвучно шевеля губами. Такая у него была привычка — улыбается и повторяет про себя услышанное, словно хочет лучше запомнить.

— Доедайте горошек, — вмешалась миссис Бейли. — Не выбрасывать же его.

Наконец, наевшись до отвала, мы поднялись на второй этаж, где нас ждали постели. Окно моей комнаты выходило под карниз, потолок украшали дубовые балки. Она была уютно обставлена, и, разобрав свои чемоданы с одеждой и книгами, я почувствовал, что устроился просто роскошно. Со счастливым вздохом вытянулся я на кровати. Цель достигнута — я в Уипснейде! Упиваясь этой мыслью, я уснул. А уже через несколько секунд, как мне показалось, меня разбудил Чарли, который вошел с чашкой чая.

— Подъем, Джерри, — сказал он. — Пора на работу.

После вкусного завтрака — горячие сосиски, бекон, яйца и солидная порция чая — мы с Чарли направились через сверкающий от росы пустырь к воротам зоопарка, где смешались с толпой других сотрудников.

— А где вы будете работать, Джерри? — осведомился Чарли.

— Не знаю, — ответил я. — Фил Бейтс мне ничего не говорил.

В эту самую минуту рядом со мной появился Фил Бейтс.

— А, доброе утро! Устроились? Прекрасно.

— А куда вы меня поставите работать? — спросил я.

— По-моему, — раздумчиво произнес Фил, — по-моему, вам следует начать сегодня со львов.

Глава вторая
ЛОГОВО ЛЬВА

О благородное львиное племя!
Чосер. Легенда о славных женщинах

Признаться, предложение начать со львов меня слегка ошарашило. Тешу себя надеждой, что ничем не выдал Филу своей тревоги, но в глубине души я полагал, что для начала он мог бы поручить мне более ручных животных — скажем, стадо большеглазых ланей. Куда это годится, загонять человека в логово льва, не дав ему хоть сколько-нибудь освоиться с обстановкой! Так или иначе, я постарался сделать вид, что мне все нипочем, и зашагал по зоопарку в поисках своей секции.

Как оказалось, секция тянулась вдоль гребня известняковой гряды, частично поросшей бузиной и высокой крапивой. На косогоре над долиной кустарник сменялся кочками, в каждой из которых под аккуратнo подстриженным кроликами зеленым париком приютился муравейник. Отсюда открывался великолепный вид на мозаику полей, широкой полосой отделявших львятник от холмов по ту сторону долины, и пастельные краски мозаики словно переливались, когда по ней скользили тени от облачных громад.

Мозговой центр секции помещался в укрывшейся среди бузины маленькой развалюхе. Лихо сдвинутая набок накладка из жимолости совсем закрыла одно из двух окошек, отчего внутри царил угрюмый сумрак. Снаружи на стене красовалась разошедшаяся доска с эфемистической надписью "Приют". Обстановка была предельно спартанской: три стула разной степени дряхлости, стол, который дергался и подпрыгивал, точно норовистая лошадь, когда на него что-нибудь ставили, и устрашающего вида черная печка, которая жалась в угол, испуская сквозь железные зубы едкий дым и изрыгая невероятное множество угольков.

В этой темной лачуге я и застал обоих служителей секции. Джеси — молчаливый, краснолицый, голубоглазый мужчина с малиновым по цвету и фактуре носом — весьма сурово глядел из-под косматых белых бровей. Зато голубые глаза смуглолицого Джо искрились добродушием, и таким же добродушным был его заразительный хрипловатый смех. Закончив прерванный моим появлением завтрак, Джеси провел меня по секции, показал содержащихся в ней животных и объяснил мои обязанности.

В одном конце секции обитал вомбат Питер, затем следовали вольеры песцов и енотовидных собак. За вольером белых, как гриб-дождевик, полярных медведей я увидел так называемую тигровую яму с двумя тиграми. Еще два тигра содержались в просторном вольере, и замыкали ряд животные, по имени которых называлась вся секция, то есть львы.

Петляющая в зарослях бузины дорожка привела нас к высокой железной ограде. Территория львов примерно с гектар раскинулась на склоне холма, покрытом деревьями и кустарником. Следуя вдоль отжима, мы с Джеси подошли к месту, где заросли расступались, окаймляя лощину, на дне которой в окружении сочной высокой травы поблескивал пруд. Под корявым боярышником живописной группой расположились львы. Альберт о чем-то размышлял в бледных лучах солнца, закутавшись в гриву. Золотистые, упитанные, рядом крепко спали его супруги Нэн и Джил; только большущие, как тарелки, лапы их тихо подергивались. Джеси окликнул своих питомцев и провел палкой по железным прутьям, приглашая львов подойти и познакомиться с новым человеком. Альберт на миг повернул голову, наградил нас испепеляющим взглядом и снова погрузился в раздумье; Нэн и Джил даже не шелохнулись. Они совсем не производили впечатления диких и свирепых; скорее вся тройка показалась мне ленивой, раскормленной и несколько надменной. Джеси

расставил ноги, будто моряк на палубе качающегося корабля, звучно цыкнул зубом и устремил на меня строгий взгляд.

— Теперь послушай, сынок, что я тебе скажу, — заговорил он. — Слушай меня, и все будет в порядке. Возьмем вомбата, песцов и енотовидных — к ним ты вполне можешь заходить, понятно? А вот с остальными лучше не шути, не то они тебе покажут. На вид-то они, может, и ручные, а на деле ничего подобного, понял?

Он снова цыкнул зубом и пытливо взглянул на меня, проверяя, усвоен ли урок. Я поспешил заверить его, что мне и в голову не придет затевать что-нибудь рискованное, пока я не познакомлюсь поближе со своими подопечными. Я чувствовал — хотя и не сказал об этом вслух, — что было бы несколько унижительно очутиться в желудке льва, которому меня, как говорится, даже и не представили как следует.

— Так вот, сынок, — снова заговорил Джеси, важно кивая, — ты слушай, и я тебя научу, что и как.

Первые дни я только и делал, что учился, запоминал процедуру повседневных дел: кормления, уборки и так далее. А затем, усвоив основы своей работы, я получил возможность больше наблюдать и изучать наших питомцев. Джеси и Джо страшно потешало, что я таскаю с собой толстенную тетрадь и поминутно что-нибудь в ней записываю.

— Прямо Шерлок Холмс какой-то, — говорил обо мне Джеси. — Только и знай строчит что-то.

Джо пытался дурачить меня, описывая замысловатые трюки, будто бы выполненные на его глазах тем или иным животным, но он не мог обуздать свою фантазию, и я быстро разоблачал обман.

Естественно, я приступил к изучению львов. Впервые в жизни оказавшись на короткой ноге с этими зверями, я решил прочитать о них все, что можно, и сопоставить прочитанное с моими собственными наблюдениями. При этом я без особого удивления обнаружил, что на свете вряд ли найдется другое

животное (исключая некоторых мифических тварей), которому приписывали бы столько воображаемых достоинств. С тех самых пор, как некто в приливе восторга, не имеющего ничего общего с зоологической наукой, поименовал льва Царем зверей, авторы наперебой старались подтвердить его право на этот титул. Больше всех, как я убедился, отличились древние авторы — они единодушно превозносили *Felis leo* за его ум, благородство, отвагу и мягкий нрав; надо думать, это и предредило выбор известными своей простотой и скромностью англичанами льва для национальной эмблемы. На самом же деле, как я очень скоро узнал, работая с Альбертом и его супругами, львы не совсем таковы, какими их рисовали древние.

В старом английском издании "Естественной истории" Плиния я нашел следующее прелестное описание Царя зверей:

"Лев — единственный среди диких зверей милостиво обращается с теми, кто смиряется перед ним, и он не станет трогать покорившегося, а пощадит простершуюся перед ним на земле тварь. Как ни свиреп он и как ни жесток в других случаях, он обращает свою ярость сперва на самца и только во вторую очередь на самку, а детенышей вообще не трогает, разве что в состоянии крайнего голода".

Трех дней знакомства с Альбертом было для меня довольно, чтобы уразуметь, что на него это характеристика никак не распространяется. Свирепости и жестокости у него было хоть отбавляй, но милосердием и не пахло. Всякий, кто смиренно простерся бы на земле перед ним, был бы вознагражден за свою кротость укусом в загривок.

Не менее внимательно штудировал я Пэчеза, и он с самоуверенностью человека, в жизни не видевшего львов, сообщил мне, что "в холодных областях львы более миролюбивы, в жарких — более свирепы". Прочтя эти слова, я проникся надеждой, что смогу поладить с Альбертом, так как сразу после моего прибытия в Уипснейд заметно похолодало, на холмы обрушился ледянящий ветер, от которого корявые кусты

бузины скрипели, стонали и зябко жались друг к другу. Если верить Пэчезу, в такую погоду Альберту и его женам полагалось мило резвиться, наподобие котят.

Уже на второе утро мое доверие к Пэчезу было грубо подорвано. Согнувшись в три погибели от встречного ветра, синий от холода, я брел мимо львиной клетки, возвращаясь под кров теплого Приюта. Между тем Альберт спрятался в густой траве и крапиве на углу вольера, рядом с дорожкой. Уверен, он заранее заметил меня и решил преподнести мне маленький сюрприз, когда я буду идти обратно. Дождавшись, когда поровнялся с ним, он неожиданно выскочил из укрытия и с устрашающим рыканьем бросился на железные прутья, после чего присел и уставился меня желтыми глазищами, злорадно упиваясь моим испугом. Шутка эта настолько пришлась ему по вкусу, что в тот же день попозже он повторил ее. И снова был вознагражден зрелищем того, как я подпрыгнул, словно испуганный олень. С той разницей, что я сверх того выронил ведро, споткнулся о него и со всего маху шлепнулся в буйную крапиву. Позже я убедился, что холодная погода вместо того, чтобы внушить Альберту кротость, превращает его в страшного разбойника. Он развлекался тем, что прятался за кустами и внезапно выскакивал из засады, пугая ничего не подозревающих престарелых дам. Видимо, упражнения эти призваны были улучшить его кровообращение, когда в воздухе пахло морозцем.

Я продолжал изучать сведения Плиния и Пэчеза о львах, но уже более критически. После бурного дня в обществе прыгуна Альберта я отдыхал душой, читая про сказочно милых четвероногих, куда более симпатичных, чем мои живые подопечные. Особенно нравились мне рассказы странников о встречах со львами в джунглях, неизменно подчеркивающие ум и дружелюбие зверя. Так, Плиний сообщает о Менторе Сиракузском, как тот встретил в Сирии льва, который почему-то проникся к нему самыми теплыми чувствами, прыгал вокруг него, будто шалый ягненок, и со всеми признаками симпатии

лизал его следы. В конце концов Ментор обнаружил, что причиной столь трогательного проявления приязни был вонзившийся в лапу зверя большой шип: лев хотел, чтобы человек выдернул занозу.

Видимо, тогдашние львы были поразительно беспечными, ибо Плиний приводит также историю некоего Элписа, которая даже меня заставила усомниться в правдивости древнего источника. Не успел этот Элпис ступить на землю Африки, как к нему подбежал лев с разинутой пастью. Понятное дело, странник бросился к ближайшему дереву, взывая к Вакху о защите, и продолжительное время отсиживался на верхних ветвях упомянутого дерева, между тем как лев, все так же с разинутой пастью, бродил внизу, всячески стараясь дать понять этому тупице, в чем дело. Элпис явно был плохо знаком с записками путешественников той поры, иначе он тотчас смекнул бы, что льва мучает шип или еще что-нибудь в этом роде, от чего он жаждет избавиться. Прошло довольно много времени, прежде чем до него наконец дошло, что даже самый свирепый лез не станет постоянно ходить с широко разинутой пастью. Тогда Элпис осторожно спустился на землю и обнаружил, что в пасти льва, как и следовало ожидать, застряла кость. Он живо и без особых затруднений удалил эту кость. После чего лев настолько преисполнился радостью и благодарностью, что взялся поставлять мясо для корабля, на коем прибыл его спаситель. И все время, пока корабль стоял на якоре у этих берегов, лев ежедневно снабжал команду свежей олениной.

В отличие от своих далеких предков Альберт и его жены не жаловались на здоровье и, к моему великому облегчению, не требовали, чтобы мы извлекали шипы из их лап. Несмотря на свою упитанность, они были чрезвычайно прожорливы, и каждая трапеза сопровождалась такой грызней, будто их не кормили несколько недель. Альберт хватал самый большой кус мяса и уносил в кусты. Спрячет и поспешно возвращается, чтобы посмотреть — нельзя ли утащить что-нибудь у жен.

Зрелище того, как он отталкивал супругу и забирал ее порцию, ярко иллюстрировало слова о благородном нраве Царя зверей.

Раз в неделю мы запирали Альберта и его жен, чтобы войти в вольер и убрать обглоданные кости и прочие следы жизнедеятельности августейших особ. К ограде была пристроена большая клетка из железных прутьев, туда-то и надо было загонять всю троицу, прежде чем приступить к работе. Процедура долгая и утомительная, и только налет комедии скрашивал ее однообразие.

Чтобы загнать в клетку наших львов, которые, сами понимаете, отнюдь не шли нам навстречу, требовалась изрядная ловкость плюс умение сохранять невинный вид и быстро бегать. Но первейшее условие успеха — дать Альберту как следует проголодаться; тогда он рыскал вдоль ограды, сверкая глазами и сердито взъерошив гриву. С видом полной невинности мы подходили к клетке и складывали на дорожке свои лопаты, ведра, метлы и вилы. Затем доставали здоровенный кусище сырого мяса и клали так, чтобы Альберт мог видеть и обонять его. Лев приветствовал этот маневр насмешливым булькающим ворчанием, исходившим откуда-то из глубин его длинной гривы. После этого мы поднимали дверь клетки, а сами продолжали громко беседовать, словно меньше всего на свете помышляли о поимке львов. К чести Альберта должен сказать, что эти трюки ни на миг не вводили его в заблуждение, просто мы соблюдали некий ритуал, без которого поломался бы весь стройный порядок действий.

Выждав, сколько требовалось, чтобы Альберт хорошенько рассмотрел говяжью лопатку и поразмыслил о ее достоинствах, мы переносили приманку в клетку. И, прислонившись к отжиму, предавались самовнушению, время от времени изрекая совершенно безразличным голосом:

— Ну как, Альб? Проголодался? Ну, давай, иди сюда. Будь послушным мальчиком. Поешь мясца. Ну, давай. Иди, иди сюда...

Снова и снова на разные лады повторялась эта хоровая песня, и тот факт, что Альберт ровным счетом ничего не понимал из произносимого, делал весь спектакль вдвойне нелепым.

Исчерпав запас ободряющих реплик, мы оказывались в тупике. Джеси, Джо и я таращились на Альберта, Альберт таращился на нас. Все это время Нэн и Джил, снедаемые нетерпением, рыскали поодаль, однако не смели ничего предпринять, ибо традиция требовала, чтобы инициативу проявил их господин и властитель. А тот как будто находился в трансе. Пока длилось это ожидание, я пользовался случаем еще и еще раз проверить, правда ли, будто взгляд человека оказывает какое-то действие на бессловесных тварей. Я пристально смотрел прямо в маленькие желтые глаза Альберта; он, не моргая, смотрел на меня. Единственным результатом было то, что мне делалось малость не по себе.

Так проходило с десяток минут, но Альберт и не помышлял входить в клетку, вынуждая нас прибегать к следующей уловке. Оставив на месте приманку, мы неторопливо удалялись. Заклучив, что мы отошли на безопасное расстояние, Альберт стремглав врвался в клетку, хватал мясо и устремлялся к выходу, чтобы выскочить раньше, чем мы успеем прибежать и закрыть его. Сплошь и рядом железная дверь со звоном ударялась о пол в каких-нибудь пяти сантиметрах от его хвоста, и Альберт, одурачив нас, уносил свой трофей в укромный уголок, где можно было спокойно насладиться победой. Естественно, на этом все кончалось; мы должны были ждать еще сутки, пока Альберт снова проголодается.

Других обитателей этой секции мы заманивали в клетки примерно таким же способом, но никто из них не причинял нам столько хлопот. Альберт обладал особым даром досаждать своим опекунам.

Когда же нам все-таки удавалось заточить львов в клетку, мы отправлялись к маленькой калитке в другом конце вольера. Войдя на участок, полагалось запирать калитку за собой. Не

могу сказать, чтобы мне это доставляло удовольствие, ведь теперь мы сами оказывались в заточении за пятиметровой железной оградой на участке площадью в один гектар — и никуда не денешься, если львы чудом вырвутся из клетки.

Однажды мы с Джо, войдя внутрь ограды, как обычно, разделились и пошли по кустам собирать накопившиеся за неделю обглоданные кости. В густых зарослях мы скоро потеряли друг друга из виду, но я слышал посвистывание Джо да время от времени звон, когда он бросал кость в ведро. Я пробирался по тропе меж высоких кустов куманики; сюда явно любил наведываться Альберт, потому что мягкая глина избилывала отпечатками его могучих лап и на колючках тут и там висели клочья шерсти из гривы. Созерцая огромные следы, я размышлял о злобном и вспыльчивом нраве Альберта. Внезапно раздалось его рычание. Клетка находилась довольно далеко, за деревьями слева от меня, между тем я мог поклясться, что рычание донеслось откуда-то спереди. Не тратя времени на выяснение загадки, где же Альберт, я стремглав бросился к калитке. Джо подоспел туда одновременно со мной.

— Он вырвался? — спросил я, когда мы очутились в безопасности за оградой.

— Не знаю, — ответил Джо. — Я не стал проверять. Мы обогнули вольер и убедились, что львы по-прежнему заперты в клетке, но в глазах Альберта блестела лукавая искорка, которая заставила меня призадуматься.

Так я впервые познакомился с чревовещательными способностями льва. Многие авторы утверждают, будто лев умеет направлять свое рычание таким образом, что оно слышится одновременно с двух, а то и с трех сторон. Это вовсе не так уж невероятно, ведь многие птицы и насекомые наделены поразительными чревовещательными способностями. Бывает, видишь животное собственными глазами, а чудится, будто звук рождается в другой стороне, в нескольких метрах от подлинного источника. Понятно, если лев и впрямь наделен таким даром,

ему это весьма выгодно — ночью он может своим рыканьем нагнать на стадо копытных такую панику, что оно побежит не от хищника, а прямо на него. Судя по описанному мной случаю, Альберт явно умел направлять свое рыканье: хотя он находился примерно на одинаковом расстоянии от меня и Джо, тем не менее нам обоим почудилось, что лев рычит совсем рядом.

Вскоре мне предстояло еще раз убедиться в поразительных способностях Альберта. Поздно ночью я возвращался с какого-то деревенского праздника и решил для сокращения пути пройти через зоопарк. Торопливо шагая по дорожке среди шелестящей бузины возле львиного вольера, я вдруг услышал отрывистое рыканье Альберта и замер на месте. Зная, в какой стороне должен быть лев, я тем не менее затруднялся определить направление звука. Было в этом рыке что-то громоподобное, отчего казалось, что вибрация через землю доходит до моих подошв. Если верить слуху, Альберт мог быть и за пределами вольера. Не очень приятная мысль, и только беззаветная преданность естественной истории помешала мне броситься наутек. Движимый безрассудством, я подошел к отжиму и вперил взгляд в темноту, однако ничего не мог рассмотреть. И не было луны, чтобы осветить безмолвные черные кусты. Шагая вдоль вольера, я знал, что за мной следят, буквально осязал жадно устремленные на меня глаза, но незримые звери двигались бесшумно, ни одна ветка не хрустнула под могучими лапами. А когда я стал подниматься по склону, удаляясь от вольера, вдогонку мне полетело полное презрения и издевки громкое фырганье.

Некоторые люди отказываются верить, что лев может по желанию направлять свой голос. Дескать, он, рыкая, просто-напросто опускает пасть к самой земле, поэтому звук смазывается и невозможно определить, откуда он идет. Желая проверить это, я всячески старался застать Альберта за рыканьем, но все безуспешно. Сколько раз проходил я мимо его вольера, надеясь, что он зарычит при мне, но Альберт упорно

молчал. Бывало, заслышу, что он подает голос, и мчусь сломя голову по дорожке к львятнику, сея страх среди посетителей, полагающих, что я спасаюсь бегством от вырвавшегося на свободу зверя. А добегу, запыхавшись, до отжима — Альберт либо кончил свои вокальные упражнения, либо раздумал после двух-трех пробных нот. Правда, я чувствовал себя вполне вознагражденным великолепными звуками, которые он издавал, когда я его слышал, но не видел.

Альберт явно предпочитал петь по вечерам. Внезапно раздавалось его "эррум", потом другое, третье, с долгими промежутками, словно лев настраивал голосовой инструмент. А затем он приступал к исполнению своей арии, "эррум" становилось сочнее, полнее по звуку и повторялось чаще, чаще, сливаясь наконец в сплошное грозное крещендо. Все быстрее катился рокот, потом темп замедлялся, и песня обрывалась так же внезапно, как началась. Нет слов, чтобы описать страшные угрозы, которыми была наполнена эта песня, когда звучала во всю мощь. Если же отвлечься от эмоций, то представьте себе, что кто-то пилит дрова на огромной гулкой бочке. Сперва пила ходит медленно, затем все быстрее, по мере того как сталь вгрызается в древесину, под конец пила опять замедляет ход, и — тишина. Тут я каждый раз невольно ждал, что сейчас глухо стукнет о землю упавшее полено.

После нескольких недель знакомства с Альбертом я заключил, что он решительно ни в чем не отвечает распространенному представлению о львах. Надутый, наглый, начисто лишенный каких-либо благородных чувств. Золотистые глазки его постоянно горели яростью, но с оттенком недоумения, как будто Альберт искренне стремился оправдать репутацию лютого зверя, вот только не мог припомнить, зачем это нужно. У него всегда было слегка озадаченное выражение, словно он не очень-то верил в необходимость вести себя так. То рыскает по участку в отвратительном настроении, то развлекается, страшая ложными выпадами ничего не подозревающих прохожих, и злорадно

упивается их испугом. В часы кормления он вел себя, как я уже говорил выше, весьма предосудительно. Набив брюхо своей долей и отнятым у жен, Альберт распластывался в высокой траве и громко рыгал. При всем желании я не мог обнаружить в нраве Альберта ничего привлекательного.

За все время нашего общения он только однажды выглядел по-настоящему царственно — когда у Джил началась течка. Взъерошив гриву, Альберт расхаживал по участку, ворча себе под нос что-то душераздирающее и принимая величавые позы. Уверен, Плиний был бы от него в восторге. Пока Альберт обхаживал Джил, я снова обратился к Плинию, чтобы прочесть, что он писал о львиной любви. Первое его суждение на эту тему оказалось не очень лестным:

"...львицы весьма похотливы, оттого-то львы так жестоки и свирепы. Африканцы хорошо об этом осведомлены и часто наблюдают примеры, особенно в пору сильной засухи, когда нехватка воды вынуждает диких зверей собираться вместе в большом количестве у немногочисленных рек. По этой причине появляется на свет так много странных тварей и удивительных помесей, потому что самцы когда вынужденно, когда удовольствия ради покрывают без разбора самок другого рода".

Я ни разу не видел, чтобы Нэн и Джил вели себя хоть сколько-нибудь похотливо, даже во время течки казалось, что им только докучают знаки внимания Альберта. Плиний продолжает:

"Лев по запаху узнает, когда львица была ему неверна и позволила леопарду покрыть ее; и тогда он, не щадя сил, набрасывается на нее и наказывает за неверность".

Конечно, у Нэн и Джил не было никакой возможности изменить Альберту, поскольку они были заточены в вольере вместе с ним. Но я не сомневаюсь, что Альберт в любых условиях был бы строгим супругом. Не приведи господь оказаться на месте его жены, если бы он застал ее во время шашней с леопардом!

Меня всегда озадачивало, почему посетители зоопарка хихикают и украдкой поглядывают друг на друга, когда Альберт с великим достоинством, без малейшего смущения совершал посредине поляны акт оплодотворения. Представляю себе их возмущение, если бы они знали, что соучастница оргии — его собственная дочь, Джил. Инцест!

Джо тоже одолевала странная робость, если он заставлял животных во время спаривания. Он тщательно обходил те вольеры, в которых происходили столь ужасные вещи. Зато Джеси не страдал застенчивостью. Хриплым голосом он громко подбадривал животных, отчего публика поспешно расходилась. Никто не умел так, как он, заставить зевак улетучиться в мгновение ока.

— Не понимаю, как только у него язык поворачивается, — жаловался мне Джо, укрывшись в свободном от всяких намеков на секс Приюте. — Меня бросает то в жар, то в холод, честное слово. Вчера вот иду я мимо львов, а он там завел свое. Люди стоят, девочки маленькие, а старик Альберт крутит с Джил у всех на виду. И как только Джеси может, я и за сто фунтов не смог бы так.

И он поджимал губы с таким скорбным видом, словно и впрямь отказался от ста фунтов. Бедняга Джо, тяжело ему приходилось, когда у животных начинался гон.

Если не считать развязного подхода к вопросам пола, был у Джеси не совсем обычный дар, которому мы с Джо завидовали черной завистью. Есть чудодеи, определяющие присутствие подпочвенных вод при помощи ивового прута; есть псы, чующие скрытые под землей грибы; не менее волшебный дар позволял Джеси угадывать, где его ждут чаевые. Стоит перед Приютом, цыкая зубом и присматриваясь к шествующим мимо посетителям, — вдруг весь подобрался, белые брови подрагивают, и челюсти удовлетворенно смыкаются.

— Так, две бумажки есть, — заключает он и начинает подкрадываться к жертве так же ловко, как доверенные ему большие кошки.

Мы с Джо, сколько ни старались, не могли усмотреть никакой разницы между собеседниками Джеси и теми, кто удостоивал внимания нас. А Джеси был наделен безошибочным чутьем, перед началом очередной атаки он точно определял, какой будет добыча. Из него вышел бы отменный пират.

— Ей-богу, не пойму, как он это делает, старый гусь, — жаловался Джо. — Вот недавно был случай, он говорит мне: "Давай, Джо, попытай счастья. Вон к белым медведям подходящий тип направился, видишь — тот, в шляпе. Пять бумажек обеспечены". Ну, я пошел, полчаса потратил на того типа, рассказывал про то, про се. Нет, правда, изо всех сил старался угодить, а что получил за свои старания — паршивую сигаретку.

Прошло немного времени, и Альберт с его дамами мне, честно говоря, приелись. В отличие от других обитателей секции они были лишены индивидуальности. дружелюбие им тоже было неведомо, а это не позволяло узнать их поближе. Фантастические львы Плиния и их похождения казались мне куда интереснее наших живых подопечных. Не знаю, понял ли Альберт, что моя душа не лежит к нему, но он вдруг проникся ко мне острой неприязнью и откровенно пытался прикончить меня, когда я подходил к вольеру. Однажды это ему почти удалось.

Как-то раз Джо постановил очистить канавы у львиного вольера, чтобы мне было что вспоминать, когда я перейду в другую секцию. Вооруженные шлангом, вилами, щетками и прочими причиндалами, мы прибыли на место и вскоре сумели заманить Альберта и его супруг в клетку. После этого Джо, весело насвистывая, взял в руки шланг, а я перемахнул через отжим и принялся очищать канаву от мусора. Канавка тянулась вдоль самой ограды, и просвет между прутьями позволял

Альберту просунуть лапу, потому-то мы и заперли его в клетку с более частой решеткой.

Мы прилежно трудились и приблизились наконец к разъяренному узнику. Лихо орудуя шлангом, Джо щедро поливал все вокруг, и, потянувшись за метлой, я поскользнулся и упал около клетки. Хорошо, что просветы были узкие, не то Альберт ухватил бы меня за лопатку. Не теряя времени, он с торжествующим рыканьем бросился в мою сторону и попытался вонзить в меня когти. Решетка не пустила лапу, но он все же зацепил когтем мой рукав. С истощным воплем, не сомневаясь, что лев уже пожирает меня, Джо направил шланг на нас. Он хотел, разумеется, поразить струей морду Альберта и заставить его выпустить меня. Увы, от волнения Джо промахнулся, и в ту самую секунду, когда я, освободившись от львиного когтя, кинулся прочь от клетки, тугая струя ударила мне в лицо, так что я едва не захлебнулся, и отбросила меня обратно. Альберт попытался снова зацепить меня — безуспешно; Джо повернул шланг и влил ему струю между глаз. Я оторвался от клетки и, мокрый насквозь, перелез через отжим на дорожку.

— Ты кому, собственно, помогаешь? — опросил я Джо.

— Ради бога, извини, — покаялся он. — Мне показалось, эта старая скотина схватила тебя.

— Да уж ты-то сделал все для этого, — горько заметил я, без особенного успеха вытираясь носовым платком.

В долгие летние вечера мне полагалось дважды в неделю дежурить после ухода Джеси и Джо, следить за тем, чтобы никто из посетителей не демонстрировал свой интеллект, перелезая через отжим или швыряя в зверей бутылками. Это были очень приятные вечера. Я чувствовал себя властелином всех обозримых окрестностей. Сидишь в Приюте с чашкой крепкого чая и разбираешься в набросанных торопливой рукой заметках, пытаясь как-то причесать их. Все длиннее тени на траве снаружи; последние посетители направляются к выходу. Без людей сразу становится удивительно тихо, и вот уже кенгуру

осторожно выбирают из зарослей бузины, куда их днем загнали орды крикливых мальчишек. Хрипло рыкает Альберт, прочищая голосовые связки для ночного концерта; отчетливо слышно, как белые медведи лениво плещутся в своем бассейне.

Напоследок я должен был обойти всю секцию и убедиться, что все в порядке.

...Кенгуру разбрелись по территории и мирно пасутся, успокоенные внезапно наступившей тишиной. Тигрица Рани счастлива, что открывается дверь ее клетки: большая цементная яма, в которой она обитает, теперь в тени и лапам становится холодно. Ее сын Поль уже спит на соломенном ложе. На участке по другую сторону, гряды в своих деревянных будках свернулись калачиком енотовидные собаки; в соседнем вольере песцы скользят среди кустов, будто привидения, в высокой траве на краю пруда лежат львы. Альберт как обычно, размышляет, укутавшись в гриву; Нэн и Джил возле него крепко спят с туго набитым брюхом. И опять кенгуру — неторопливо прыгают по траве, волоча за собой тяжелый хвост. На верхушках деревьев суетятся и трещат сороки. В своей лощине дремлют тигры Джам и Морин, а в кустах вокруг их вольера копошатся кенгуру. Кенгуру, кенгуру — всюду кенгуру; слышно, как в полумраке зарослей бузины их кроличьи зубы соскребают кору со стволов.

Удостоверившись, что в секции царит полный порядок, и предвкушая плотный ужин, которым миссис Бейли всегда потчует меня после вечернего дежурства, я направляюсь к выходу. По пути тут пустую бутылку подберешь, там клочок оберточной бумаги.

Глава третья
ТОРЖЕСТВО ТИГРОВ

Убедится, что тигр вполне
окупает все усилия и расходы.

Бэлок. Тигр

Первые лучи утреннего солнца греют слабо, но они покрывают траву и листья тонкой позолотой, и в их прозрачном свете видно — и слышно, — как просыпается парк. Среди поникших кустов бузины с застрявшими в ветвях ключьями тумана сидят на солнце кучки вялых и тучных кенгуру с темной росной росписью на шубках. Воздух над лужайками пронизывают похожие на английское *help* резкие крики павлина, влачащего свой многоцветный хвост через сосновую рошу. Зебры при виде тебя вскидывают голову, выпускают из ноздрей фонтаны пара и нервно переступают на влажной траве. Свернешь на свою дорожку — из-за ограды вольера белых медведей в тебя целятся трепещущие черные носы, которые жадно тягивают сытный дух зажатых у тебя под мышкой буханок хлеба.

Джеси и Джо идут к Приюту, а я спускаюсь к тигровой яме. Звякает железная калитка, извлекая тысячи вибрирующих эхо из цементных стен, я вхожу в темницу и приступаю к выполнению своих обязанностей.

Распростертые на роскошных постелях из желтой шуршащей соломы, тигры просыпаются и приветствуют меня, разевая влажные розовые пасти в сладком зевке. Грациозно потянулись — спина дугой, хвост палкой, нос подрагивает — и мягко трусят к дверям, не сводя с меня глаз. В яме содержались два из наших четырех тигров — Поль и Рани, сын и мать. Однако Поль не испытывал привязанности к своей родительнице, поэтому спали они в отдельных клетках, и в яму их пускали по очереди. Моей первой обязанностью утром было выпустить из клетки Рани; отодвину тяжеленную дверь и снова задвигаю ее, как только

тигрица выскользнет на солнышко. А затем в нарушение правил минут пять кормлю ее сына нарезанным мясом.

Полю был у нас самый крупный и красивый тигр. Ленивые пластичные движения, кроткий нрав — никогда не скажешь, что Рани его мать. Огромные лапы-подушечки Поля ступали бесшумно и неторопливо; его родительница тоже двигалась бесшумно, но быстро, порывисто, нервно, навевая удручающие мысли о ее способности застигнуть тебя врасплох. Уверен, большую часть своего досуга она тратила на то, чтобы измыслить безошибочный способ расправиться с нами. Свирепость характера Рани явственно выражалась в ее зеленых немигающих глазах. Полю с достоинством и великой кротостью брал мясо у меня из рук; его мать хватала пищу жадно — неровен час зазеваешься, и руку прихватит заодно. Когда я кормил Поля, мне казалось, что он отвергнет мою руку, даже если ее сунуть ему в пасть, как нечто недостойное внимания. Успокоительная мысль, хотя вряд ли справедливая.

Во время наших утренних бесед Полю вел себя так благодушно, что мне стоило немало труда помнить, сколь опасным он может быть при желании. Упрется могучей головой в прутья клетки, чтобы я почесал ему уши, и громко мурлычет, напоминая скорее огромного домашнего кота, чем живущего в нашем представлении кровожадного тигра. Он принимал мои подношения с царственной снисходительностью, после чего ложился и вылизывал свои лапы, а я, сидя на корточках, восхищенно любовался им. Вблизи он был особенно великолепен. Яркий мех, изумительно пропорциональное сложение, движения плавные и изящные. Голова массивная, очень широкая между ушами; нижнюю скулу облекает бледношафрановое жабо. Темные полосы на рыжем фоне казались языками черного пламени. Но, пожалуй, всего красивее были глаза: миндалевидные, чуть скошенные, большие, они напоминали полированную морем гальку цвета травянистой зелени.

Обычно наши утренние собеседования с Полем прерывал Джеси, ему не терпелось выяснить, куда я, такой-сякой, запропастился с его лопатой. Той самой лопатой, за которой я каждое утро вызывался сходить, чтобы был предлог навестить тигров. И которая играла в распорядке Джеси немаловажную роль: он отправлялся с ней в рощу для утреннего очищения, без чего не мыслил себе свой трудовой день.

Возвратившись после общения с природой, Джеси принимался за дела и начинал чистить тигровую яму. Мы снова запирали Рани в клетке, входили с щетками и ведрами в яму, драили бетон и собирали оставшиеся от вчерашнего обеда кости. После этого поочередно выпускали Рани и Поля, чтобы произвести уборку в их клетках и сменить подстилку. Вернувшись в клетки, оба тигра совершали очень своеобразный обряд. Идут, принохиваясь, прямо на свою постель и принимаются ворошить и мять лапищами солому. Уши прижаты к голове, в полузакрытых глазах — задумчивое, мечтательное выражение. Потом вдруг выпрямляются и обильно поливают мочой самую середину своих чистых постелей. После чего половину дня дремлют, временами просыпаясь для того, чтобы вылизать лапы и сладко позевать. Видимо, обнаружив в клетках чистые опилки и свежую соломенную постель, не слыша собственного острого запаха, заглушенного дезинфицирующим средством, которым мы опрыскивали пол и стены, тигры считали нужным доказать себе (и случайным посетителям), что эти клетки — часть их территории. Пропитают солому своим резким запахом, поднимут, так сказать, свой флаг — можно успокоиться и ждать кормежки.

По окончании уборки в тигровой яме наша троица уделялась в Приют, чтобы перекусить. Сидя на скрипучих стульях в темной лачуге, мы с интересом рассматривали, кто что прихватил из дома. Джеси, держа бутерброд в огромной красной ручище, ел медленно, методично и совершенно равнодушно. Джо стремительно расправлялся со своими припасами, весело

рассказывая мне что-нибудь с полным ртом и разделяя фразы взрывами своеобразного хриплого смеха. Джо — единственный из знакомых мне людей, чей смех в написании точно передается междометием "хе... хе... хе". Джеси угрюмо молчал; покончив с завтраком, он устремлял в окно отступящий взгляд и цыкал зубом. Потом с медлительностью рептилии раскуривал свою трубку, заставляя ее сипеть, пищать и хлюпать, меж тем как мы с Джо обсуждали погоду, рыбную ловлю, лучший способ снять с кролика шкурку или сравнивали стати трех блондинок, чьи портреты украшали стену над стулом Джо.

Но вот мы все трое поднимаемся и выходим из лачуги, чтобы выполнить следующий пункт нашей программы: убрать вольер белых медведей. В гуще кустов бузины стрекочут настороженные нашим появлением сороки, Джо зычным криком спугивает их, и они вырываются из листвы, разлетаясь в разные стороны гомонящими черно-белыми стрелами.

В первой половине дня в зоопарк привозили мясо, кровавые лопатки и окорока с пятнами зеленой краски в знак того, что они не годятся в пищу людям. С половины третьего до трех мы разрубали мясо на куски, раскладывали по ведрам и решали, которого из зверей сегодня побаловать лакомством вроде сердца или печени. В три часа приступали к кормлению.

Начинали мы всегда с тигровой ложины в дальнем конце нашей секции (с нижних тигров, как мы говорили). Здесь, в просторном, как у львов, вольере с густым кустарником жили Джам и Морин, не связанные узами родства с обитателями тигровой ямы Полем и Рани. Идем туда вдвоем, неся ведра с мясом, и непременно за нами следует словно возникшая из небытия толпа ребятишек с добавлением любопытных взрослых. Дети снуют вокруг нас, испуская звонкие крики, задавая вопросы, нетерпеливо расталкивая друг друга и подпрыгивая, чтобы лучше рассмотреть кровавые куски.

— Ух ты! Гляди, какое мясо... Альф... Альф... погляди на мясо!

— А для чего эта вилка, мистер?

— Вот это да! Спорим, они и половины не одолеют.

— А что это за мясо, мистер?

— Джон, сынок, осторожно, не мешай служителю... Джон, слышишь, кому говорят?

И так далее, на всем пути до вольера, где Джам и Морин мечутся взад-вперед у самой ограды, снедаемые адским нетерпением.

Мне всегда казалось интереснее кормить эту пару, чем Поля и его родительницу, ведь в яму мы просто бросали мясо, и все, а с нижними тиграми общение было более близким. Зацепишь вилкой мясо и просовываешь узким концом (обычно — костью) вперед между прутьями. Джам, как истый джентльмен, огрызался на свою супругу и отталкивал ее, если она пыталась опередить его. Схватит мясо зубами, упрется в каменную кладку и тянет, выгнув спину и напрягая все мускулы. Невероятная и даже грозная демонстрация силы: сантиметр за сантиметром тигр протаскивал мясо между прутьями, заставляя их отгибаться в стороны! Но вот прутья вдруг отпускают хватку, тигр от неожиданности садится и тут же, высоко подняв голову, важно шагает через кусты к пруду, чтобы там сожрать добычу.

Накормив Джама и Морин, мы отправлялись с ведрами за новой порцией. И снова нас сопровождает кучка зрителей, снова — град дурацких вопросов, без которых, видимо, не обходится кормление тигров.

— А почему мясо сырое?

— А если его сварить, они станут есть?

— Почему тигры полосатые?

— Если вы к ним войдете, они вас укусят?

Такие вопросы обычно задавали взрослые; вопросы детей, как правило, были куда разумнее.

Хотя Поль был моим любимцем, Джам и Морин, по чести говоря, являли собой более интересное зрелище. На фоне зелени деревьев и кустов их расцветка казалась особенно яркой.

Правда, природа наделила их вспыльчивым нравом, и я неизменно дивился мгновенной смене настроений, когда из вяло слоняющихся по участку зверей они вдруг превращались в шипящее и рычащее воплощение ярости.

А еще мне нравились короткие любопытные беседы Джама и его супруги. Способ их общения был чрезвычайно своеобразным, а издаваемые звуки настолько далеки от обычного ворчания или рычания, что напоминали какой-то особый язык. Тигры фыркали, производя дрожащими носами громкие булькающие звуки. Всего-навсего фыркание, но как они умели его варьировать, сколько разных значений в него вкладывали (во всяком случае, мне так казалось)! Причем беседовали Морин и Джам, только когда мы загоняли их в клетки или выпускали в вольер.

Фыркание производилось двояко, и звук получался либо протяжный и насыщенный, словно тигры спокойно переговаривались, либо очень громкий, с вопросительной интонацией; оба способа допускали вариации в зависимости от обстоятельств. Беседы производили впечатление настоящего диалога: если тигр издавал вопросительное фыркание, другой непременно отзывался.

Поначалу я только и различал два основных, так сказать, мотива — бормотание и вопросы. Однако, прислушиваясь, я научился улавливать небольшие отклонения; казалось, что и отдельные фыркания различаются между собой, в каждое из них вложен свой, особый смысл. Долго я воспринимал беседы тигров просто как фыркание, потом начал склоняться к мысли, что они разговаривают друг с другом на каком-то очень примитивном языке. Идея эта настолько меня увлекла, что я потратил уйму времени, прежде чем научился воспроизводить некоторые самые простые звуки, и наконец направился к тигровой яме, чтобы проверить свои успехи на Поле. Как только он подошел к дверце, я наполнил легкие воздухом и изобразил звучное вопросительное фыркание. Убежденный, что сам Джам

не сказал бы лучше, я стал ждать ответа. Поль замер, явно озадаченный, и отступил на несколько шагов. Я фыркнул снова, почти так же выразительно, как в первый раз, и с меньшим расходом слюны. Кажется, дело пошло... Я с надеждой поглядел на Поля. Он наградил меня презрительным взглядом, от которого я чуть не залился краской, повернулся спиной и побрел обратно к своей постели. И я понял, что надо было еще малость потренироваться, прежде чем заговаривать с ним.

В ту самую пору, когда я осваивал тигриный язык, состоялось мое знакомство с Билли. Я только что проведаль львов и шел по дорожке, практикуясь в фыркание. На повороте я фыркнул на зависть всем тиграм и чуть не наскочил на высокого тощего юношу с шапкой рыжих волос, круглыми голубыми глазами и носом пуговкой. Верхнюю губу и щеки юноши покрывал нежный пушок цвета яичного желтка.

— Привет, — сказал он с обворожительной улыбкой, — ты наш новый парень.

— Точно, — подтвердил я. — А ты кто?

Он помахал руками, уподобляясь ветряной мельнице, и хихикнул.

— Я Билли. Просто Билли. Все зовут меня Билли.

— А в какой секции ты работаешь? — поинтересовался я, так как прежде не видел его в зоопарке.

— Да во всех, — ответил Билли, косясь на меня с хитринкой, — во всех.

Мы постояли молча. Билли жадно разглядывал меня, словно натуралист, который напал на новый, неизвестный вид.

— Ну и жуткий насморк у тебя, — внезапно произнес он.

— Нет у меня никакого насморка, — удивился я.

— Как это нет? — сказал он укоризненно. — Будто я не слышал, как ты чихал на весь зоопарк.

— Я не чихал, я фыркал.

— А звучало, как чих, — возмутился Билли.

— А на самом деле фыркание. Я учусь фыркать по-тигриному.

Круглые глаза Билли полезли на лоб.

— Чему ты учишься?

— Фыркать по-тигриному. Тигры разговаривают друг с другом фырканием, вот и я хочу научиться.

— Ты спятил, — убежденно сказал Билли. — Как это можно разговаривать фырканием?

— А вот так, как тигры. Возьми да послушай их как-нибудь.

Билли хихикнул.

— Тебе нравится здесь работать? — спросил он.

— Очень. А тебе?

Он снова метнул в меня хитрый взгляд.

— Нравится, но со мной другое дело, я здесь должен находиться.

Вспомнив о том, что у каждой деревни есть свой дурачок, я заключил, что напоролся на Уипснейдское издание.

— Ну ладно, я пошел.

— Еще увидимся, — сказал Билли.

— Ага, увидимся.

Удаляясь вприпрыжку между кустами бузины, он вдруг затынул пронзительным, режущим ухо голосом:

Я странствующий менестрель,

Одет в тряпье и лохмотья.

В Приюте я застал Джо, который мастерил себе мушку для ловли форели.

— Только что встретил деревенского дурачка, — сообщил я.

— Деревенского дурачка? Это кто же?

— Не знаю. Высокий такой, рыжий, звать Билли.

— Дурачок? — переспросил Джо. — Никакой он не дурачок. Разве ты его не знаешь?

— Нет, а кто он? — любопытно спросил я.

— Сын капитана Била, — ответил Джо.

— Господи! Что ж ты меня не предупредил?

Я быстро пробежал в памяти свой разговор с Билли, пытаюсь вспомнить, не было ли мной сказано что-нибудь особенно обидное.

— А где же он все-таки работает? — спросил я — В какой секции?

— Нигде, — сказал Джо. — Просто слоняется по зоопарку... здесь поможет, там подсобит. Иной раз от него только морока, но так-то парнишка славный.

Встреча с Билли быстро забылась, потому что голова моя была занята другими, более важными делами. У Морин началась течка, и мне представилась возможность наблюдать брачный ритуал тигров. К счастью, он пришелся как раз на мой выходной, и я весь день провел в укрытии около вольера, заполняя страницу за страницей своими наблюдениями.

С самого утра Джам неотступно следовал бурой тенью за своей супругой, униженно приседая под бременем страсти. Стоя за деревьями, я видел, как они рыскают в пестрой тени кустов, как скользят по их бокам солнечные зайчики. Джам трусил за супругой сзади, чуть сбоку. Он соблюдал почтительное расстояние: ему уже досталось от нее с утра, когда он подобрался чересчур близко. Три глубоких алых царапины на морде красноречиво свидетельствовали о ее необщительности. Буквально за ночь из робкого, подобострастного существа она превратилась в опасное крадущееся животное, которое быстро и безжалостно давало отпор преждевременным домогательствам Джама. Он явно был озадачен этим превращением; надо думать, столь внезапный переворот в их статусе был для него полной неожиданностью.

Они продолжали рыскать взад-вперед среди бузины, наконец страсть опять взяла верх, и Джам, со стеклянными от вожделения глазами, приблизился к Морин; в горле его перекатывался мурлыкающий стон. Тигрица, не замедляя размеренной трусцы, оскалила белые зубы с розовой полоской десен. Стон оборвался, и Джам отступил на прежнюю позицию.

И снова тигры рыскают туда-обратно в прозрачном сумраке между кустами, поблескивая рыжеватой шерстью. С моего мало уютного наблюдательного пункта в крапиве мне казалось, что Морин вообще не намерена уступать Джаму, и я восхищался его выдержкой. А она явно упивалась своей властью над супругом и продолжала водить его за собой.

Прошло еще полчаса, движения Джама с каждой минутой становились все более порывистыми и нетерпеливыми. Но вот я заметил, что Морин замедлила шаг и обмякла; спина ее прогнулась так, что светло-медовое брюхо почти волочилось по земле. Тигрица вихляла всем телом, и тоскливая озабоченность в ее взгляде сменилась таинственной задумчивостью, присущей тиграм, когда они дремлют после кормления. Ленивой походкой она не столько прошла, сколько проплыла из зарослей вниз к высокой густой траве возле пруда. И остановилась там, повесив голову. Джам жадно следил за ней от опушки; глаза его сверкали зелеными льдинками на грозной морде. Морин ласково замурлыкала, и кончик ее хвоста черным шмелем заметался по траве. Потом она аккуратно зевнула, обнажив розовую пасть в волнистой кайме темных губ. Медленно расслабилась и упала боком на траву. Джам затрусил к ней, вопросительно урча, и она отозвалась глухим воркованием. Тогда он, не мешкая, оседлал Морин, выгнув спину дугой и загребая лапами по ее бокам. Голова тигрицы поднялась, и он страстно впился зубами в ее изогнутую шею. Морин словно таяла под ним, словно расплывалась и почти совсем исчезла в траве. И вот уже они лежат рядышком и спят на солнце.

У Джама была одна повадка, которой я никогда не наблюдал у других наших тигров: получив мясо, он принимался его лизать. Язык тигра работает что твоя терка. Однажды мы кормили Джама в клетке, и я смог проследить, как он ест, на расстоянии вытянутой руки. Сначала Джам зубами очистил мясо от пленок и торчащих волокон. Потом, зажав его между лапами, принялся облизывать гладкую красную поверхность. Длинный язык

шоркал, точно наждак по дереву, буквально истирая мясо, так что гладкая поверхность становилась шершавой, как коверный ворс. Минут десять продолжалась эта процедура, и за это время Джим слизнул сантиметровый слой мяса. С таким языком тигру для еды и зубы-то не нужны!

Единственное, что затрудняло последовательные наблюдения над нравами и повадками Джама и Морин, — обширная территория с густыми зарослями. Вместе с тем именно эту пару стоило наблюдать, так как из наших тигров они вели наиболее естественный образ жизни. Поди угадай у Поля и Рани, какие черты поведения нормальны для них, а какие — результат противоестественного образа жизни в большой бетонной яме. Взять хотя бы купание. Я никогда не видел, чтобы Джим или Морин купались, да и Поль тоже сторонился воды. А вот Рани в знойную погоду спускалась к бассейну и погружалась в прохладную воду целиком, высунув только голову и кончик хвоста. До получаса беззаботно нежилась она в бассейне, время от времени дергая хвостом так, что на голову летели брызги. Столь необычное для тигра поведение неизменно вызывало оживленные комментарии и догадки зрителей.

— Агнесса, походи сюда, посмотри — тигр в воде!

— О! Какой милый, правда?

— Интересно, зачем он туда забрался?

— Кто его знает. Может быть, пить хочет.

— Хорошо, а лежать-то зачем?

— Не знаю. Может, он больной.

— Не говори глупостей, Берт.

— Может быть, это водяной тигр. Особая порода, ну?

— Наверно, так и есть. Правда, он милый?

— Кинь ему хлеба, Берт.

Большая корка хлеба ударяет Рани по макушке, и тигрица с недовольным ворчанием поднимает голову.

— Не станет он его есть.

— Попробуй кинуть орех.

Честное слово, этот разговор не плод моего воображения. Я записал его дословно, и у меня есть свидетели. Зрелище распростертой в воде Рани рождало самые нелепые гипотезы в головах благородной британской публики. Теснясь вдоль отжима, посетители с напряженным вниманием глазели на тигрицу. Даже уличное происшествие не могло бы вызвать более жадного интереса.

До моей работы в Уипснейде я не представлял себе, как мало люди осведомлены даже о простейших фактах в жизни животных. Зато служителям полагалось знать все на свете. Тигры так и рождаются полосатыми? А львы укусят, если к ним войти? Почему у тигра есть полосы, а у льва нет? Почему у льва есть грива, а у тигра нет? А тигры укусят, если к ним войти? Почему белый медведь белый? Где водятся белые медведи? А они укусят, если к ним войти? Такие вопросы и сотни других нам задавали во все дни недели, иногда по двадцать-тридцать раз на дню. Когда наплыв посетителей бывал особенно велик, наша выдержка подвергалась серьезному испытанию.

Многие посетители, с которыми я разговаривал, удивлялись и явно разочаровывались, выяснив, что мы не ходим весь день на волосок от смерти в когтях льва или медведя. Поскольку я не мог похвастаться живописными шрамами, посетители считали меня чуть ли не шарлатаном. Попробуй убедить их, что жить среди этих зверей в общем-то совершенно безопасно, — воспримут как оскорбление. Одежда разорвана в клочья, голова окровавлена, но гордо поднята — таким они хотели бы меня видеть; в их представлении мой рабочий день должен был являть собой сплошную череду страшных испытаний. Вспоминая ту пору, я чувствую, что упустил отличный случай сколотить состояние. Мне бы располосовать свой халат, вымазаться кровью и каждые полчаса выходить, шатаясь, из тигровой ямы и небрежно замечать: "Адская работенка — чистить этого тигра", — я теперь был бы богачом.

Посетители в массе были для нас источником изрядных хлопот, а иногда и веселья. Два случая врезались в мою память на всю жизнь. Первый — когда один мальчуган, посмотрев, как я кормлю тигров, подошел ко мне с округлившимися глазами и полупшепотом спросил:

— Мистер, а вас эти зверюги ели хоть раз?

И второй: красный от возбуждения мальчишка, подбежав к тигровой яме, глянул через барьер, увидел рыскающего назад-вперед Поля, повернулся к своей родительнице и крикнул:

— Мам! Мам, скорей иди сюда, погляди на эту зебру!

Через несколько дней после моего знакомства с Билли я снова встретил его. Он катил на дребезжащем древнем велосипеде по каменистой дорожке, ведущей к вольеру львов. Я только что расправился с густой крапивой, которая норовила заполнить дорожку, и устроил долгожданный перекур.

— Привет! — пронзительным голосом крикнул Билли, резко нажимая на тормоза, так что чуть не вылетел из седла.

Его длинные неуклюжие ноги уперлись в землю, губы растянулись в дурацкой улыбке.

— Привет, — осторожно отозвался я.

— Чем ты тут занят?

— С крапивой сражаюсь.

— Ненавижу эту работенку, — заявил Билли. — Обязательно обстрекаюсь, притом в самых неожиданных местах.

— Я тоже, — с чувством ответил я.

Билли беспокойно оглянулся по сторонам.

— Послушай, — произнес он заговорщицким шепотом, — у тебя сигаретки не найдется?

— Найдется. — Я протянул ему сигарету.

Он неумело закурил и принялся отчаянно дымить.

— Только никому не говори, ладно? Мне не разрешают курить.

— Далеко направляешься? — спросил я.

Билли поперхнулся дымом и закашлялся, из глаз его покатались слезы.

— Хорошая сигарета — это здорово, — хрипло вымолвил он.

— Не вижу, чтобы тебе было так уж здорово.

— Что ты, отлично!

— Ну, так куда же ты направляешься? — повторил я.

— Да вот тебя решил проведать, — ответил он, показывая на меня размокшей от слюны сигаретой.

— В самом деле? А зачем же я тебе понадобился?

— Старикан приглашает тебя сегодня вечером на стаканчик.

Я вытаращил глаза от удивления.

— Твой отец приглашает меня на стаканчик? — озадаченно переспросил я. — Ты серьезно?

Одержимый повторным приступом кашля после новой затяжки. Билли только лихорадочно закивал в ответ, тряся рыжей шевелюрой.

— Допустим, но с какой стати он приглашает меня на стаканчик? — продолжал я недоумевать.

— Полагает... — через силу выговорил Билли, — полагает, что ты будешь оказывать на меня благотворное влияние.

— Господи, я не собираюсь ни на кого оказывать благотворное влияние. И вообще, где же тут благотворное влияние, если я дал тебе сигарету, хотя тебе не разрешают курить.

— Никому не говори, — прохрипел Билли. — Секрет. Ну, пока — до половины седьмого.

Продолжая давиться и кашлять, он скрылся в кустах на своем ржавом велосипеде.

Итак, в шесть часов вечера я натянул свои единственные приличные брюки, повязал галстук, надел пиджак и явился в апартаменты семейства Билов, которые занимали часть здания дирекции. Хотя другие работники зоопарка заверили меня, что под грубой внешностью капитана Била скрывается золотое сердце, мне все же было страшновато: как-никак, он директор, а я самая мелкая сошка.

Дверь открыла миссис Бил, очаровательная женщина, излучающая нерушимое спокойствие.

— Входите, входите, — сказала она, ласково улыбаясь — Вы разрешите называть вас просто Джерри? Билли вас только так называет. Проходите... капитан в гостиной.

Она проводила меня в уютную просторную комнату. В углу, в огромном кресле, почти совершенно скрытое вечерней газетой, было простерто могучее тело капитана Била. Под глухой рокот, словно предвещающий вулканическое извержение, газета шуршала и шелестела, вздымаясь и опадая в лад капитанскому дыханию.

— Боже мой, — сказала миссис Бил. — Извините, он заснул. Вильям! Вильям! Джерри Даррелл пришел.

Раздался шум, как от столкновения нескольких товарных поездов, и капитан могучим левиафаном вынырнул из-под газеты.

Он крикнул, поправил очки и воззрился на меня.

— Даррелл? Ах, Даррелл! Рад познакомиться. Я хотел сказать, рад вас видеть.

Капитан поднялся на ноги, сбрасывая на пол газетные листы, словно могучий дуб осеннюю листву.

— Глэдис! — рявкнул он. — Дай же парню что-нибудь выпить. Что он, так и будет стоять?

Миссис Бил никак не реагировала на его команду.

— Да вы садитесь, — предложила она мне с улыбкой. — Что вам налить?

В первые послевоенные годы спиртное еще ценилось на вес золота, и, хотя я мечтал о чем-нибудь вроде виски с содовой для храбрости, мне было ясно, что говорить об этом вслух нетактично.

— Стакан пива, если можно, — сказал я.

Пока миссис Бил ходила за пивом, капитан добрал до камина и принялся энергично шуровать кочергой, надеясь оживить пламя. На каменную плиту вывалилось несколько тлеющих головешек, и камин окончательно потух. Капитан с досадой отбросил кочергу.

— Глэдис! — проревел он. — Камин потух!

— А ты оставь его в покое, милый, — отозвалась миссис Бил.
— Он у тебя всегда тухнет.

Капитан снова плюхнулся в кресло, и пружины протестующе взвизгнули.

— И дрянь же, черт возьми, это нынешнее пиво, верно, Даррелл? — заметил он, глядя на стакан, который принесла мне миссис Бил.

— Не сквернословь, милый, — сказала она.

— Адская дрянь, — с вызовом повторил капитан, сверля меня взглядом. — Вы согласны, Даррелл?

— Право, не знаю, я ведь до войны не пил пива, — ответил я.

— Ни крошки хмеля, — продолжал капитан. — Точно вам говорю, ни крошки.

В эту минуту, вихляясь в суставах, будто жираф, в комнату ворвался Билли.

— Привет, — сказал он мне, дурашливо улыбаясь. — Ты уже здесь?

— Где ты пропадал? — рявкнул капитан.

— Гулял с Молли, — ответил Билли, размахивая руками. — Тра-ля-ля, тра-ля-ля, это моя новая возлюбленная.

— Ха! — удовлетворенно хмыкнул капитан. — Стало быть, с девчонками крутишь? Молодец! А вы, Даррелл, тоже дамский угодник?

— Наверно, — осторожно ответил я, не совсем уверенный, как капитан Бил представляет себе дамского угодника.

Убедившись, что миссис Бил вышла из комнаты, капитан наклонился вперед.

— Я и сам всю ухлестывал за дамами, — пророкотал он заговорщицким шепотом. — Пока не встретил Глэдис, разумеется. Черт!.. После Западного побережья человеку нужна достойная подруга!

— И долго вы пробыли в Африке? — спросил я.

— Двадцать пять лет... четверть века. Черные меня любили, — простодушно похвастался он. — Конечно, я с ними по справедливости обращался, и они это ценили. Дядей Билли называли.

В этом месте Билли по какой-то одному ему известной причине разразился истерическим хихиканьем.

— Дядя Билли! — захлебывался он. — Надо же, называть тебя "дядя Билли"!

— Ну и что? — прорычал капитан. — Выражение преданности. Они меня уважали, так-то.

— А мне можно пива? — спросил Билли.

— Только один стакан, — отрезал капитан. — Ты еще молод пить. Скажите ему, что он молод пить, Даррелл. Молод пить, курить и распутничать.

Билли состроил гримасу, подмигнул мне и вышел из гостиной за пивом.

— Ну, и как вы ладите с зебрами? — вдруг рявкнул капитан Бил так зычно, что я едва не выронил стакан.

— Гм... ну, я, конечно, видел зебр, но вообще-то я ведь в львятнике работаю.

— Ах так, — сказал капитан. — Ну да, вас ведь туда назначили? Ясно, и как же вы ладите со львами?

— По-моему, хорошо лажу, — осторожно ответил я.

— Ладно. — Капитан посчитал, что эта тема исчерпана. — Вы любите кэрри?

— Гм... да-да, люблю.

— Острый кэрри? — допытывался капитан Бил, сверля меня подозрительным взглядом.

— Да. Моя мать готовит очень острый кэрри.

— Ладно, — удовлетворенно произнес капитан. — Приходите к нам обедать... в четверг. Я сам приготовлю кэрри. Никогда не доверяю это Глэдис... не умеет делать острый кэрри... преснятина. А надо, чтобы пот прошибал.

— Я вам очень признателен, сэр.

— Глэдис! — взревел, капитан Бил так, что стены задрожали.
— Даррелл придет к нам обедать в четверг Я приготовлю кэрри.

— Очень хорошо, милый, — сказала миссис Бил, возвращаясь в гостиную. — Приходите часам к семи, Джерри.

— Я вам очень признателен, — повторил я.

— Отлично. — Капитан поднялся на ноги. — Итак, в четверг — ясно?

Мне было ясно, что пора уходить.

— Что ж, ладно, большое спасибо за пиво, сэр.

— На здоровье, — пробурчал капитан, — на здоровье. Только поосторожнее с этими зебрами, учтите, от них ведь всяких гадостей можно ждать. Всего доброго.

Глава четвертая
МАНЕРЫ МЕДВЕДЯ

Но медведица в ответ зубы
скалит, когти кажет
Киплинг. Женский пол

С точки зрения публики подлинными звездами секции были белые медведи Бэбс и Сэм.

— После белых медведей, — говорил Джеси посетителям, — остальное можно и не смотреть.

Публика не прочь поужасаться действительной или мнимой свирепости львов и тигров, но быстро теряет к ним интерес. А вот на белых медведей люди могли смотреть без конца, потому что те их смешили. Львов и тигров надо наблюдать подолгу, чтобы подметить что-нибудь интересное в их частной жизни, а у кого же из посетителей есть время терпеливо следить за спящими животными в надежде увидеть проявление примитивных страстей или еще какое-нибудь диво. То ли дело белые медведи: они, как говорится, никогда не покидали сцену, и публика могла часами простаивать около их вольера. Сэм либо стоял в углу, плавно покачиваясь, либо лежал на бетонном полу, распластавшись на животе совсем по-собачьи и пренебрежительно взирая на людей. Его супруга Бэбс ныряла в бассейн за хлебом и печеньем или просовывала длинную морду между прутьями ограды и разевала пасть, чтобы угощение бросали прямо в рот.

Разница между Сэмом и Бэбс бросалась в глаза с первого взгляда. Сэм — косматый тяжеловес с огромным отвислым задом; его супруга — гладкая и стройная. У Сэма — широченная голова, маленькие аккуратные уши и характерный для старых белых медведей "римский" нос, образованный мясистым валиком на морде выше ноздрей. Этот валик придавал бы Сэму коварный вид, если бы маленькие глаза в глубине шерсти не

лучились добродушием. У Бэбс голова длинная и узкая; казалось, гибкую шею медведицы венчает большущая сосулька. Ее морда вполне заслуживала названия коварной, а неприятный желтый отлив белков вызывал в памяти помятое лицо немолодой женщины наутро после бурной вечеринки. Сэм, как и подобало его возрасту, вел образ жизни степенный и размеренный, расхаживая по вольеру с видом благосклонного и рассеянного старца. Он старался не делать лишнего шага, по большей части просто спал на солнце. В отличие от него Бэбс не знала покоя: то бесцельно кружит по вольеру, то жметесь к прутьям, стараясь зацепить лапой оброненные ее почитателями куски печенья или соблазнительные клочки бумаги, то плещется в зеленой воде бассейна.

В часы кормления Бэбс подходила к прутьям и широко разевала усеянную кривыми желтыми зубами длинную пасть, чтобы Джеси мог бросать ей мясо в рот. Сэм никогда не допускал такого неприличия, он осторожно брал мясо удивительно цепкими губами, потом ронял его на цемент и внимательно изучал. Если мясо было жирным, он наступал на него широкой лапой, аккуратно отдирая шуршащий жир передними зубами и съедал, шелкая челюстями и громко чмокая. Бэбс во время кормления устраивала подлинные водяные феерии, однако Сэм никогда к ней не присоединялся. Медведица обожала выступать перед благодарной публикой, смех и крики которой поощряли ее на новые и новые трюки; Сэму было абсолютно все равно, есть зрители или нет.

Бэбс независимо от погоды полдня проводила в бассейне, шумно резвилась и бултыхалась в зеленой булькающей воде. Иногда она по несколько минут лежала на спине, пристально рассматривая свои лапы. Смысл этой странной повадки остался для меня загадкой. Но чаще медведица плавала по-собачьи, загребая всеми четырьмя ногами: доплывет до конца бассейна — поворачивается на спину и с силой отталкивается от стенки задними ногами, так что вокруг шеи и плеч возникает белый

бурунчик. Сэм, как я уже говорил, никого и ничего не замечал (за исключением разве что ведра с кормом); Бэбс для вдохновения была необходима публика, в такие часы она не выходила из бассейна, услаждая галерку игривыми ужимками примадонны из третьеразрядной пантомимы. Бросаясь за хлебными корками, она шлепала брюхом по воде с такой силой, что брызги летели на возмущенного Сэма, и ему приходилось перебираться на более безопасное место.

Как ни странно, Сэм явно не любил воду. Если в бассейн бросали корм, он не нырял за ним, а старался выловить лапой, стоя у бортика. Не поймает — вовсе уйдет. Правда, дважды я видел, как он спускался в бассейн, чтобы поиграть с супругой, и это было зрелище, достойное внимания. В одиночку Бэбс исполняла свои номера без юмора, с напряженным, сосредоточенным видом, будто взялась за малопочтенное дело, которое, однако, надлежит любой ценой довести до конца. Веселой я видел ее только в тех случаях, когда Сэм присоединялся к ней; ее морда сразу становилась милой и добродушной. Сидя по пояс в воде, Сэм обнимал и легонько покусывал супругу, и глаза его излучали снисходительную доброту. А Бэбс, глядишь, до того разойдется, что кусает его довольно чувствительно, и тогда он приводит ее в чувство увесистой оплеухой. Или примутся топить друг друга: захватят пастью загривок партнера и погружаются, увлекая его за собой. Массивные белые сидалища качаются на поверхности воды, точно гигантские подушки для булавок, а внизу, в зеленой толще, идет развеселая возня, супруги лихо тузят и кусают друг друга. Наиграются — внезапно выныривают, отдуваясь и фыркая, в каскадах стекающей с их шуб воды.

Бэбс совсем по-детски увлекалась игрушками, которые ей давали. Все что угодно годилось: старая крышка, колода, пучок травы или кость, — но вообще-то она предпочитала предметы, с которыми было удобно играть в воде и которые не слишком быстро тонули. Однажды утром, закончив уборку, я

нечаянно оставил в вольере ведро и спохватился, когда мы уже выпустили медведей из клеток и было поздно что-либо предпринимать. Мы все же попытались загнать их обратно, но из этого ничего не вышло.

Сэм проверил ведро и, убедившись, что оно пустое, отошел в сторону. Зато Бэбс, беспокойная натура, очевидно, восприняла ведро как дар небес, посланный ей, чтобы внести разнообразие в серые будни заточения, и принялась гонять его лапищей по буграм, явно наслаждаясь душераздирающим скрипом железа о цемент. В конце концов ведро с грохотом скатилось в бассейн и поплыло по воде дужкой вверх. Стоя у бортика, Бэбс сделала попытку поймать его лапой, но не дотянулась. Тогда медведица прыгнула в бассейн, вызвав миниатюрное цунами. Волна захлестнула ведро, и оно кануло в зеленую толщу. Нимало не обескураженная этим, Бэбс нырнула следом и принялась обыскивать дно. Через минуту-другую она вынырнула с висящим на лапе ведром — ни дать ни взять доярка с подойником. Не желая больше рисковать, Бэбс легла на спину, примостила трофей себе на брюхо и принялась ласково его поглаживать. Время от времени она подносила ведро к носу, чтобы смачно фыркнуть в его гулкое металлическое нутро.

Но вот медведица забыла про осторожность, и снова ведро с веселым бульканьем пошло ко дну. Бэбс нырнула за ним, а когда вынырнула, ведро сидело на ее голове, словно шляпа, с дужкой в роли охватывающей подбородок ленты. Джо хохотал так, что с ним чуть истерика не случилась. Правда, затем мы изрядно поволновались, потому что ведро никак не хотело сниматься. Справившись с ним наконец, медведица решила его проучить. Взяла дужку зубами, вынесла ведро из воды, опустила на цемент и с видом исследователя, производящего увлекательный эксперимент, нажала лапой на железо. Казалось бы, чуть-чуть нажала, но от этого незамысловатого акта дно ведра вздулось пузырем, а бока сплющились, точно побывали под гидравлическим прессом. Исчерпав таким образом возможности

новой игрушки, Бэбс утратила к ней интерес и побрела к бассейну, чтобы немного поплавать.

Время от времени у Бэбс между пальцами передней лапы появлялись фурункулы — неприятная штука, так как они прорывались не сразу и причиняли ей изрядную боль. С изборожденным страдальческими складками лицом Джо стоял, опираясь на отжим, и глядел, как медведица хромает по своей площадке.

— Ах ты, бедолага, — участливо приговаривал он. — Бедняжка ты моя.

Нам оставалось только смотреть, как она страдает и мечется по вольеру. На второй день фурункул прорывался сам, пачкая желтым гноем белую шерсть. Пока в распухшей лапе пульсировала боль, Бэбс не входила в бассейн, но, как только нарыв лопался, бросалась в воду, не дожидаясь, когда выйдет весь гной.

Но однажды нарыв не прорвался, как обычно, на второй день; лапа и на третье утро была похожа на подушку, и мы заметили, что опухоль распространяется вверх. Дело приняло серьезный оборот, и нам пришлось вмешаться. Заманив медведицу в клетку, мы сунули ей кусок мяса, в котором были спрятаны искрошенные таблетки, затем вскипятили в Приюте ведро воды и развели дезинфицирующее средство. У нас было задумано распарить лапу, чтобы фурункул лопнул, однако Бэбс отнюдь не рвалась участвовать в этом научном опыте. Клетка была достаточно длинная: зайдём с одного конца — медведица поспешно ковыляет в другой. С помощью двух досок, трех вил и лопаты нам удалось запереть ее в углу, там она уселась, шипя, будто паровая машина, и предостерегающе порывкивая. Мы плеснули горячей водой на распухшую лапу; Бэбс рывком подняла ее, хрипя от ярости и боли, и попыталась пробиться через ограждение из досок и вил. К счастью, доски выдержали. Мы плеснули опять; на этот раз Бэбс гораздо мягче выразила свое недовольство. По мере того как лапа прогревалась,

медведица становилась спокойнее; наконец она легла и закрыла глаза. Прежде чем мы опорожнили ведро, нарыв прорвался, выбросив на цемент струю гноя, и Бэбс облегченно вздохнула. Еще два ведра воды ушло на то, чтобы смыть гной, который сочился из отверстия величиной с монетку. Через полчаса мы выпустили Бэбс из клетки, а минутой позже она уже как ни в чем не бывало бултыхалась в бассейне.

До работы с Бэбс и Сэмом мне не приходило в голову, что белый медведь способен развить сколько-нибудь заметную скорость. Тем сильнее был я поражен, когда увидел, что Бэбс при желании в прыти не уступает тигру. Правда, она совершала рывки только в тех случаях, когда, выведенная из себя, покушалась на вашу жизнь. Сэм редко торопился и никогда не выходил из себя; если его что-то раздражало, он давал знать об этом, издавая выпяченными губами предостерегающее шипение. Бэбс не тратила времени на предостережения и бросалась на человека по малейшему поводу. Впервые она продемонстрировала мне свои способности однажды утром, когда по какой-то причине, известной только ей одной, пребывала в дурном настроении. Медведица шипела и ворчала, когда мы загоняли супругов в клетку, чтобы произвести уборку в вольере, да и выйдя потом из клетки, продолжала ворчать и порыкивала на Сэма, если он приближался к ней. Тут я нечаянно задел ногой ведро, оно с грохотом опрокинулось на камни, и этот шум подсказал Бэбс, на что обратить свой гнев. В приступе ярости она развернулась кругом и из дальнего конца вольера галопом бросилась ко мне. В четыре огромных прыжка, словно чудовищный мяч, покрыла она расстояние до разделявшей нас ограды. Медведица проделала этот маневр так стремительно и могучая лапища просунулась между прутьями так внезапно, что я едва успел отпрянуть назад. Раздосадованная промахом, Бэбс с шипением ретировалась и принялась угрюмо бродить на солнце.

Казалось, этот случай должен был меня предостеречь, но я пренебрег уроком, и вскоре Бэбс опять застигла меня врасплох.

В промежутке между отжимом и оградой вольера белых медведей накапливались обертки от конфет, разорванные пачки из-под сигарет, бумажные кульки и прочий мусор, который заботливые посетители бросали на землю, чтобы мы не скучали без дела. Придя, как обычно, под вечер для уборки и увидев, что Бэбс спит на краю вольера, я решил приступить к работе в противоположном конце. Перелез через отжим, начал подметать и так увлекся, что забыл о необходимости поглядывать на медведей. Только нагнулся за очередной бумажкой, вдруг за спиной у меня послышались какой-то топот и шипение, и в ту же секунду на мое сидалище обрушился страшный тумак. Я пролетел ласточкой по воздуху и приземлился плашмя на грязную траву. Перевернувшись на спину, я увидел Бэбс: она сидела возле ограды, злорадно глядя на меня. И ведь что особенно поразительно: хотя в узкий просвет между прутьями могла просунуться только часть лапы, а именно пальцы с когтями, медведица вложила в удар такую силу, что умудрилась сбить меня с ног. Поглаживая ушибленное место, я пытался представить себе, что мне грозило, если бы не ограда. Судя по взгляду Бэбс, она была готова хоть сейчас удовлетворить мое любопытство.

Чуть ли не каждый день Джеси испытывал побуждение прочитать кому-нибудь из посетителей небольшую лекцию на зоологические темы. Лекции его отличались томительным однообразием, всегда повторялись дословно, притом настолько часто, что некоторые из них приобрели в зоопарке едва ли не легендарную известность. Пожалуй, первое место занимал трактат о белых медведях, его почти все сотрудники знали наизусть.

У Сэма была привычка качаться, довольно распространенная у медведей. Иной раз он по часу стоял и качал головой наподобие маятника, устремив невидящий взгляд куда-то вдаль. Зрители неизменно реагировали удивленными и восторженными возгласами на странное поведение огромного белого зверя, и в

конце концов кто-нибудь из них, озадаченный более других, начинал искать взглядом служителя, чтобы тот объяснил ему смысл непонятого явления.

Тотчас рядом с любознательным, словно наделенный телепатическим даром, как из-под земли выросстал Джеси. Придя в себя от неожиданности, посетитель спрашивал, почему это медведь качается вот так из стороны в сторону.

— Видите ли, — начинал Джеси, вперив глубокомысленный взгляд в спросившего, — это долгая история, к тому же я не совсем уверен в правильности моего толкования...

Пауза.

Разумеется, после столь скромного начала слушатели проникались уверенностью, что он никогда не ошибается. Закурив предложенную ему сигарету, Джеси облакачивался на перила и продолжал.

— Это так называемое зазывное качание, — задумчиво говорил он. — Его можно наблюдать и у слонов. Никто не знает точно, в чем его смысл, все толкуют по-разному. Что до меня, то я считаю, дело в следующем...

Здесь Джеси делал глубокий вздох и мелодично цыкал зубом, нагнетал напряжение.

— Вы, конечно, знаете, что белые медведи обитают на Южном полюсе, где кругом сплошь один лед и снег. Пищей им служат тюлени, и вот я пришел к выводу, что это качание — прием, который помогает им охотиться. Стоит это медведь у кромки льда и качается, так? Мимо плывет тюлень и видит эту странную картину, так? Высовывается из воды, чтобы получше рассмотреть. В это время — хлоп! — медведь бьет его по голове. Я бы сказал, это что-то вроде гипноза. Медведь как бы зачаровывает тюленя, понятно?

Интересно: я сотни раз слышал, как Джеси излагает свою гипотезу, и хоть бы один слушатель спросил его, зачем же качаются слоны — тоже тюленей гипнотизируют? И никто не подвергал сомнению его слова о том, что белые медведи живут

на Южном полюсе. Зато после каждой такой лекции в кармане Джеси прибавлялся шиллинг.

Наблюдая обычаи и нравы Бэбс и Сэма, я успел привязаться к этой забавной и интересной паре. Пожалуй, самым забавным был тот случай, когда мы решили, что Бэбс готовится стать матерью. Правда, случай этот относится к разряду тех, которые только потом кажутся смешными.

Рабочий день кончился, я сидел в Приюте и поджаривал хлеб, вдруг на пороге возник Джо, который совершал заключительный обход.

— Слышь, — произнес он таинственным голосом, — пойдем-ка, чего покажу.

Я неохотно оторвался от своего занятия и проследовал с ним к вольеру белых медведей. Вроде бы все в порядке...

— А в чем дело-то, Джо? — спросил я.

— Не видишь?

Я снова обвел взглядом вольер.

— Нет... а что?

— У нее кровь идет! — произнес Джо хриплым театральным шепотом и оглянулся украдкой: не подслушивает ли кто.

— У кого?

— Как у кого — у Бэбс. У кого же еще!

Я присмотрелся к медведице, которая бродила вдоль ограды, и разглядел наконец на задней ноге пятнышко запекшейся крови.

— А-а, теперь вижу. На задней ноге.

— Ш-ш-ш! — яростно прошипел Джо. — Тебе непременно надо, чтобы все слышали?

Ближайшие люди находились от нас шагах в трехстах, но Джо, как я уже говорил, относился к таким вопросам с повышенной чувствительностью.

— Ну и что с ней, по-твоему? — спросил я. — Порезалась?

— Пошли, — ответил Джо.

Он отвел меня обратно в Приют, и мы устроили совещание за закрытыми дверями.

— По-моему, это роды, — твердо произнес Джо.

— Какие роды, — возразил я, — у нее живот ничуть не прибавился.

— Поди рассмотри при такой густой шерсти, — угрюмо сказал Джо, словно Бэбс скрывала от него порочащий ее секрет.

— Ну ладно, а что нам теперь делать? Если она там оценится, старина Сэм сожрет медвежонка, как пить дать.

— Надо загнать ее в клетку, — изрек Джо с видом полководца.

Это оказалось не так-то просто. Медведица с утра уже побывала в клетке и не видела никаких оснований, чтобы ее вновь туда заточали. Вместо нее в клетку вошел Сэм и уселся, рассчитывая на дополнительный паек. Он никак не хотел выходить, и мы немало помучились, прежде чем удалось выгнать его. После этого Джо заманил Сэма в другой конец вольера и потчевал там кусочками жира, пока я улещивал Бэбс. Через каких-нибудь полчаса маневр был завершен: медведица очутилась в клетке, а супруг ее восседал снаружи и с величайшим интересом наблюдал за ходом событий.

— Теперь, — объявил Джо, — нужно сделать ей подстилку.

— Солому?

— Ага, притащи-ка охапку от тигровой ямы.

Вернувшись с соломой, я снова прочитал на лице Джо озабоченность.

— Ей хочется пить, — сообщил он. — В этой чертовой клетке жарница адская. Никакой тени. Надо что-то придумать.

— Давай накроем клетку сверху, — предложил я. Поискав вокруг Приюта, мы нашли старую дверь и, поднатужившись, водрузили ее на клетку. Теперь Бэбс могла укрыться в тени, однако наша возня прибавила ей злости, она сердито шипело и рычала. Сэм продолжал сидеть и увлеченно следил за нами, почесывая пузо своими огромными лапищами.

— Так, одно дело сделано! — Джо вытер вспотевшее лицо. — Теперь настелим соломы.

Но к этому времени Сэму наскучила роль пассивного наблюдателя. И по мере того как мы просовывали в клетку солому, он с другой стороны выгребал ее лапой, внимательно исследуя каждый пучок. Что он там искал — корм или отпрыска, осталось неясным. Мы и так и этак старались его отвлечь, кричали, водили лопатами по железным прутьям, бросали в него куски жира — как о стенку горох.

— Чертов дурень старый! — выругался Джо. Мы запарились и устали. Сэм сидел на охалке соломы; в клетке у его супруги лежало несколько соломинок.

— Бесполезно, Джо, он не отстанет. Придется ей рожать прямо на цемент, вот и все.

— Да, — печально согласился Джо, — придется, что поделаешь.

Мы покинули медведей. Сэм шаркал ногами по соломе, Бэбс с негодующим видом сидела в клетке. Пришло время закрывать зоопарк на ночь, а роды все еще не начинались, и мы разошлись по домам, оставив Бэбс в заточении.

Однако мысль о медведице не давала мне покоя, и поздно вечером меня вдруг осенило: течка. У Бэбс течка. Пораженный столь простым и естественным объяснением, я хохотал до упаду.

Встретив наутро Джо, я тотчас понял по его лицу, что и его посетила та же мысль.

— И как это нам сразу не пришло в голову? — горестно воскликнул он. — Скажи после этого, что мы с тобой не идиоты!

Впрочем, ему не понадобилось много времени, чтобы оценить комизм случившегося, и мы еще продолжали громко хохотать, когда подошли к вольеру белых медведей.

Внезапно Джо перестал смеяться.

— А где же солома? — удивленно спросил он.

На косматой шубе Сэма висело несколько соломинок. И все. Цемент был чист, как будто его подметали.

— О-о-о-о-о! — вдруг завопил Джо с безумной болью в голосе.
— Нет, ты погляди на бассейн... Эта старая скотина...

В бассейне плавала солома, столько соломы, что воды почти и не видно. Судя по всему, Сэм влaсть потрудился ночью, убирая солому подальше от греха. Сток, разумеется, был основательно засорен: мокрая солома — несравненное средство для закупорки сточных труб. Два дня чистили мы бассейн и трубу; хорошо, что все это время стояла ясная, жаркая погода.

— Роды! — подытожил Джо. — Следующий раз, когда вздумает рожать, обойдется без удобств, черт возьми, как все медведи.

Я проработал в зоопарке несколько недель, когда Джеси, совершенно неожиданно для меня однажды утром объявил о моем повышении. Мы сидели в Приюте, только что управились с завтраком, и Джеси не спеша раскуривал свою трубку. Добившись того, что она засипела и забулькала, как положено, он устремил на меня пристальный взор.

— А ты недурно справляешься, сынок, — произнес он. — Совсем недурно.

— Спасибо, — молвил я озадаченно.

— Вот что, сынок, — продолжал Джеси, ткнув меня в бок черенком трубки, — поручу-ка я тебе верхнюю половину секции. Под твою полную ответственность, понял?

Я был польщен и счастлив. Ухаживать за животными в паре с кем-то было достаточно интересно, но куда увлекательнее самому отвечать за группу зверей.

Не откладывая дела в долгий ящик, я поднялся на гребень, чтобы обозреть свои владения. В небольшом известняковом котловане обитал вомбат Питер. Хотя я каждый день добросовестно носил в этот вольер хлеб, морковь и другие лакомства, настоящее знакомство с Питером еще не состоялось, потому что он вырыл себе целую систему нор в ослепительно белом известняке и явно не отличался общительностью. Я постановил возможно скорее наладить с ним настоящий контакт.

На участке с густыми зарослями бузины поблизости содержалась пятерка песцов. Мое общение с ними до сих пор

тоже сводилось к тому, что я доставлял им корм. Чтобы наладить дружбу с этими нервными существами, требовались время и забота с моей стороны.

В следующем вольере, с таким же обилием кустарника, жили енотовидные собаки, курьезные лохматые существа с лисьей мордочкой и пушистым хвостом, одетые в густую по-медвежьей шерсть. Из-за коротеньких кривых ног походка этих зверьков напоминала развалистую поступь захмелевшего моряка.

Я внимательно изучал свою новую территорию, прикидывая, что тут можно улучшить. Сразу же пришел к выводу, что песцов и енотовидных собак почти не видно из-за чрезмерно густой зелени, вооружился пилой и садовым ножом и с упоением потрудился часа два, истребляя крапиву и подстригая бузину. После этого вольеры приобрели вполне приличный вид. И животных можно рассмотреть, и растительности осталось достаточно, при желании им есть где спрятаться.

Далее я попытался выяснить для каждого из трех порученных мне видов, какой корм они предпочитают. В частности, оказалось, что песцы обожают яйца.

Я открыл это совершенно случайно. Найдя однажды на земле надтреснутое яйцо черного дрозда, я сунул его в висевшее у меня на руке ведро, чтобы угостить Сэма, но тут увидел песцов, которые сбежались к калитке на звон ведра, и бросил яйцо им в вольер. При падении оно расколосось; правда, желток уцелел, но белок растекался по земле. Один из песцов осторожно приблизился, принюхиваясь усатой мордочкой, к нему присоединился другой, потом третий. Остальные тоже учуяли запах, и завязалась потасовка, особенно впечатляющая потому, что она происходила в полной тишине. В заднюю ногу первого песца, который уже принялся за желток, впились острые зубы, он развернулся с оскаленной пастью и повалил соперника. Двое кружили по обрызганной белком земле, стараясь дотянуться друг до друга зубами или лапой. Пятый всех превзошел: нырнет в гущу драчунов, умудряясь лакать и огрызаться чуть ли не

одновременно, потом садится и тщательно облизывает мордочку, готовясь к новому выпаду. Вскоре от яйца даже влажных пятен не осталось, но песцы еще долго облизывались и придирчиво обнюхивали носы друг друга. И когда я пошел дальше, меня с надеждой и нетерпением провожали пять пар янтарных глаз: не появится ли из ведра еще одно яйцо? После этого случая я повадился ходить на одну ферму поблизости и под прикрытием живой изгороди таскать куриные яйца для моих песцов. И если до тех пор они, когда я входил в вольер для уборки, начинали тревожно метаться по кругу, прижимаясь к ограде, то теперь очень быстро стали совсем ручными.

Меня немало смущало то обстоятельство, что песцы не издавали *почти* никаких звуков. Говорю почти, потому что однажды я все-таки услышал их голоса, и это было так красиво и необычно, что мне хотелось бы послушать эти звуки снова — в отличие от звуков, издаваемых большинством других животных. Дело было утром, я приближался к прикрывающей песцовый вольер сосновой роще, и вдруг мое внимание привлекли странные пронзительные, переливистые крики. Похоже на чаек, однако я не видел кругом никаких птиц. Енотовидные собаки, мимо которых я только что прошел, тут явно ни при чем... А причудливая мелодия продолжала звучать то громче, то слабее, то совсем близко, то словно несомое ветром далекое эхо. И как же я удивился, когда, подойдя к вольеру песцов, обнаружил, что это они исполняли необычную песню. Выстроившись в кружок около калитки — тонкие ноги широко расставлены, голова запрокинута, пасть раскрыта, — они с отсутствующими золотистыми глазами выводили дикие птичьи трели. Ели они в этот день не жаднее обычного, и причина столь неожиданного и приятного для слуха концерта песцов так и осталась для меня загадкой.

Прочитав о том, как во время одной арктической экспедиции в 1875 году было установлено, что перед долгой полярной ночью, когда охота мало что дает, песцы прячут про запас среди камней

убитых леммингов, я тотчас решил проверить, делают ли мои песцы что-нибудь в этом роде. До тех пор я, сколько ни смотрел под сухими листьями и среди корявых корней бузины, не видел у них никаких запасов. Но вот наступили холода, и однажды утром я обнаружил небрежно зарытое в куче сухих листьев мясо. Оно было довольно свежим, но, продолжая поиск, я в разных уголках вольера нашел еще пять ловко спрятанных кусков, и некоторые из них потемнели от гниения. Из чисто гигиенических соображений пришлось их убрать, но пока длилась холодная погода, песцы продолжали понемногу запасать корм.

С енотовидными собаками дружба наладилась быстрее, так как все они были отъявленными обжорами. Старшая самка, хотя и стала брать корм у меня из рук, вольностей не допускала, зато ее дочь, по имени Уопс (совершенно непонятное для меня сокращение), испытывала к человеку огромную симпатию — при условии что он приносил что-нибудь для заполнения постоянно терзавшей ее пустоты в желудке. И вскоре достаточно было подойти к ограде и покликать, как из кустов высовывалась маленькая живая мордочка с блестящими глазами и Уопс враскачку трусила ко мне. Конечно, обидно сознавать, что ее прельщал кусок мяса в моей руке, а не перспектива дружеской беседы. Но чтобы я не счел ее неблагодарной, она всегда задерживалась на минутку после того, как мясо было съедено.

На первый взгляд Уопс с ее черно-белой мордой и развалистой походкой сильно смахивала на барсука, однако тело ее было намного крупнее барсучьего, и лохматый хвост почти не уступал ему длиной. Мордочка, как я уже сказал, черно-белая, а туловище, хвост и ноги одеты пестрой, рыжевато-буро-седой шерстью. Волосы — длинные, блестящие; недаром в Японии, где водятся дикие енотовидные собаки, шкуры их пользуются большим спросом. Да и мясо высоко ценится, но Уопс казалась мне слишком очаровательной, чтобы рука поднялась ободрать ее и съесть.

Дикие енотовидные собаки ведут преимущественно ночной образ жизни; это подтверждалось поведением родителей Уопс: днем выманить их из логова можно было только щедрыми подачками. Зато Уопс всегда была начеку и трусила вокруг кустов в надежде, что явится кто-либо и принесет что-нибудь съедобное. Вот о ком вполне можно сказать, что она жила ради еды, а не ела ради жизни. Меня-то это вполне устраивало, ведь не будь у нее подобного пристрастия к еде, я не смог бы так долго беседовать с ней и так близко ее наблюдать. Уопс воспринимала мои гастрономические приношения как обязательную пошлину, и я охотно платил, хотя меня изрядно беспокоил ее аппетит, потому что обхват Уопс чуть ли не превосходил ее длину.

Только однажды Уопс ополчилась на кормившую ее руку. Досадно, что рука, вернее нога принадлежала мне, но я сам был во всем виноват. Задумав похвастаться своей питомицей, я привел к вольеру небольшую группу посетителей. Сперва покормил Уопс через просветы в ограде, потом решил для разнообразия войти на участок в взять ее на руки, чтобы показ был нагляднее. И не верьте тому, кто скажет, будто я сделал это потому, что среди зрителей находилась прехорошенькая девушка. Так или иначе, Уопс отнеслась ко мне с подозрением. Она привыкла, что каждое утро я вхожу в вольер для уборки, но дважды в день вторгаться в ее обитель — это было уже чересчур. Живо управившись с последним куском мяса, она с озабоченным видом двинулась в мою сторону. И так как я не отстранился, чтобы пропустить жаждущую покоя Уопс в ее конуру, она подошла вплотную, сделала выпад вбок и оставила на моей голени визитную карточку в виде аккуратных отметин своих зубов. За оградой раздались крики ужаса. Уопс стояла у моих ног и воинственно глядела на меня. Я понимал, что она вовсе не озлоблена. Просто я мешал ей пройти, и она простейшим доступным ей способом дала мне понять, чтобы я

посторонился. Дескать, вольер ее, и, видит бог, она покажет мне, кто здесь хозяин.

У меня не осталось больше мяса для подкупа, отступить на глазах у публики — моей публики — я не мог, но и стоять так бесконечно мы тоже не могли. Я лихорадочно шарил в карманах и наконец с великой радостью нащупал довольно грязный засохший финик — все, что осталось от горсти, которую я утром стащил в кладовке. Этот облепленный волосинками памятник старины давал мне полное преимущество над Уопс, которая из всех видов корма больше всего на свете обожала финики. Она с явным наслаждением приняла мой дар, и, пользуясь тем, что все внимание Уопс сосредоточено на финике, я, не мешкая, поднял ее и понес к ограде. Стараясь держать лицо подальше от острых зубов Уопс, я объяснил зрителям, что она всю эту неделю, как говорится, не в форме, отсюда такое недружелюбие. Стыдливая мина, которой я сопровождал этот беспардонный вымысел, повергла всех (кроме меня и Уопс) в смущение. Несколько наиболее юных зрителей поспешно увели во избежание нежелательных вопросов. Тяжеленная Уопс оттянула мне руки, и я опустил ее на землю. Она встряхнулась по-собачьи, обнюхала землю — может, еще финик найдется? — убедилась, что больше фиников нет, укоризненно вздохнула и затрусила восвояси.

Ближе к зиме Уопс оделась в густейшую меховую шубку, и хвост ее казался вдвое больше обычного, однако она явно не собиралась впадать в спячку; вообще же дикая енотовидная собака — единственный представитель семейства собачьих, который зимой отлеживается в норе. Она стала вяловатой и предпочитала не выходить из конуры на снег, но и только. Я нигде не читал, чтобы эти звери как-то оборудовали свое зимнее убежище, но Уопс затеяла нечто в этом роде. Однажды утром я увидел следы ее трудов: на прогалине между кустами лежали свежесломанные ветки с листьями. Скормив ей положенную порцию, я сел и начал наблюдать. Через некоторое время Уопс

вдруг перестала рыскать среди кустов и приступила к работе. На минуту забралась в конуру, потом вышла, подняла голову, облюбовала одну ветку, которая свисала достаточно низко, схватила ее зубами и дернула, упираясь в землю своими толстыми лапами. Обломив ветку, Уопс принялась бесцельно бродить с ней по вольеру, иногда цепляясь ногами за свой трофей. Наконец он надоел ей, она бросила его и стала присматривать себе другой. Всего на моих глазах Уопс сломала три ветки, все три бросила и наконец вернулась в конуру, чтобы поспать. Ее действия производили такое впечатление, словно она намеревалась что-то сделать, но в последнюю секунду ей изменяла память. Ни разу не находил я веток в ее конуре, но это можно объяснить тем, что маленькая будка еле-еле вмещала саму Толстушку Уопс.

Если мне в какой-то мере удалось завоевать доверие енотовидных собак и песцов, то вомбат Питер упорно сторонился меня. Испытывая разные виды корма, я определил, что он, как и Уопс, обожает финики. И однажды я нарочно не кормил его до самого вечера. А когда наконец подошел к вольеру, то убедился, что изменение графика подействовало: Питер стоял у ограды с несчастным и потерянным видом, словно плюшевый мишка, который забыл дорогу в детский сад. Круглое плотное туловище этого очаровательного зверька ростом всего около полуметра и впрямь делало его очень похожим на медвежонка. Седалище словно круто стесано, короткие пухлые ноги загнуты внутрь, мордочка очень похожа на мордочку коалы, но у того торчат большие, отороченные шерстью уши, а у Питера ушки были маленькие и аккуратные. Зато на носу такая же, как у коалы, овальная кожаная нашлепка с редкой щетиной и такие же круглые черные глаза. Что больше всего, на мой взгляд, отличало вомбата от коалы, так это выражение мордочки. У коалы она (хоть это и обманчивое впечатление) живая и пытливая; Питер же казался ошалелым и растерянным. Проще говоря, у него был такой вид, словно его стукнули по башке

кирпичом. Тело Питера покрывала пепельного цвета шерсть, на животе более светлая, вроде жемчужного оперения вяхиря.

К моему удивлению, Питер нисколько не всполошился, когда я вошел в вольер. Подбежав ко мне, он смело взял из моих рук финики, однако трогать себя не позволил, а когда наелся вволю, протрусил к своей норе и втиснулся в нее. С того дня он в часы кормления всегда выходил из своего убежища и ел у меня из рук, а потом возвращался в нору.

Обитель Питера находилась на склоне, обращенном в ту сторону, откуда дул самый неприятный ветер, но вомбат придумал интересный и оригинальный способ защищать от сырости свою спальню — небольшое круглое помещение, соединенное с поверхностью ходом длиной несколько более метра. Когда Питер забирался внутрь, его седалище закупоривало вход не хуже тщательно подогнанной двери. Сколько бы снега и дождя ни заносило ветром в туннель, в спальне всегда было тепло и сухо: наименее уязвимая часть тела Питера преграждала путь ненастью. Засядет вот так в логове, впившись в известняк когтями, — попробуй его извлечь; разве что призовешь на помощь бригаду землекопов. Так что маневр, описанный выше, преследовал двоякую цель: Питер защищался не только от капризов погоды, но и от попыток возможных врагов преследовать его в логове. Твердые косматые ягодыцы служили надежной преградой любому натиску.

В тот самый день, когда Джеси поручил мне самостоятельный участок, меня ожидал обед у Билов. Надо ли говорить, что миссис Бейли бесстрастно восприняла новость о моем повышении; ее гораздо больше волновало, как я оденусь к обеду, ибо приглашение к Билам в ее глазах было чуть ли не равносильно вызову в Букингемский дворец.

— И я совершенно уверен, — торжествующе говорил я за чаем, — что в конце концов приучу этих песцов брать корм у меня из рук.

— Как это кстати,— заметила миссис Бейли, не слушая меня,— что я заштопала ваши голубые носки. Я считаю, вам надо идти в синей рубашке, она очень подходит к вашим глазам.

— Спасибо, — отозвался я. — Понимаете, с этим вомбатом придется повозиться...

— А ваши чистые носовые платки лежат в левом ящике. Жаль только, голубого нет.

— Да оставь ты парня в покое, — пожурил ее Чарли. — Он же не на конкурс красоты отправляется.

— Не в том дело, Чарли Бейли, и ты это прекрасно знаешь. Этот обед может сыграть важную роль. Джерри должен выглядеть прилично. И что скажут люди, если он у меня будет выглядеть, как бродяга? Скажут, что я его совершенно запустила. Скажут, что я обманом выкачиваю из него денежки. Он живет здесь вдали от дома, от матери, от всех, кто мог бы его направлять... значит, мы должны взять это на себя. Ты как хочешь, Чарли Бейли, но уж я послежу, чтобы парень был чистым и опрятным, не позорил себя и нас. Представь себе, если капитан Бил...

— Что ты там говорил насчет вомбата? — спросил меня Чарли, спасаясь от этого половодья.

Наконец, после того как я умылся, побрился, почистил зубы, оделся и миссис Бейли осмотрела меня придирчивым оком, словно гвардейца перед парадом, мне разрешили идти.

Меня встретила миссис Бил, затормошенная и бледная. Впоследствии я заметил, что она всегда бывала заторможенной и бледной, когда капитан занимался стряпней.

— Добрый вечер, Джерри, — сказала она. — Очень рада, что вы пришли. Проходите в гостиную. Билли там с девочками, он поухаживает за вами.

Прихожую наполнял пряный запах кэрри. Со стороны кухни донесся такой шум, будто врзался в гору состав, груженный медными кастрюлями. Миссис Бил вздрогнула.

— Глэдис! *Глэдис!* — пророкотал за кухонной дверью голос капитана.

Похоже было, что он там бродит по пояс в осколках битой посуды.

— *Глэдис!*

— Что... что случилось, Вильям? — отозвалась миссис Бил.

— Соль! Где соль, черт возьми? Почему непременно надо все убирать, когда я стряпаю? Где эта окаянная соль?

— Иду, милый, — сказала миссис Бил, глядя на меня со страдальческой улыбкой. — Ступайте в гостиную, Джерри, я сию минуту приду.

В гостиной я застал Лору — сестру Билли — и двух юных пухлых евреек, которые бежали с материка в начале войны и теперь квартировали у Биллов. Билли как раз наливал пиво в стакан.

— Привет, выпей пивка, — сказал он, ухмыляясь. — Старикан стряпает — ты уже слышал?

— Слышал, — ответил я. — Пахнет чудесно.

Мы сидели и болтали о том о сем, а с кухни, где продолжалась кулинарная деятельность капитана Била, доносились такие звуки, будто там столкнулись два отряда вооруженных до зубов средневековых воинов. Вот опять — протяжный грохот и звон, словно полтора десятка рыцарей одновременно загремели на землю со своих коней. И голос капитана:

— Кориандр! Нет, нет, в коричневой банке! Так, теперь... красный перец. Где перец? Ах... вот... я его сюда не ставил. Острый? Слишком острый? Как это, слишком острый? Ничего подобного... недостаточно острый, черт возьми! Я не ругаюсь. Еще кориандра! *Нет, погляди, что ты сделала...* у тебя рис убежал!

Наконец появились капитан с супругой. У миссис Бил был все такой же заторможенный вид, зато потное багровое лицо капитана выражало глубокое удовлетворение, как будто этот

достойный человек только что одолел особенно злобного и закоренелого врага.

— А, Даррелл, — приветствовал он меня. — Я вот тут стряпал.

— Он слышал тебя, — заметил Билли.

— Чудесный запах, — поспешил я добавить.

— Недурно, недурно, — сказал капитан, жадно глотая пиво. — И пряностей в самый раз. Этот кэрри, он ведь, как женщины, Даррелл. Есть нежные, есть пылкие... а и не узнаешь, пока... гм... гм... да...

— Вильям, милый! — взмолилась миссис Бил. — Давайте, девочки, помогите накрыть на стол.

Но вот стол накрыт, мы переходим в столовую, подается первое блюдо. Огромные тарелки ядовито-желтого супа с пряностями, такого жгучего на вкус, что казалось — губы вот-вот займутся пламенем.

Капитан Бил вынул из кармана большой красный платок и накрыл им свою лысину так, что край свисал до бровей. Прямо пират, притом самого кровожадного сорта.

— Ну зачем это, Вильям, — сказала миссис Бил. — Что подумает Джерри?

— Что он подумает? — свирепо сверкнул глазами капитан. — Подумает, что я кое в чем разбираюсь, черт возьми. Платок вбирает пот... я всегда так делал на Западном берегу... Нарочно для этого полотенце держал, ясно, Даррелл? Жара тропическая, а тут еще кэрри — бывало, такой пот прошибет... хоть корыто подставляй. Сидишь это вечером... бутылочка джина... сидишь в чем мать родила, кэрри ешь, и полотенце на голове — паришься.

— Вильям, голубчик.

— Конечно, при гостях я не сидел в чем мать родила, — поспешно объяснил капитан. — Ни-ни, гостей я в трусах принимал.

Наконец мы управились с жгучим супом, капитан протопал на кухню и вернулся с исполинской миской.

— С этими карточками окаянными разве наберешь достаточно мяса для приличного кэрри, — ворчал он. — Придется вам довольствоваться тем, что есть. Это кролик.

Он поднял крышку, и над обеденным столом повисло облако густого, словно лондонский туман, ароматного пара. Казалось, ваше горло мертвой хваткой сжимает беспощадная рука и в легких оседает едкая роса. Мы потихоньку прокашлялись. Кэрри был отменный, но я поблагодарил небо за то, что вырос в доме, где постоянно готовили острые блюда; только это спасло мой язык и голосовые связки. После первых же глотков все, хватая ртом воздух, судорожно потянулись к графину с водой, чтобы охладить обожженную гортань.

— Не пейте воды! — пророкотал капитан; пот градом катился по его лицу, даже очки запотели. — От воды только хуже будет.

— Я тебя предупреждала, милый Вильям, что будет слишком остро, — с протестом в голосе вымолвила красная, как мак, миссис Бил.

Обе еврейки издавали странные, нечленораздельные звуки; физиономия Билли уподобилась цветом его шевелюре; бледное от природы лицо Лоры налилось кровью.

— Вздор, — заявил капитан, вытирая голову, лицо и шею платком и расстегивая до пояса рубашку, — совсем не слишком, в самый раз, верно, Даррелл?

— Для меня в самый раз, сэр, но я вполне допускаю, что кое-кому может показаться островато.

— Чуть! — воскликнул капитан, отмахиваясь широкой, как лопата, ручищей. — Люди сами своей пользы не понимают.

— Какая может быть польза от такой острой пищи, — произнесла, глотая воду, миссис Бил прерывающимся голосом.

— А я говорю, польза есть, — воинственно проревел капитан, сверля ее взглядом сквозь затуманенные очки. — Острый кэрри полезен для здоровья, это общеизвестный медицинский факт.

— Но ведь не такой же острый, милый Вильям?

— Именно такой. И вообще этот кэрри еще не острый... детская кашка по сравнению с тем, что я мог бы приготовить.

Всех бросило в дрожь при мысли о том, что мог бы приготовить капитан.

— На Западном берегу, — продолжал он, усердно работая вилкой, — мы ели такой острый кэрри... словно раскаленные угли глотали.

Он торжествующе улыбнулся и смахнул платком пот с лица и лысины.

— Да какая же тут польза, — цеплялась миссис Бил за свое исходное утверждение.

— Вот именно что есть польза! — нетерпеливо возразил капитан. — Как ты думаешь, Глэдис, почему кэрри изобретен именно в тропиках, а? Чтобы выжигать всякую хворь, ясно? Как ты думаешь, почему ко мне ни разу не пристала фрамбезия или бери-бери, а? Почему я не сгнил от проказы?

— Вильям, голубчик!

— То-то и оно, — язвительно произнес капитан. — Все благодаря кэрри. С одного конца входит, из другого выходит... насквозь тебя прожигает, вот... получается вроде прижигания, ясно?

— Вильям, я умоляю!

— Ладно, ладно, — пробурчал капитан. — Только непонятные вы какие-то люди. Я приготовил вам недурной кэрри, а вы крик подняли, словно вас убивают! Ели бы каждый день такой кэрри, зимой вас никакая простуда не взяла бы.

Признаюсь, тут я склонен был согласиться с ним. Ни один гриппозный вирус не смог бы выжить в организме, раскаленном добела капитанским кэрри. Во всяком случае, шагая вечером домой через темный пустырь, я слегка недоумевал, почему за мной не тянется светящийся след наподобие хвоста кометы. Судя по всему, тот факт, что я выдержал испытание кэрри, явно расположил ко мне капитана, и с тех пор каждый четверг я обедал у Билов. И это были для меня очень приятные вечера.

*Глава пятая***ГАРЦУЮЩИЕ ГНУ**

Развлекаются грубыми шутками
и не причесывают волос.

Бэлок. Книжка про зверей
для непослушных детей

После того как я месяца два поработал в льявнянике, однажды утром Фил Бейтс объявил, что мне пора переходить в другую секцию. Я обрадовался: как ни уютно мне было в льявнянике, как ни хорошо работалось вместе с Джеси и Джо, я ведь приехал в Уипснейд за опытом, и, чем больше секций будет в моем послужном списке, тем больше знаний я наберусь. Итак, я перешел в медвежатник. Эта секция, как видно из названия, включала всех косолапых бурых космачей Уипснейда. Кроме того, в нее входили огромный загон, в котором паслось множество зебр и антилоп, в том числе гну, а также вольеры с разной мелочью, вроде волков и бородавочников.

Заведовал секцией Гарри Рэнс, плотный коротыш с переломанным носом и живыми ярко-синими глазами. Я застал его в сарае для зебр, в маленьком закутке, где он сидел, задумчиво прихлебывая какао из огромной помятой оловянной кружки и строгая ореховый прутик.

— Здорово, старик, — приветствовал он меня. — Говорят, ты будешь работать вместе со мной.

— Точно, — подтвердил я. — Я рад, что меня перевели в эту секцию, у вас тут много интересного.

— Уж куда интереснее, старик, — подтвердил он. — Только надо держать ухо востро. Там, в льявнянике, ты редко входил к животным, а у нас без этого нельзя, и лучше быть начеку. На вид-то, может, они ручными покажутся, но гляди, как бы врасплох не застали.

Он указал большим пальцем на стойло, где безмятежно жевала сено толстая, лоснящаяся черно-белая зебра.

— Взять хотя бы этого жеребчика, — продолжал Гарри. — С виду смирный, как младенец, верно?

Я внимательно пригляделся к зебре. Ни дать ни взять раскормленный осел-переросток, которого расписали в две краски. Хоть сейчас входи в стойло и седлай его.

— Попробуй подойди к стойлу, — предложил Гарри.

Я подошел, зебра повернула голову и насторожила уши. Я сделал еще шаг — ее ноздри раздулись, изучая мой запах, и стали похожи на черные вельветовые колодцы. Еще шаг — стоит как вкопанная.

— Что ж, — начал я, оглянувшись на Гарри, — на вид вполне ручная.

Стоило мне оторвать взгляд от зебры, как она подобрала зад и, выбив копытами зловещую пулеметную дробь, внезапным броском очутилась у двери. С ходу просунула между прутьями оскаленную морду и попыталась цапнуть меня острыми, прямоугольными желтыми зубищами. Я отпрянул назад так стремительно, что споткнулся о ведро и упал. Гарри сидел со скрещенными ногами и, тихонько посмеиваясь, продолжал строгать свой ореховый прут.

— Понял теперь, старик? — произнес он, пока я поднимался на ноги. — Смирный, как младенец, а на деле — настоящий ублюдок.

Первые дни, естественно, я осваивал все то, что входит в обычный распорядок служителя, — когда кормить тех или иных животных, сколько корма задавать каждому. Пожалуй, самой тяжелой работой в этой секции была еженедельная уборка в сарае бизонов. Выгулом для них служила обнесенная высокой железной оградой обширная территория на склоне холма, но в часы кормления они поднимались к большому приземистому сараю на гребне. В просветы между прутьями мы насыпали кучи отрубей, овса и размолотого жмыха, а после того, как бизоны

съедали все это, кидали им через изгородь вилами кормовую свеклу. Она подпрыгивала и катилась по земле, бизоны тяжело скакали за ней и впивались зубами в твердые корнеплоды с хрустом, напоминающим треск полена под колуном. Овес и жмых следовало сыпать с умом, чтобы старые быки не присваивали чужую долю. Как я быстро уразумел, для этого надо было насыпать пять-шесть куч, достаточно больших, чтобы занять быков минут на пять, а затем уже задавать корм коровам и телятам где-нибудь в сторонке, где они могли есть спокойно, не опасаясь, что их ткнут рогом в зад.

Североамериканский бизон, пожалуй, один из самых внушительных представителей копытных. Посмотрите на него вблизи: могучие крутые плечи под густой курчавой гривой, передние ноги в меховых гольфах, широкая голова с косматым чубом и с кривыми рогами, как на шлеме викинга, — все это создает впечатление чудовищной силы. Обычно наши бизоны ступали медленно и тяжело, правда, при этом они вполне могли внезапно и яростно боднуть друг друга, действуя головой как тараном. Но при желании они развивали немалую прыть; я убедился в этом однажды, когда подвозивший нам свеклу грузовик выстрелил глушителем. Тотчас бизоны, которые в ожидании кормежки лепились к ограде, напоминая череду шоколадно-коричневых кучевых облаков, все, как один, развернулись и с невероятной скоростью помчались вниз по холму, дробя копытами известняковый грунт. Казалось, по зеленому склону с грохотом катит огромная грозная лавина. Не хотел бы я оказаться на их пути...

И когда наставало время чистить их стойла, душа моя наполнялась легкой тревогой, потому что старые быки (которым явно никогда не приедалось это зрелище) подходили и выстраивались плотной шеренгой вдоль открытой стороны сарая. С глубоким интересом наблюдая, как мы сгребаем вилами солому и навоз, нагружаем и вывозим тачки, они время от времени протяжно и гулко фыркали, заставляя нас вздрагивать.

Помню случай, когда один из стариков неожиданно забрел прямо к нам в сарай. Мы побросали вилы и обратились в паническое бегство, но вскоре убедились, что бык не замышлял ничего дурного — просто он заметил половинку свеклы в разворошенной нами соломе. И как только сжевал ее, побрел обратно на склон.

В южной части вольера находился участок, где бизоны любили кататься по земле. Местами тяжелые туши стерли траву, и на зеленом фоне белели большие плешины оголенного известняка. Старые быки спускались туда степенным шагом, правильным строем. А затем ложились на землю и энергично брыкали задними ногами, так что вся туша конвульсивно дергалась. Издали казалось, что бизоны селятся освободиться от опутавшей их незримой сети. Жесткий мел соскребал с кожи слинявшую шерсть, которая их явно раздражала. Около получаса длилась эта процедура; наконец, начесавшись всласть, быки тяжело поднимались, и по мягкой коричневой шкуре на боках и брюхе пробегала мелкая дрожь. Отряхнутся от белой пыли и с крошками мела в спутанной гриве бредут на пастбище.

Когда приходила пора сбрасывать зимнюю шубу, на них словно какое-то исступление находило. Куда ни погляди — непременно увидишь бизона, который, закрыв глаза, в экстазе упоенно скребется о прутья ограды или корявый ствол боярышника. От слинявшей шерсти на голове и плечах они избавлялись другим способом. Тут их выручал густой терновник: его стволы отлично подходили, чтобы поскрести спину, а свисающие почти до земли переплетенные ветви служили частыми гребнями. Проходят поочередно под деревьями так, чтобы ветви цепляли их густые гривы, а сучки и колючки вычесывают ненужный зимний волос. Весной терновник весь бывал увешан, словно диковинными плодами, ключьями мягкой желтовато-коричневой шерсти, и эти пушистые пряди пользовались большим спросом среди воробьев и овсянок, которые выстилали ими гнезда.

Когда европейцы пришли в Северную Америку, бизонов там было видимо-невидимо. Огромные стада насчитывали миллионы особей и представляли собой самые многочисленные скопления наземных млекопитающих. Кров, пища, одежда, даже такие немудреные вещи, как иголка и нитки, — всем этим бизон обеспечивал индейцев. Но индейцы убивали животных только для удовлетворения насущных нужд; их скромные аппетиты никак не сказывались на несметных стадах косматых великанов. С появлением европейца и его куда более совершенного оружия картина изменилась. Началось подлинное избиение, бизонов уничтожали тысячами. На первых порах вся туша шла в ход, потом наступило пресыщение. Однако бизонов продолжали убивать в таких же огромных количествах, во-первых, ради языка, который считался деликатесом, во-вторых, для намеренного истребления этих копытных. При этом рассуждали так: поскольку индеец всецело зависит от бизона, с исчезновением бизонов исчезнут и индейцы.

Профессиональные охотники пользовались случаем нажить себе состояние и славу. Одним из них был Буффало Билл Коди, который однажды уложил за день двести пятьдесят четвероногих исполинов. По мере того как в прерии вторгалась железная дорога, пересекая пути миграции животных, бизонов стали стрелять из окон поездов, оставляя гнить сотни туш. Местами зловоние от разлагающихся трупов было столь сильным что приходилось плотно закрывать окна поездов, проезжавших через эти огромные кладбища. Немудрено, что при таком чудовищном бездумном избиении к 1889 году от наиболее многочисленных среди известных нам наземных млекопитающих осталось меньше тысячи особей. Лишь после этого кучка борцов за охрану природы, потрясенных мыслью, что бизон может навсегда исчезнуть с лица земли, приняла меры к его спасению. Теперь бизонов насчитывают тысячами, и нависшая над видом угроза миновала, но никогда уже не придется людям наблюдать величественную картину прерий, до

самого горизонта покрытых, словно черным движущимся ковром, полчищами бизонов.

В той же секции содержалось у нас животное, которое ныне подвержено аналогичной угрозе; речь идет о черном карликовом буйволе аноа с острова Сулавеси. Очень уж маленьким — всего-то с шетландского пони ростом — казался этот родич могучего бизона. Длинная серьезная морда, выразительные глаза; сквозь жесткую темную шерсть, покрывавшую толстые ягодицы неравномерным слоем, просвечивала розовато-лиловая кожа; копыта маленькие, изящные; чуткие уши покрыты изнутри нежным пушком. Рога длиной около двадцати сантиметров — прямые и очень острые. Оба наши аноа отличались безобидным нравом; беря губами отруби с моих ладоней, они глядели на меня с видом невинных мучеников. И я немало поразился, когда прочел, что эти животные могут быть весьма опасными. Быстрота движений, поворотливость и острые рога заставляли считаться с этими малышами. Зная, что потревоженный аноа становится свирепым, коренные жители Сулавеси предпочитали не связываться с ним. Но с появлением современного оружия — особенно столь необходимого каждому охотнику-спортсмену автомата — дни аноа были сочтены, и теперь перспектива вида выглядит очень мрачно.

Зебра Чапмана показалась мне, в общем, довольно скучным животным. Наши представители этого вида красиво смотрелись на фоне травы в своем обширном загоне, но ничего интересного в их поведении не было. Знай себе пасутся да иногда повздорят и угрожают друг другу оскаленными зубами, прижав уши к голове. Жеребцы, казалось, только и думали о том, как вас прикончить, а поскольку они могли развить страшную скорость, вам все время приходилось быть начеку.

Каждое утро мы с Гарри первым делом лезли через ограду и собирали в загоне зебр выросшие за ночь, умытые росой бархатистые грибы. На второй завтрак Гарри тушил их в масле на небольшой сковороде. Отменное блюдо, однако собирать

грибы в непосредственной близости от кровожадных полосатых жеребцов было по меньшей мере рискованным занятием. Однажды утром выдался особенно богатый урожай, мы набрали полведра и заранее радовались предстоящей в одиннадцать часов сытной трапезе. Только я нагнулся за необычно крупным грибом, как Гарри закричал:

— Берегись, старик! Этот ублюдок бежит сюда!

Я выпрямился — жеребец с грохотом мчался прямо на меня, прижав уши и оскалив желтые зубы. Бросив ведро, я по примеру Гарри пустился наутек. Задыхаясь от бега и смеха, мы перевалили через ограду. Жеребец круто затормозил возле ведра и с негодующим фырканием уставился на нас. А затем, к нашему величайшему возмущению, развернулся и с замечательной точностью поразил копытами ведро, так что оно описало в воздухе широкую кривую, сопровождаемую кометным хвостом из грибов. Полчаса ушло у нас на то, чтобы снова собрать их.

Впрочем, к одной зебре я все же проникся симпатией. Это был жеребец, представитель самых крупных, пустынных зебр. Тело этих зебр (они же зебры Грэви) напоминает лошадиное; длинная, породистая голова отчасти смахивает на ослиную, однако больше похожа на голову арабского скакуна с изящной, нежной, бархатистой мордой; узкие правильные полосы словно нарисованы по линейке; огромные уши походят на косматые цветки аронника. Насколько мне известно, в Англии наш экземпляр был единственным в своем роде, и я считал, что его редкость, не говоря уже о красоте и кротости, дает мне право скармливать ему дополнительные порции овсяной сечки, которую он бережно брал с моих ладоней губами, мягкими, как шляпки растущих в его загоне грибов.

В северной части секции простирался зеленый бархатистый луг в окружении кринолина из кудрявых дубов. Здесь жили несомненно самые редкостные из доверенных нам животных — чета молодых оленей Дэвида, или милу. На оленью мерку они, пожалуй, были нескладными и уж во всяком случае не могли

сравниться грациозностью с обитавшими по соседству ланями и благородными оленями. Высота в холке немногим больше метра; морда длинная, серьезная; под раскосыми миндалевидными глазами — своеобразная полость, этакий кармашек из розовой кожи, который милу открывает и закрывает по своему произволу. Кармашек этот ни с чем не сообщается и не выполняет никакой полезной функции. Тело коренастое, подобное ослиному; окраска буровато-рыжая, но брюхо белое, и такого же цвета сердцевидное пятно украшает седалище.

Разрез и расположение глаз, необычное туловище, длинные черные копыта и (уникальная для семейства оленей черта) длинный хвост с ослиной кисточкой — все это придавало милу такой вид, словно они сошли с какой-нибудь китайской акварели.

Движения их были неуклюжими, начисто лишенными присущей оленям грации. Если я неожиданно возникал около их загона, они пугались. Повернутся ко мне — уши насторожены, ноги широко расставлены — и обращаются в паническое бегство, спасаясь в дальнем конце загона, причем аллюр их смахивал на рысь пьяного осла. Ноги почти не сгибались, и длинное тело переваливалось с боку на бок. Сравнишь этот бег с изящными движениями других оленей и особенно ясно видишь сходство милу с ослом. Только в движениях и очертаниях головы и шеи обнаруживается свойственная оленям красота.

История открытия и спасения этого причудливого животного — одна из удивительных страниц удивительной зоологической летописи. В середине прошлого века в Китай приехал францисканский миссионер, отец Давид. Путешествуя по стране, он, подобно многим церковным деятелям той поры, проявлял глубокий интерес к естественной истории. Я даже подозреваю, что число собранных отцом Давидом уникальных зоологических образцов намного превышает число спасенных им там же душ. Между прочим, он первым приобрел экземпляры столь

знаменитой теперь гигантской панды. В Пекине до него дошли слухи, что в парке Императорского дворца содержится стадо оленей, будто бы не известных нигде, кроме Китая. Понятно, отец Давид был заинтригован. Но как увидеть этих животных? Парк был окружен стеной и надежно охранялся. Как известно, в те времена в Китае с трудом переваривали иностранцев, так что отцу Давиду приходилось действовать с величайшей осторожностью. О степени увлечения этого человека естественной историей говорит тот факт, что он рисковал потерять свободу и даже жизнь. Первым делом он подкупил одного стражника, чтобы тот разрешил ему взобраться на стену и обозреть Императорский парк. С этой удобной позиции отец Давид и впрямь узрел в ста шагах от себя пасущихся между деревьями животных. Можно себе представить, как взыграла его душа, когда он опознал в них оленей дотоле неизвестного и чрезвычайно необычного вида.

О своем открытии он написал в Париж, в Музей естественной истории, профессору Милн-Эдвардсу:

"В пяти километрах к югу от Пекина раскинулся огромный Императорский парк, его окружность около шестидесяти километров. С незапамятных времен в этом парке мирно обитают олени и антилопы. Европейцам посещать парк не дозволено, но этой весной мне посчастливилось с окружающей его стены увидеть поодаль стадо в сто с лишним животных, которые показались мне похожими на лосей. К сожалению, в это время года они были лишены рогов. Отличительным признаком виденных мной животных является длина хвоста, примерно равного ослиному, чего я никогда не наблюдал у семейства оленьих. Размерами они уступают северному лосю. Я предпринял тщетные попытки приобрести шкуру этих животных. Даже часть шкуры невозможно добыть, и французское посольство не видит возможности приобрести это диковинное животное путем неофициальных контактов с китайским правительством. К счастью, я знаком с некоторыми

татарскими воинами, которые служат в охране парка, и не сомневаюсь, что с помощью подкупа смогу приобрести несколько шкур, кои тотчас отправлю вам. Китайцы называют это животное ми-лу, что означает "четыре противоречивых признака", ибо они считают, что олень этот рогами напоминает благородного оленя, копытами — корову, шеей — верблюда и хвостом — мула или, скорее, осла".

Отец Давид твердо решил добыть образцы, однако это было не так-то просто. Он знал, что сторожа, хоть это грозит им смертной казнью, иногда позволяют себе отведать свежей оленины. За щедрое вознаграждение они обещали ему сохранить шкуры и черепа очередных жертв. Обещание было выполнено, и отец Давид отправил желанную добычу в парижский Музей естественной истории, где и впрямь выяснилось, что речь идет о новом для науки виде. Отмечая большой вклад отца Давида в естественную историю востока, виду присвоили в его честь наименование *Elaphurus davidianus*.

Естественно, европейские зоопарки и частные коллекционеры мечтали заполучить экземпляры столь редкого оленя, а олень Давида вполне заслуживал звания редкого — ведь единственное стадо обитало в парке Императорского дворца, и первоначальный ареал милу до сих пор неизвестен. Можно подумать, что вся эволюция вида происходила на прилегающей к дворцу территории. Теперь полагают, что милу перестал существовать в диком состоянии две-три тысячи лет назад. Археологические находки показывают, что до той поры милу еще бродили в лесах провинции Хунань.

Хотя китайские власти отнюдь не стремились вывозить столь ценное национальное достояние, все же после долгих переговоров несколько пар оленей Давида было отправлено в зоопарки Европы, а одна чета попала в замечательный частный зверинец герцога Бедфордского в Вобурне.

Спустя некоторое время при разливе Хуанхэ стена вокруг Императорского парка была разрушена, и большинство оленей

разбежалось по окрестностям, где их, разумеется, в два счета перебили голодающие крестьяне. В парке еще оставалась крохотная популяция, но над милу явно тяготел злой рок: началось Боксерское восстание и охрана воспользовалась случаем съесть уцелевших оленей. Так вид вымер на своей родине, теперь всю популяцию составляли животные, разбросанные по странам Европы.

Герцог Бедфордский, один из первых и наиболее мудрых борцов за охрану природы, решил, что для спасения вида надо пополнить свое крохотное Вобурнское стадо, и вступил в переговоры с зоопарками. В итоге у него собралось восемнадцать особей; это были все сохранившиеся на земле милу. В идеальных условиях Вобурна популяция постепенно росла, и, когда я работал в Уипснейде, она насчитывала уже около пятисот голов. Пришла пора, заключил герцог, рассредоточить стадо — очень уж рискованно было держать всех милу в одном месте. Достаточно эпидемии ящура, чтобы окончательно истребить оленей Давида. Для начала герцог подарил пару животных Уипснейду, чтобы и там можно было разводить милу.

Как раз когда я работал в секции медведей, стало известно, что герцог решил снабдить оленями Давида и другие зоопарки, а Уипснейд получит вторую пару. На нас была возложена задача вывозить из Вобурна новорожденных телят и выкармливать до такого возраста, когда их можно будет отправлять на новое местожительство. Такой сложный способ был продиктован чрезвычайной нервозностью милу. От испуга — а они пугались всего на свете, превосходя в этом смысле всех известных мне животных, — они были способны на глупейшие поступки, скажем, принимались бодать каменную стену, пытаясь пробиться сквозь нее. Если же мы будем выкармливать телят, есть надежда, что, привыкнув к людям, они не будут пугаться необычных звуков и предметов так, как пугаются при отлове молодые милу.

У меня захватило дух, когда я услышал, что мне вместе с одним парнем по имени Билл доверено помогать в этом деле Филу Бейтсу. Для оленят приготовили два просторных стойла, а поскольку их полагалось кормить и ночью, и рано утром, мы с Биллом должны были по очереди ночевать в сарайчике в лесу около стойл, чтобы круглые сутки быть под рукой у Фила.

И вот настал великий день, мы сели в грузовик и поехали в Вобурн.

Вобурнский парк был одним из самых прекрасных, какие я когда-либо видел. Разумеется, это было еще до того, как карусели и полчища экскурсантов превратили его в своего рода цирк с тремя аренами. Могучие деревья, вдвое красивее от того, что стояли порознь, волнистый зеленый покров и неторопливые стада оленей создавали незабываемую картину, которая вызвала бы завистливые слезы у самого Эдварда Лэнсье. Оленята — большеглазые, встревоженные — лежали каждый в своем мешке, только головы торчали наружу. Эта мера предосторожности была необходима, чтобы им не вздумалось встать в грузовике и попытаться совершить побег с риском поломать ноги. Разместив малышей на толстой подстилке, мы обложили их со всех сторон охапками соломы. После этого мы с Биллом заняли место в задней части кузова, возвышаясь над лесом маленьких головенок, и грузовик покати́л в Уипснейд с умеренной скоростью пятьдесят километров в час. Мы не сводили глаз с оленят, следя за тем, как они переносят путешествие. Когда машина тронулась, два-три малыша начали брыкаться и дергаться в мешках, но они быстро успокоились, и в конце пути многие оленята уже спали с видом пресыщенных странствиями железнодорожных пассажиров.

Мы отнесли их в стойла и разрезали мешковину. С типичной для всех оленят невыразимо трогательной угловатостью они поднялись на непослушные ноги и сделали несколько неуверенных шагов. Только теперь до них дошло, что чего-то не хватает, и малыши заходили по кругу, издавая совсем по-

козлиному неожиданно долгое хриплое "бэ-э-э". Мы с Биллом быстро подоили специально доставленных в зоопарк коз, наполнили теплым, пенистым молоком бутылочки, добавили необходимые витамины и рыбий жир и, держа по бутылочке в каждой руке, вернулись в конюшню.

Детеныши милу такие же бестолковые, как любые другие младенцы, и во время первого кормления козье молоко попадало куда угодно — в наши карманы, отвороты брюк, даже в глаза и уши — только не в желудки оленят. Они довольно скоро разобрали, что молоко поступает из соски, однако координация рта и мозга оставляла желать лучшего, и все время приходилось быть начеку, потому что оленята мусолили соску до тех пор, пока конец ее не высовывался изо рта сбоку, после чего сжимали челюсти, брызгая молоком прямо нам в глаза. Впрочем, на второй день они наладились сосать правильно и стали воспринимать нас с Филом и Биллом как некую комбинированную мать. Всего на нашем попечении находилось восемь оленят, и мы разместили их по четыре на стойло, но, по мере того как они росли, кормить их становилось все труднее, потому что в часы кормления оленята при виде нас буквально выходили из себя. Оглушительно бляя, они бросались нам навстречу, едва открывалась дверь стойла. Несколько раз оленята сбивали с ног меня и Билла. Упал — скорей откатывайся в сторону, потому что малыши безжалостно топтали нас, а копытца у них были не только очень длинные, но и весьма острые.

Пожалуй, именно в это время я вдруг по-настоящему уразумел суть определения "редкие животные". До сих пор, когда кто-нибудь говорил о редких животных, я считал, что речь идет о числе особей, представленных в музеях или зоопарках; мне не приходило в голову, что подразумевается малочисленность вообще. Должно быть, это потому, что люди были склонны делать из слова "редкий" как бы знак отличия, которым животные обязаны гордиться. Но, познакомившись вплотную с

оленьями Давида, я неожиданно для себя открыл, что очень многие животные стали редкостью совсем в другом смысле. Я начал изучать этот вопрос, и накопилось изрядное досье. Тогда я не подозревал, что создаю весьма несовершенную любительскую версию "Красной книги", выпускаемой ныне Международным союзом охраны природы. Результаты потрясли меня, мои записи пестрели данными вроде: "общее число уцелевших индийских носорогов — 250, суматранских носорогов — 150, борнеоских носорогов — 20, мировая популяция бескрылого пастушка — 72 пары, аравийского орикса, истребленного винтовками и пулеметами, осталось не больше 30 голов" — и так далее. Казалось, список можно продолжать до бесконечности. Тут-то мне и стало ясно, в чем заключается подлинная задача зоопарка — ведь наряду с охраной животных в их среде обитания совершенно необходимо создавать рассредоточенные возможно шире по свету плодовые колонии. Именно тогда я сказал себе: если когда-нибудь у меня появится свой зоопарк, он прежде всего будет служить убежищем и питомником для истребляемых животных.

В часы дежурства у оленят я немало размышлял об этом. Ночью, когда при свете фонаря малыши, поблескивая влажными глазищами, жадно сосали из бутылочек теплое молоко, я говорил себе, что с любой точки зрения у этих созданий столько же прав на существование, сколько у меня. Вставать в пять утра, чтобы кормить их, не было для меня наказанием. Шагаешь к стойлу между могучими стволами — в первых, бледных лучах утреннего солнца дубравы золотятся, словно хвост кwezала, листья переливаются тончайшей пленкой росы, и птичий хор звучит в твоих ушах великим благодарственным молебном в зеленом храме природы. Откроешь дверь в стойло — любящие питомцы сбивают тебя с ног, приветствуют блянием, тычутся носами, облизывают длинными, влажными, горячими языками. И как ни тяжело было на сердце от мысли об опасном положении множества видов, я чувствовал, что, помогая

разводить милу, делаю что-то конкретное, пусть даже это капля в море.

Несомненно, самыми занятными животными в нашей секции были белохвостые гну. Вообще внешний вид представителей этого рода производит неправдоподобное впечатление, а белохвостые особенно напоминают какого-нибудь мифического зверя со средневекового герба. Тяжелая голова, широкая морда, изогнутые вниз причудливым крючком острые рога, из-под которых антилопа смотрит каким-то близоруким взглядом. Морда украшена белой бородкой, и еще клок шерсти торчит ниже глаз. На горле, лбу и затылке — густая белая грива, сплошная чаща косматых прядей. Но главное украшение гну — длинный, пышный, шелковистый белый хвост, которым они взмахивают так же изящно, как восточная танцовщица своим платком. Добавьте к необычной внешности (как будто эта антилопа собрана из частей разных животных) столь же необычные движения и причудливые позы, которые гну принимают по любому поводу. Невозможно было без смеха смотреть, как эти нелепые твари, фыркая, выделывают вальсы и кувырки с развевающимся над спиной белым хвостом.

Движения гну были настолько сложными, что им не сразу подберешь определение. Больше всего хочется сравнить их с острым приступом пляски святого Витта. Какие-то па я уподобил бы народным танцам, не будь они такими буйными. Те народные танцы, которые доводилось видеть мне, исполнялись пожилыми эстетками в бисере и бусах, и это было несколько не похоже на лихой антилопий джиттербаг. Пожалуй, было в плясках гну что-то от балета (если взять наиболее динамичные и потогонные версии), но все-таки даже самая наисовременнейшая балерина сочла бы их движения чересчур экстравагантными.

Что ни говори, этот танец (или этот припадок) — увлекательное зрелище. Вот поднимается занавес: сбившись в кучу, антилопы хмуро созерцают вас сквозь чащобу спутанных прядей. Одна из них берет на себя руководство и подает сигнал к

началу пляски поразительно громким фырканием, которое можно перевести как "а теперь, девочки, все вместе". Стройные ноги гну делают несколько мелких шажков — и опять вся группа замирает, только ноги и хвосты подрагивают почти в унисон. Новый сигнал — и тут внезапно труппой овладевает неистовство. Забыты согласованность и точность, которые услаждают ваш взгляд в балете. Стуча блестящими копытами, антилопы срываются с места — хвост и голова мотаются как попало, брыкающие ноги изгибаются под самыми нелепыми и анатомически невозможными углами. Руководительница фыркает, как заведенная, но никто не слушает ее команд. И вдруг антилопы останавливаются и осуждающе смотрят на вас из-под рогов, потрясенные до глубины души вашим неприличным хохотом.

Между прочим, из-за этих плясок, а также из-за своего ненасытного любопытства гну очутились на грани полного вымирания. Когда началась колонизация Южной Африки, там бродили тысячные стада белохвостых гну. Голландские поселенцы нещадно уничтожали их: во-первых, вяленое мясо антилоп избавляло от необходимости резать ценный домашний скот, во-вторых, колонизаторы исходили из того, что, чем скорее они расправятся с гну, тем больше пастбищ освободится для коров и овец. Вскоре одна из наиболее многочисленных африканских антилоп стала одной из самых редких. Очаровательное любопытство этих животных побуждало их оставаться на месте и глазеть на стреляющих по ним охотников. Не менее пагубной оказалась для гну и их страсть к танцам. Соберутся вокруг ошетилившихся ружьями фургонов, и ну кружить и гарцевать, являя собой идеальную мишень. Теперь белохвостого гну лишь с большой натяжкой можно относить к диким животным. Осталось каких-нибудь две тысячи особей в небольших парках и при частных фермах да еще около сотни голов в разных зоопарках мира.

Глядя на вздыбленных гну на наших зеленых полянах, я думал о том, насколько скучнее стала Африка без этих веселых, бесшабашных плясунов вельда. Похоже, прогресс цивилизации повсеместно глушит исконную радость и утверждает банальность, весело гарцующих созданий сменяет нудно жующая жвачку утилитарная корова...

Наряду с белохвостыми был у нас один экземпляр полосатого (или голубого) гну, примерно такого же сложения, только покрупнее; шерсть рыжевато-коричневая, расписанная шоколадными полосами, грива и хвост черные. Эта антилопа была, пожалуй, еще более бесноватой, ее лихие антраша казались еще экстравагантнее, и вырывающиеся из недр грудной клетки рокочущие, низкие сигналы тревоги напоминали пулеметную очередь. Удивительно нервное животное: того и гляди от испуга сломает ногу или причинит себе еще какое-нибудь увечье. И мы с Гарри не на шутку встревожились, услышав, что нашего Полосатика надлежит взять и отвезти в Лондонский зоопарк, где его ждет супруга.

— Что, Гарри, придется нам помаяться? — спросил я.

— Боюсь, что придется, старик, — ответил Гарри, помешивая грибы на скворчащей сковороде.

— Куда мы его поместим? — продолжал я. — У нас ведь нет ничего подходящего?

— У нас нет, — подтвердил Гарри. — Они пришлют клетку на своем грузовике в четверг. Загоним его в клетку, и они отвезут его.

Все звучало очень просто в изложении Гарри. Настал четверг, и прибыл грузовик с высокой узкой клеткой, в которую нам предстояло каким-то образом водворить чрезвычайно нервного, пылкого и подвижного гну. Утром Полосатик погулял в загоне, потом я заманил его овсом в двойное стойло, в одном из просторных отсеков которого он и был теперь надежно заточен. Прежде всего надо было спустить тяжелую клетку с грузовика, установить ее перед стойлом и поднять задвижку. На это

понадобилось немало времени, и, естественно, не обошлось без шума, который вызвал резкий протест у Полосатика. Он урчал, фыркал, дыбился и неоднократно пытался разнести копытами стойло. Поставив клетку как надо, мы удалились на полчаса, чтобы обсудить дальнейшие действия и дать Полосатику немного поостыть.

— Теперь слушай, старик, — говорил Гарри, — дальше делаем так. Я забираюсь на клетку сверху и поднимаю задвижку, но с поднятой задвижкой я не смогу увидеть, когда он войдет в клетку, так что ты уж скажи мне, когда отпускать, понял? Затем ты берешь лестницу, заходишь с ней в соседний отсек, берешь вот это полешко, перегибаешься через перегородку и, когда он подойдет к выходу, ткнешь его полешком в зад — только один раз, запомни, этого будет достаточно, чтобы он ринулся в клетку. И как только он в нее забежит, ты мне кричишь, и я отпускаю задвижку, понял?

— Послушать тебя, так это проще пареной репы, — заметил я не без горечи.

— Будем надеяться, — ухмыльнулся Гарри.

Мы вернулись к стойлу, где Полосатик урчал все так же сердито, я втащил лестницу в соседний отсек, вооружился полешком, поднялся и заглянул через перегородку. Полосатик с ужасом воззрился на человека, который задумал подло напасть на него с тыла. Косматая борода и взъерошенная грива придавали ему такой вид, словно он только что встал с постели и не успел очухаться. Гарцуя и кружась в стойле, он раздувал ноздри, фыркал, вращал глазами, и кривые черные рога его поблескивали как ножи.

— Ты готов, старик? — крикнул снаружи Гарри.

Я перенес полешко через перегородку и проверил ногами надежность опоры.

— Есть! — ответил я. — Поехали.

Задвижка медленно поднялась, и Полосатик, который продолжал тарашиться на меня, словно старая дева,

обнаружившая под своей кроватью незнакомого мужчину, развернулся к выходу. Он фыркал, как вулкан, и беспокойно переступал с ноги на ногу. Пользуясь тем, что он отвлекся, я обхватил полешко покрепче левой рукой, поднял его торчком и положил на верхний конец ладонь правой руки. Более неудачного способа нельзя было придумать.

— Сейчас я погоню его, Гарри! — крикнул я.

— Давай, старик, — отозвался Гарри.

Я стал осторожно опускать полешко к подрагивающему толстому заду Полосатика. Едва оно коснулось лоснящейся кожи, последовала такая реакция, словно я поднес спичку прямо к запалу динамитного патрона.

Все смешалось. Ощутив прикосновение, Полосатик тотчас подскочил вверх и лихо взбрыкнул всеми четырьмя ногами. Одно копыто задело полено, так что оно взлетело вверх, подобно ракете, и ударилось о потолок. Казалось, моя правая рука попала под копер для забивки свай. Невыносимая боль заставила меня выпустить полено. Судорожно дергаясь, чтобы не свалиться вперед через перегородку, я чувствовал, как лестница качается под моими ногами. В ту же минуту Полосатик, издав особенно мощное фыркание, наклонил голову и ворвался в клетку.

— Задвигай, Гарри, задвигай! — отчаянно крикнул я; одновременно лестница выскочила у меня из-под ног, и я грохнулся в стойло.

Задвижка скользнула вниз, Полосатик очутился в плену. Но успокаиваться было рано: ворвавшись в клетку, он с ходу боднул противоположную стенку, и клетка закачалась, как судно, попавшее в ураган. Щепки летели во все стороны, по мере того как Полосатик продолжал обрабатывать стенки рогами. Наши помощники заметались в поисках молотка и гвоздей, чтобы не дать узнику вырваться на волю. Сидя на угрожающе качающейся клетке, Гарри с тревогой смотрел на меня.

— Ты цел, старик? — с беспокойством осведомился он.

С некоторым усилием я поднялся на ноги; рука болела так, будто на нее наступил слон, и заметно опухла.

— Я-то цел, да, боюсь, кисть сломана, — ответил я.

Так оно и было: в больнице рентген показал, что сломаны три косточки плюсны. Учитывая силу, с которой они были зажаты в деревянном сэндвиче, хорошо еще, что их не раздавило вдребезги. Мне дали болеутоляющее, от которого боль нисколько не умерилась, и врач сказал, чтобы я воздержался от работы два дня, пока кости станут на место.

Это было, так сказать, мое первое почетное ранение при исполнении служебного долга, и утешение не заставило себя ждать: миссис Бейли обращалась со мной так заботливо и почтительно, словно я совершил подвиг, достойный ордена.

Вечером, когда я у камина нежил мою ноющую руку, вошел Чарли.

— Что ж, дружище, придется тебе укладывать свои вещички, — приветствовал он меня.

— Укладывать? Что ты такое говоришь, Чарли? — всполошилась миссис Бейли.

— Только что из дирекции передали, — Чарли с блаженным видом протянул к огню ноги в домашних туфлях, — в конце недели домой отправимся.

— Домой? Ты хочешь сказать — в Лондон?

— Ну да, — ответил Чарли. — Довольна?

— Конечно, довольна, — сказала миссис Бейли. — Но что же будет с Джерри?

— Ты переберешься в лачугу, ее теперь будут заселять, — сообщил мне Чарли.

Лачугой называли огромное здание учрежденческого вида, которое было выстроено для обслуживающего персонала и в котором, насколько мне было известно, еще никто не жил.

— В этот сараище! — воскликнула миссис Бейли. — Да он там зимой в ледышку превратится.

— Ничего, там есть печи, все как положено, — успокоил ее Чарли.

— А с питанием как же? Кто его будет обслуживать?

— Говорят, туда многие въедут. Из служителей — Джо и один новый парень, а старик Фред и его жена будут стряпать и все такое прочее.

— Не может быть! — вскричала миссис Бейли. — Только не старик Фред!

Между нею и Фредом Остином царила давняя вражда, а возникла она в тот день, когда Фред принес в коттедж дрова и миссис Бейли пожаловалась на ознобыши.

— И ты не знаешь, мать, как от них избавиться? — сказал тогда Фред.

— Нет. — Миссис Бейли не любила, когда ей говорили "мать", но ради средства от ознобышей готова была все стерпеть. — А как вы лечитесь?

— Утром, как встанешь, первым делом сунь ноги в ночной горшок, — посоветовал старик Фред. — Лучшее в мире средство от ознобышей — моча.

Надо ли говорить, что мы с Чарли чуть не умерли со смеху, когда услышали эту историю; однако миссис Бейли не видела в ней ничего смешного.

— Да, не завидую я тем, — сказала она теперь, — кого они будут обслуживать. Ну-ка, Джерри, возьми еще пирога. Ешь досыта, пока есть такая возможность. Бог знает, чем эти Остины будут потчевать тебя, беднягу.

Признаться, я разделял ее беспокойство. Мысль о том, что придется из уютного коттеджа перебираться в лачугу, то бишь сарайце, и менять роскошные домашние обеды миссис Бейли на бог весть какое варево Фреда и его супруги, ужасала меня, но я ничего не мог поделать.

*Глава шестая***КАВАТИНА КОСОЛАПОГО**

Он лижет и сосет собственную лапу...

Варфоломей.

Бартоломеус де Проприетабус Рерум

В одном конце секции обширный участок был засажен лиственницей, и в этом сумрачном лесу, напоминающем островок североамериканской или русской тайги, жила наша стая волков в количестве четырнадцати штук. На вид ничего располагающего в них не было, и я понимал, почему за ними в веках укрепилась столь дурная слава. Золотистые, чуть скошенные глаза на фоне пепельной шерсти производили коварное впечатление, усугубляемое своеобразной волчьей походкой: опустив голову с прижатыми ушами, они не столько шагали, сколько стелились по земле. Движения этих крупных и мощных животных были удивительно грациозными; казалось, волки плывут в тени лиственниц.

Я обнаружил, что на волка возводилось немало напраслины. Вопреки тому, что о нем говорят, он вовсе не охотится всю свою жизнь на человека, хотя тот факт, что в отдельных случаях волки едят человечину, неоспорим. Один швейцарский натуралист с омерзительным упоением описывает, как в 1799 году, когда в горах Швейцарии шли кровавые бои между французскими и австрийскими войсками, убитых якобы не хоронили, а оставляли на съедение волкам. И будто бы волчьи стаи, нажравшись падали, стали предпочитать человечину всякому другому мясу.

К моему облегчению, наша стая не выработала у себя столь рафинированного вкуса; тем не менее я чувствовал себя не совсем уютно, когда открывал ворота волчьего вольера и катил под лиственницами тачку с окровавленным мясом, которое я разбрасывал на своем пути, меж тем как волки кружили на безопасном расстоянии, огрызаясь и тьявка друг на друга, с тем

чтобы в следующую минуту устроить гонки за очередным куском.

В диком состоянии волки активно размножаются, и к потомству они относятся очень заботливо. Обычно стаю составляет выводок сеголетков с родителями, то есть одна семья. Но в особенно суровые зимы семьи могут объединяться для охоты, образуя довольно многочисленные стаи. Охотясь, волки способны покрывать огромные расстояния; на Аляске удалось проследить путь одной стаи, которая за полтора месяца покрыла больше тысячи километров на участке площадью полтораста на восемьдесят километров.

Разумеется, волк всегда был излюбленным персонажем в первобытных религиях от Северной Америки до Монголии; общеизвестна также его роль в колдовстве. В Европе, когда волков там водилось гораздо больше, чем теперь, в ликантропию не только верили, ее практиковали. Одна из наиболее известных историй про оборотней приводится у Йохана Вири; впрочем, он считает, что перед нами всего лишь пример бреда, вызванного продолжительными пытками. Тем не менее на историю эту ссылались как на доказательство того, что ликантропия существовала на самом деле.

"...Пьер Бурго (Большой Петер), Мишель Вердон (или Удон) и Филибер Менто были в декабре 1521 года допрошены Генеральным инквизитором Безансона, доминиканцем Жаном Бойном (или Боммом). Подозрение пало на них после того, как в районе Полиньи на одного путешественника напал волк; путешественник ранил волка и пришел по его следам в хижину, где увидел, как жена Вердона обмывает раны своего мужа. В своих показаниях Мишель Вердон признался, что он сделал Пьера приверженцем Дьявола.

Затем дал показания Пьер Бурго. В 1502 году сильная буря разогнала его отару. Разыскивая овец, он повстречал трех всадников в черном и рассказал им про свою беду. Один из всадников (позднее выяснилось, что это некий Мойсе) посулил

Пьеру утешение и помощь, если тот будет служить ему как хозяину и господину, и Пьер согласился скрепить сделку на той же неделе. Вскоре он нашел своих овец. При второй встрече Пьер, узнав, что любезный незнакомец — слуга Дьявола, отрекся от христианской веры и присягнул на верность всаднику, поцеловав его левую руку, которая была черна и холодна как лед.

Через два года Пьер стал снова склоняться к христианской вере. Тогда Мишелю Вердону, другому слуге Дьявола, было введено позаботиться о том, чтобы Пьер оставался верным Дьяволу. Поощренный посулами сатанинского золота, Пьер принял участие в шабаше, где все держали в руках зеленые свечи, горящие синим пламенем. Затем Вердон велел ему раздеться и намазаться волшебной мазью, после чего Пьер превратился в волка. Через два часа Вердон намазал его другой мазью, и Пьер снова обрел человеческий облик. Пьер признался (под пытками), что в качестве оборотня совершил ряд злодеяний. Он напал на семилетнего мальчугана, но тот закричал, так что Пьеру пришлось надеть свою одежду и снова обратиться в человека, чтобы избежать разоблачения. Он признался также, что сожрал четырехлетнюю девочку и мясо ее показалось ему отменным; еще он сожрал девятилетнюю девочку, предварительно свернув ей шею. Будучи волком, он сочетался с настоящими волчицами; по словам Бога, все трое заявляли, что "получали от акта такое же удовольствие, как если бы сочетались с собственными женами".

Всех троих, разумеется, сожгли на костре".

Не говоря уже о людях, которые превращались в волков (я все-таки склонен согласиться с одним средневековым маловером, который не одну ведьму поставил в тупик вопросом: "Если вы можете превратить женщину в кошку, не потрудитесь ли вы превратить кошку в женщину?"), самому волку тоже приписывали всевозможные магические свойства. В изданном в Лондоне в 1954 году восхитительном переводе одного

средневекового собрания басен, сказок и аллегорий о животных Т. Г. Уайт цитирует Улисса Альдрованди:

"...ар-Рази проявил несерьезность, когда сообщал относительно вольчей шерсти: "Если смешать ее с розовой водой и намазать смесью брови, лицо, совершившее это действие, станет предметом обожания очевидца". Но еще более смешным и потешным представляется мне утверждение, будто у застенчивых мужчин и женщин можно вызвать возжеление с помощью ладанки, содержащей волчий член (высушенный в печи). В том же ряду стоит утверждение, будто ладанка из волчьей кожи, если внутрь ее положить голубиное сердце, спасает человека от тенет Венеры. Сюда же отнесем рассказ ар-Рази, приводимый им со ссылкой на десять учеников Демокрита, будто бы им удалось благополучно уйти от врагов, повесив на свои копья волчью мошонку. У Секста есть рассказ в этом же духе о Страннике, который обезопасил себя в пути, захватив с собой кончик волчьего хвоста. По словам другого автора, если прибить на конюшню волчий хвост, или голову, или шкуру, зверь не войдет внутрь, пока они будут висеть. О том же хвосте Альберт Великий говорит, что, будучи подвешен над кормушками овец и коров, он отпугивает волка, и для того же люди закапывают его в землю на скотном дворе, ибо он отгоняет названного зверя".

После такой примечательной рекламы не удивительно, что на самом деле волк никак не тянет на бытующие представления о нем.

Гон у наших волков бывал раз в год; волчата обычно появлялись на свет в мае. Понятно, пока волчиц длилась течка, самцы поминутно затевали драки между собой. Поглядеть и послушать — бой идет жесточайший, сверкают и щелкают клыки, соперники огрызаются и взвизгивают, однако до кровопролития никогда не доходило.

Перед родами волчица и вожак стаи рыли надежное логово под корнями какой-нибудь лиственницы. Здесь волчица производила

на свет свое потомство — как правило, от трех до пяти волчат. Развозя корм на тачках, мы старались держаться подальше от волчьих яслей; напугаешь волчицу — примется таскать малышей по всему лесу, спасая их от нас. Когда приходила пора волчатам отвыкать от материнского молока, родители начинали кормить их отрыгнутым полупереваренным мясом — своего рода эквивалент наших детских смесей.

В лунные ночи, особенно когда подмораживало, наши волки устраивали оперные спектакли. Лес расписан серебряными полосами лунного света, мелькают черные контуры скользящих из тени в тень животных, вдруг все они сливаются вместе, и волки, закинув голову, издают дикий жалобный вой, который отдается между стволами, будто в пещере. Сверкают выхваченные луной глаза, шире и шире раскрываются глотки, по мере того как волки, все больше возбуждаясь, с растущим воодушевлением предаются пению. Глядя на них в такие минуты, недолго и поверить во все, что когда-либо писалось про волков.

Среди звучений, издаваемых животными, волчий вой — одно из самых красивых, и я ничуть не удивился, обнаружив, что волки, судя по всему, разделяют мое критическое отношение к вольтке. В 1624 году, когда в Англии и Ирландии повсеместно водились волки, сэр Томас Фэйрфэкс записал такую историю о солдате, который направлялся из Ирландии в Англию:

"...идя через лес с котомкой за плечами, он сел под деревом отдохнуть и развязал котомку, чтобы подкрепиться своими припасами. Внезапно он увидел двух или трех волков, которые направлялись к нему, и стал бросать им хлеб и сыр, пока его припасы не кончились. Но волки подошли еще ближе; тогда, не зная, как быть, солдат взял в руки свою вольтку и принялся играть на ней. Перепуганные насмерть волки бросились наутек, и тогда солдат сказал: "Чума вас заберит, знать бы, что вы так любите музыку, я сыграл бы вам до обеда".

Видно, волки эти здорово изголодались, раз стали есть хлеб с сыром; наша стая была куда разборчивее в еде.

Помню, одна почтенная старушка, затаив дыхание смотрела, как я качу через Волчий лес тачку с кровавым грузом и разбрасываю мясо. Когда я вышел из вольера и закрыл за собой ворота, она обратилась ко мне:

— Простите, молодой человек, а каким мясом вы кормите волков?

В тот день у меня было особенно шутливое настроение, и я ответил с каменным лицом:

— Это мясо служителей, мэм. Режим экономии... Когда служители состарятся и уже не в состоянии работать, мы скармливаем их волкам.

Лицо ее выразило ужас и недоверие, но в следующий миг она догадалась, что я ее разыгрываю.

Как бы то ни было, напоминающие флейту волчьи голоса придавали волшебное очарование лунной ночи — когда ты мирно лежал в уютной постели.

По сравнению с волками наши медведи представляли собой довольно разношерстную компанию. Как будто их родословная сочетала в себе и европейские, и азиатские, и североамериканские виды. Самым крупным был самец, которого в приливе гениальности, посещающей даже весьма заурядных людей, когда они крестят животных, назвали Тедди. Могучий косолапый олух с рыжеватой шерстью, маленькими умоляющими глазками деревенского дурачка и большим, курносым розовым носом, он отрастил чрезвычайно длинные когти цвета черепахи и без конца сосал их, делая себе маникюр. Из-за его вихляющей женоподобной походки когти гремели, словно кастаньеты, повергая публику в веселое изумление.

— Глянь. Билл... медведь чечетку отбивает.

— Не угадал, приятель, это медведь с заводом. Слышишь — моторчик работает. Небось служитель заводит его по утрам.

На мою долю выпало открыть то, о чем и раньше можно было догадаться, глядя на тяжелую поступь и осанистую фигуру Тедди и на то, как он любит сидеть, положив лапу на сердце: Тедди был переодетый оперный тенор.

Проезжая однажды на велосипеде мимо медвежьего вольера, я вдруг услышал крайне необычный звук — тонкий писк комара с более низкими обертонами, перемежаемый фальцетным повизгиванием, напоминающим предсмертный крик умирающей феи. Озадаченный этим звуком, который никак не вязался с моим представлением о медведях, я слез с велосипеда и приступил к расследованию. За кустом терновника сидел на своем тучном рыжем седалище Тедди и напевал про себя, положив на грудь одну лапу и засунув в рот когти другой. Невероятная картина: этакая махинища — он весил добрых полтораста килограммов — издает столь странные, чисто женские звуки. Крохотные кнопки глаз были полузакрыты, и медведь слегка покачивался. Я постоял, наблюдая, потом окликнул его. Тедди испуганно открыл глаза, вынул когти изо рта и воззрился на меня с явным замешательством. Я подозвал его к ограде и угостил ягодами терновника. Сидя передо мной с видом такого могучего рыжего Будды, он бережно брал чуткими губами блестящие черные ягоды с моей ладони. Когда он управился с ними, я сделал глубокий вдох, постарался возможно лучше настроить голосовые связки и воспроизвел, как мог, мелодию из "Трактира "Белая Лошадь".

Тедди озадаченно взглянул на меня, потом, к моему великому восторгу, положил на грудь жирную лапу, сунул в рот когти другой лапы, зажмурился и стал подпевать. Это было вдохновенное исполнение, и мы оба, сдается мне, огорчились, когда из-за недостатка воздуха в моих легких пение оборвалось.

С той поры я не раз устраивал маленькие концерты с участием косолапого. Когда я собирал бумажки и прочий мусор между отжимом и оградой, Тедди скрашивал однообразие этой работы, сопровождая меня и лихо распевая. Однажды, когда мы,

прислонясь к ограде и глядя друг другу в глаза, довольно согласно исполняли "Пусть ты не ангел", я случайно обернулся и увидел на дорожке трех монахинь, которые оцепенело смотрели на нас. Заметив мой взгляд, они поспешно подобрали свои юбки и засеменили прочь. Правда, ничто в их лицах не говорило о том, что они стали свидетелями необычного зрелища, но все же мы с Тедди чувствовали себя очень неловко.

Так велико было обаяние Тедди, что я почти готов был поверить в историю о косолапом сердцееде, рассказанную Топселлом:

"Филипп Коффеус из Констанса поведал мне как о вполне достоверном деле, что в Савойских Альпах один Медведь силой унес в свое логово юную девушку и сделал ее предметом своих плотских вожделений, и пока он держал ее в логове, каждодневно носил ей самые лучшие яблоки и иные плоды, какие мог раздобыть, и потчевал ее, как истинный влюбленный; но всякий раз, отправляясь за провиантом, он закрывал вход в логово огромным камнем, чтобы девушка не могла бежать. В конце концов родители после долгих поисков нашли свою юную дочь в логове Медведя и спасли ее от заточения у дикого зверя".

Интересно, что сходную историю рассказывают живущие на японском острове Хоккайдо айны, которые поклоняются медведю. Правда, в айнской легенде говорится о женщине, родившей сына от косолапого, и многие горные айны гордятся тем, что будто бы произошли от медведя. Их так и называют "Потомками Медведя". Вот как они говорят о себе: "Что до меня, то я сын Бога Гор. Я происхожу от божественного правителя гор". Впрочем, самим косолапым от этого поклонения мало радости, если судить по ежегодному Празднику медведя у айнов.

Предварительно айны ловят медвежонка и доставляют его в деревню. Если он очень маленький, его кормит грудью какая-нибудь из женщин или же ему дают корм из рук либо изо рта. Став побольше, он играет с детьми в лачуге и пользуется всеми привилегиями комнатного животного; когда же еще подрастет,

его заточают в деревянную клетку и два-три года откармливают, как говорится, на убой. И наконец приходит время для праздника, приуроченного к сентябрю или октябрю.

Сперва жители деревни приносят извинения своим богам — дескать, они содержали медведя столько, сколько позволял им скудный достаток, но теперь вынуждены убить его. Если деревня небольшая, в празднике участвует вся община. Все собираются около клетки, и деревенский трибун сообщает медведю, что ему предстоит отправиться к предкам. Просит его быть снисходительным и не гневаться. После чего — странное противоречие! — медведя опутывают веревками, выводят из клетки и осыпают градом тупых стрел, чтобы разозлить.

Когда медведь истощит свои силы в тщетной попытке избавиться от пут, его привязывают к столбу, затыкают пасть кляпом и подвергают беднягу удушению, сжимая его шею между двумя жердями. Вся деревня с великим рвением участвует в этой процедуре. Затем сердце медведя пронзают стрелой, но так, чтобы не пролилась даром ни одна капля крови. Иногда мужчины пьют горячую медвежью кровь, чтобы к ним перешла отвага и прочие достоинства косолапого, а также намазываются кровью, чтобы им сопутствовал успех в охоте.

С мертвого зверя снимают шкуру, голову отрубают и выставляют в обращенном на восток окне жилища вместе с частью туловища, миской вареной медвежатины, клецками из просяной муки и сушеной рыбой.

К убитому зверю обращаются с молитвами, в частности зывают к его великодушию и просят косолапого после свидания с родителями вернуться на землю, чтобы его можно было снова поймать и откормить для жертвоприношения. Замечено, что в начале праздника женщина, выкормившая медвежонка, громко рыдает, однако это не мешает ей с великой энергией участвовать в удушении медведя, после чего она вскоре вновь обретает былую жизнерадостность.

Мне посчастливилось работать в медвежатнике как раз в то время, когда оценились супруги Тедди. Гарри знал, что они беременны, однако о дне предстоящих родов можно было лишь гадать. Но вот мы заметили, что медведицы собирают листву для своих логовищ, и поняли: близится долгожданное событие. Устроенные между кустами куманики логовища напоминали каменные ульи, присыпанные землей и дерном. Медведицы присаживались в нескольких метрах от логовищ и принимались сгребать листья и траву, прижимая охапки к своим толстым животам. Сгребут все вокруг себя — отодвигаются на сиделище назад и снова приступают к работе. Набрал столько, что ноша едва помещалась в лапах, медведицы несли ее в логовище. В итоге получилась постель толщиной тридцать-сорок сантиметров, шириной около полутора метров. Закончив благоустройство, медведицы на некоторое время успокоились. А затем, в один прекрасный день, когда мы проходили мимо медвежьего вольера, Гарри вдруг остановился и наклонил голову набок.

— Слышишь, старик? — спросил он.

Я прислушался: из одного логова доносился высокий, пронзительный звук, словно пищала резиновая игрушка.

— Оценились, — заключил Гарри довольным голосом.

В честь такого события я отправился в деревенский трактир и купил две бутылки пива к нашему второму завтраку. Поднимая тост, я с волнением спросил Гарри, когда же мы увидим медвежат.

— Придется подождать, старик, пока у них глаза прорежутся, — ответил он.

— А когда это будет? — нетерпеливо осведомился я, доставая тетрадь, чтобы записать столь важный факт.

— Недели через три, — сказал Гарри. — Через три недели можно будет войти к ним и определить пол.

Я считал дни. Знай я, что меня ждет, не рвался бы так на свидание с медвежатами... Но вот настал великий день.

— Сегодня пойдем к медведям, — небрежно бросил Гарри утром.

Я понял, что он говорит про медвежат.

— Определять пол? — спросил я.

— Вот именно, старик, — ответил Гарри. — К половине одиннадцатого приедет один фотограф из лондонской газеты, так ты отнеси к вольеру две лестницы и запири Тедди в одну клетку, а медведиц в другую. Понял?

— Понял, — послушно отозвался я, хотя мне очень хотелось бы узнать, на что нам две лестницы.

Тедди мне удалось заманить в клетку при помощи ягод терновника и мелодии из "На острове Капри". Его не столь доверчивые супруги долго упирались, но все же жадность взяла верх, когда я пустил в ход подкуп в виде больших липких фиников. Наконец показалась коренастая фигура Гарри; его сопровождали долговязый фотограф и Денис, служитель одной из секций.

— Все готово, старик? Ты отделил их, как я велел? — спросил Гарри.

— Полный порядок, — ответил я.

Гарри проверил запоры на клетках и энергично потер руки.

— А теперь, старик, — сказал он, — спускай лестницы в вольер.

Здесь надо пояснить, что медвежий вольер площадью с полгектара был обнесен с трехсторон четырехметровой железной оградой, причем заостренные вверху прутья загибались внутрь. С четвертой стороны был насыпан укрепленный цементом земляной вал; поднимаешься на несколько ступенек и смотришь на медведей с высоты четырех метров. С вала открывался также вид на весь участок. Именно тут Гарри и попросил меня спустить лестницы в вольер. По-прежнему недоумевая, для чего они нам, я тем не менее послушно установил их и проверил надежность упора.

— Так, старик, теперь пошли.

С этими словами Гарри перемахнул через отжим и скатился вниз по лестнице с быстротой многоножки.

Увидев, что мы проникли в вольер и направляемся к логовищам, медведицы зловеще зарычали с таким подвыванием, красноречиво давая понять, что они сделали бы с нами, если бы могли вырваться из клетки. Подойдя к первому логову, Гарри опустил на четвереньки и забрался внутрь. Минутная тишина, затем он неловко пополз обратно, волоча за собой двух ворчащих, упирающихся зверенышей, при виде которых у меня перехватило дыхание. Моему изумленному взору предстали два голубоватых плюшевых медвежонка из игрушечного магазина. Присмотревшись внимательнее, я заключил, что окраской их мех скорее напоминает шерсть персидской кошки. Длинные, как у отца, острые когти — светло-янтарного цвета; глаза — круглые, фарфорово-голубые. Казалось бы, создания, словно вышедшие из сказки, должны обладать очаровательным и кротким нравом. Ничего подобного: они визгливо огрызались и норовили зацепить нас своими длинными, крючковатыми, как шипы терновника, когтями, или цапнуть острыми, как иголка, хрупкими белыми зубами.

— Ну-ка, старик, — Гарри поднял вверх два прелестных, но отнюдь не безобидных комочка, — ты держи этих, а я достану двух остальных.

И он небрежно сунул медвежат мне в руки. У меня было такое чувство, словно я обнимаю две меховые шубки, начиненные тугими мускулами и рыболовными крючками. Тем временем Гарри извлек из другого логова еще двух медвежат, и мы направились к лестницам.

До этого дня я совершенно не представлял себе (что значит жить без тревог и забот!), как непросто карабкаться вверх по лестнице, держа на руках двух злобных медвежат. Мы с Гарри выбрались наверх искусанные, исцарапанные, окровавленные, но в общем-то непокоренные. И стали позировать, изображая веселье, пока медвежат фотографировали под всевозможными

углами. Вот когда я обнаружил (и с тех пор у меня не было причин пересмотреть свою точку зрения), что фотографии — жестокие и бесчувственные существа. Небрежно бросая: "Поверните ему голову, чтобы можно было снять в профиль", — репортер меньше всего думает о том, что вы при этом рискуете потерять один-два пальца.

Наконец фотограф закончил съемку. Во всяком случае, я так решил. Однако он обратился к Гарри:

— Ну, а как насчет того, чтобы снять их вместе с матерями?

— Все в порядке, — ответил Гарри, — сейчас будет сделано.

Помню, я подумал, что Гарри излишне самоуверен: ведь стоит нам выпустить медвежат, как они махнут напрямик в кусты куманики, а уж тогда ни о каких съемках не может быть и речи.

— Пошли вниз, старик, — сказал мне Гарри. — И не отпускай медвежат, пока я не скажу.

Показав чудеса балансировки, которые были бы встречены овацией в любом цирке, я слез по лестнице в вольер и с облегчением опустил медвежат на землю, крепко держа обоих за загривок. Гарри с двумя отбивающимися малышами присоединился ко мне и небрежно плюхнул их рядом с моими.

— Теперь слушай, старик, — продолжал он, — что мы сделаем дальше. Будем держать медвежат, пока Денис выпускает медведиц из клетки, понял?

Я недоверчиво воззрился на него, держа железной хваткой горляющих близнецов. Нет, не шутит, всерьез говорит...

— Гарри, — сказал я, — ты *свихнулся*. Как только эти окаянные медведицы выйдут из клетки, а тут медвежата кричат... да они... они...

У меня перехватило голос при мысли о том, что сделают медведицы, но Гарри даже слушать меня не стал.

— Денис, — крикнул он, — ты готов?

— Готов, — донесся слабый голос со стороны клетки.

— Гарри... — лихорадочно начал я.

— Слушай, старик, — мягко произнес Гарри, — ты держи медвежат, пока я не велю тебе отпустить, понял? Медведицы нас не тронут, как только заполучат их.

— Но, Гарри... — начал я опять.

— Все в порядке, старик. У нас две лестницы, верно? По моей команде ты отпускаешь медвежат и драпаешь вверх по своей лестнице. Только и всего. Ты готов?

— Но, Гарри...

— Ладно, Денис, выпускай! — крикнул Гарри.

Последующие минуты были насыщены событиями. На мой взгляд, мы с Гарри вели себя по меньшей мере как душевнобольные. Медведица, у которой отняли медвежат, — в этом случае две медведицы — о боже! Сам Шекспир не придумал бы более безумного сюжета.

Между тем медведицы перестали рычать, и я услышал хорошо знакомый звук: звон поднимаемой двери. Его сменила зловещая тишина. Кусты куманики заслоняли нам клетку.

— Сейчас появятся, старик, — весело заметил Гарри.

— Гарри... — сделал я последнюю попытку.

— Ага! — удовлетворенно воскликнул Гарри. — Вот и они.

До этой минуты я как-то не представлял себе, что две целеустремленные дюжие медведицы способны прорваться сквозь густые заросли двенадцатилетней куманики, словно через папиросную бумагу. Кстати, на слух казалось, что речь идет именно о бумаге. А затем Гарри, я и четыре медвежонка оказались лицом к лицу с разъяренными мамашами, от которых нас отделяло чуть больше пяти метров. Малыши при виде родительниц стали отчаянно вырываться, издавая приветственный писк. Медведицы приостановились, чтобы разобраться в обстановке, возмущенно фыркнули не хуже "Ракеты" Стивенсона и с хриплым рычанием пошли на нас. Они не бежали — развив поразительную скорость, они прыгали, будто два огромных волосатых мяча, и от этого мне стало еще страшнее. С каждой секундой все ближе и все громаднее... И

когда разделяющее нас расстояние сократилось до трех с половиной метров, я решил, что все кончено.

— Ну, а теперь отпускай, — сказал Гарри и выпустил своих медвежат.

В жизни не отпускал я зверей с такой поспешностью и с таким облегчением. Сгоряча я чуть не швырнул медвежат навстречу мамаше. После чего ринулся к лестнице и взлетел по ней с ловкостью и быстротой мартышки. Наверху я остановился и поглядел вниз. Все вышло, как предсказывал Гарри. Заполучив медвежат, медведицы остановились и принялись утешать и облизывать их, не обращая на нас никакого внимания. Мы подтянули лестницы, и я вытер вспотевшее лицо.

— Гарри, — твердо сказал я, когда мы возвращались к сараю зебр, — я не повторил бы этот номер даже за тысячу шиллингов!

— Пока что ты его проделал за два фунта десять, — усмехнулся Гарри.

— Как это понимать, за два фунта десять?

— Столько заплатил фотограф, — объяснил Гарри. — Пятерку на двоих. Половина твоя, старик.

Эти деньги позволили мне сводить в кино свою подружку, но я по-прежнему считаю, что не был вполне вознагражден.

*Глава седьмая***ЖИВОПИСНЫЙ ЖИРАФ**

Такое кроткое животное

И какое рассудительное.

Шекспир. Сон в летнюю ночь

Сразу после того как супруги Бейли, к моему великому сожалению, уехали, и я познал нелюдимую, отдающую исправительным домом атмосферу "лачуги", меня перевели в другую секцию. Называлась она секцией жирафов, и заведовал ею некий Берт Роджерс, уравновешенный, добрый человек с румяным, обветренным лицом и глазами цвета полевого цикория. Несмотря на несколько робкий и застенчивый нрав, он с великим терпением и юмором отвечал на все мои вопросы и страшно гордился порученными ему животными.

Центр секции находился не в самом удачном месте, а именно в Колокольчиковом лесу. Совершенно прелестный весной, этот лес оставлял желать лучшего в начале зимы. Окруженный со всех сторон лугами, он продувался насквозь резким, пронизывающим ветром. В ту пору, когда я пришел в эту секцию, название "Колокольчиковый лес" звучало явным эвфемизмом. Вы, конечно, представляете себе зеленые дубы, вздымающиеся над голубой дымкой из миллионов цветков... На самом деле стволы поблескивали от дождя и по ним расплзлись пятна ярко-зеленой плесени. В этом угрюмом, плакучем лесу жались в кучки недовольные кенгуру и сновали смиренные мунтжаки, совсем миниатюрные на фоне могучих деревьев.

В прямом и переносном смысле среди всех обитателей секции выделялся жираф Питер. Он занимал самую просторную, красивую и разумно спланированную постройку в Уипснейде. Здание было деревянное, в виде полумесяца, с великолепным паркетным полом. Естественно, к нему примыкал обширный загон, однако капризы английского климата во все времена года,

особенно же в первые зимние месяцы, вынуждали Питера большую часть времени мерить шагами свою обитель, напоминающую бальный зал.

В первое же утро Берт, поведав о наших многочисленных обязанностях, объявил:

— А теперь, дружище, прежде всего нам надо произвести уборку у Питера.

— А что, — осторожно спросил я, — вы, э-э... прямо так к нему и входите?

— Конечно, — слегка удивился Берт.

— Он что же... гм, ручной? — Памятуя недавнее приключение с медведями, я стремился к полной ясности.

— Кто? Старина Питер? Да он мухи не обидит.

С этими словами Берт вручил мне метлу, открыл дверь и ввел меня в огромное гулкое помещение, служившее домом Питеру.

Супруга Питера умерла задолго до моего прихода в зоопарк. Без нее жираф стал раздражительным, потерял аппетит. Видя, что он томится одиночеством, ему привели нового товарища — козленка сомнительного происхождения и причудливой окраски. К тому времени, когда я пришел в эту секцию, козленок (его, конечно, назвали Билли) вырос в здорового козла, отнюдь не красивого, зато достаточно властного и по-своему обаятельного.

Когда мы в то утро вошли в дом жирафа, Питер стоял в дальнем углу и с отсутствующим видом ритмично пожевывал свисающий изо рта клочок сена. Ни дать ни взять столичный денди, раздумывающий о том, какой галстук надеть сегодня.

Билли, выступая в привычной для него роли заведующего отделом информации и личного секретаря, издал приветственное блеяние и поспешил мне навстречу, чтобы проверить — вдруг я или что-нибудь из моего облачения годится в пищу

— Ты, главное, веди себя тихо и спокойно, — объяснил Берт.

— Знай подметай себе потихоньку. Не делай резких движений, он их не любит, резкие движения его пугают, и он может брыкнуть. Да он сам потом подойдет и поздоровается с тобой.

Глядя на пятнистого верзилу в другом конце помещения, я отнюдь не испытывал острого желания познакомиться с ним поближе.

— Ну ладно, я пошел кормить буйволов, — сказал Берт.

— Как? Вы не останетесь? — испугался я.

— Зачем? Тут двоим делать нечего. Да ты в два счета справишься.

Управлюсь, подумал я. Если меня раньше не забрыкают насмерть.

И я остался один в обители жирафа. Питер по-прежнему задумчиво стоял в углу. Билли усиленно старался выдернуть из моего башмака шнурок, чтобы съесть его.

Берт не ограничил меня никаким сроком, а подмести паркет — пара пустяков, поэтому я решил сперва потратить несколько минут на то, чтобы наладить отношения с Билли и дать Питеру привыкнуть к появлению в его доме незнакомого лица. В кармане у меня нашлось несколько кусков сахара, они помогли заложить прочную основу для моей дружбы с козлом. Он набросился на сахар с таким восторгом, будто в жизни ни разу не ел досыта, хотя его покрытое своеобразной рыжевато-желтой шерстью тело, величиной с круп шетландского пони, отнюдь не производило впечатление истощенного. И вот пока я потчевал Билли сахаром, Питер решил тронуться с места. Проглотил остаток сена и пошел мерить шагами разделявшее нас пространство. Зрелище было жутковатое и даже сверхъестественное, как будто дерево вдруг выдернуло корни из земли и поплыло через поле. Да-да, Питер плыл. Поразительный механизм управлял этими огромными конечностями: самое высокое млекопитающее на свете, направляясь ко мне, двигалось легко и грациозно, как лань, и бесшумно, как облачко. Ни капли неуклюжести, сама плавность, и красота движений Питера заставляла забыть про его непропорциональные конечности и огромный рост. Казалось бы, жираф создан быть неповоротливым, однако угловатости не было и в помине.

Питер остановился метрах в четырех от меня (при этом голова его очутилась прямо надо мной), медленно опустил голову и заглянул мне в лицо. Надо было видеть эти длинные толстые ресницы, эти прекрасные, огромные, влажные темные глаза, которые изучали меня с кротким вниманием. Жираф чрезвычайно учтиво и осторожно обнюхал меня, заключил, очевидно, что я не опасен, повернул кругом и удалился. Его хвост напоминал плавно покачивающийся длинный маятник из шелковистых волос цвета слоновой кости; замысловатый набор пятен медового и кремового цвета составлял красивейшую неповторимую мозаику. С этой минуты я на всю жизнь был очарован Питером и всеми жирафами вообще.

Работая в этой секции, я с восхищением наблюдал взаимоотношения Питера и Билли. Удивительная привязанность Питера к далеко не привлекательному на вид козлу бросалась в глаза; не менее очевидно было, что козел относится к Питеру совершенно спокойно. У Билли было одно — извините за бесхитростный каламбур — всепоглощающее хобби: он непрестанно искал что-нибудь хоть в какой-то мере съедобное. Питер поглядит сверху на одетую в соломенного цвета шерсть коренастую фигурку друга своими ясными глазами, обнюхает ее с великой нежностью и осторожно-осторожно перешагнет через Билли. Если же козлу надо было куда-то пройти, а на пути оказывался Питер, он поступал куда решительнее. Наклонит голову и бодает огромную пятнистую ногу, пока Питер не посторонится с виноватым видом. У Билли были веселые желтые глаза, короткая щегольская бородка и нескладное, почти квадратное тело. Трудно представить себе более резкий контраст: Питер — аристократ, как говорится, до кончика ногтей, благовоспитанный денди. Билли — просто-напросто обыкновенный прожорливый козел. Но никогда не падающий духом козел с чувством юмора и с козлиной бесцеремонностью, которая не признает никаких препятствий. Не было никакого сомнения в том, кто хозяин в доме Питера. Уверен: окажись

Билли в одном помещении с носорогом, он в двадцать четыре часа подчинил бы того своей воле.

Узнав меня поближе. Билли иногда на несколько минут отрывался от главного дела своей жизни, то есть от попыток съесть что-нибудь несъедобное, и снисходил до игры со мной. Его представление об игре было своеобразным и требовало немалого напряжения от партнера. Попросту говоря, он наклонял голову и бросался на меня. Мое участие выражалось в том, что я должен был принимать всю силу удара на ладони, делая при этом шаг в сторону. Маневр этот требовал немалой прыти и навыка, и, когда я почему-либо бывал не в форме, мне грозили неприятности: лежишь, судорожно глотая воздух, на спине, а Билли стоит и трясет бородой над твоим лицом, и желтые глаза его полны злорадного смеха. И если замешкаешься в простертом положении — рискуешь остаться без половины галстука, потому что всякого рода физические упражнения развивали у Билли чудовищный аппетит.

Смотреть, как Питер ест, было необычайно интересно. Длиннейший ярко-голубой язык с невероятной бережностью обвивал клочок сена. Казалось, язык живет сам по себе, потому что он безошибочно выбирал и отбраковывал корм, меж тем как сам Питер стоял будто в трансе. Еще одно увлекательное зрелище — как он подбирал корм с пола. Питер применял два способа. Первый заключался в том, что он сгибал в коленях передние ноги, пока не дотягивался до корма головой. Но чаще Питер прибегал к другому, более сложному и опасному способу, а именно: все шире и шире, сантиметр за сантиметром, раздвигал в стороны свои огромные передние ноги, потом наклонял длинную шею и подбирал лакомство языком. Жираф соблюдал при этом крайнюю осторожность, ведь поскользшись он — так и рухнул бы с раскоряченными ногами, а это грозило переломом обеих лопаток, ног, да, пожалуй, и позвоночника.

Даже после того как я убедился, что Питер меня признал, убирать в его доме все равно было страшновато. Энергично

работая метлой, я не слышал, как мягкие копыта тихо шоркают по паркету. Жираф ухитрялся подойти совсем бесшумно, и только тогда поймешь, что он рядом, когда услышишь у себя за плечами глубокий задумчивый вздох. Оглянешься — над тобой на четыре метра возвышается пятнистая махина; сюрприз, который отнюдь не успокаивающе действовал на мои нервы. Большие влажные глаза исполнены любопытства, нижняя челюсть ритмично двигается, обрабатывая жвачку, раздувшиеся ноздри обдают тебя жарким дыханием с запахом сена. Но вот могучая шея относит голову метров на пять в сторону, и жираф, сутулясь, удаляется, чтобы порыться в кормушке своим голубым языком. За все время, что я работал в доме Питера, он ни разу не проявлял злобы, но я-то знал, что меткий удар его огромного копыта способен при нужде убить льва, а потому обращался с ним осторожно. Главное — не испугать его. Конечно, это правило относится к любому животному, находящемуся у вас на попечении, но жирафы особенно нервны, они способны от испуга сорваться в панический, неудержимый галоп, грозящий им переломом ноги, а то и разрывом сердца от изнеможения. Правда, это крайний случай, обычно же испуганный жираф автоматически брыкает задними ногами или ударяет противника головой — буквально косит его, как траву.

В зоопарке, разумеется, жираф выделяется среди других животных благодаря своему огромному росту и великолепной окраске, напоминающей яркий гобелен, но в естественном состоянии его пестрая окраска служит превосходной маскировкой. Гордон Камминг сообщает:

"...что касается жирафа, который водится в старых лесах с множеством обветренных стволов и поваленных деревьев, то много раз только подзорная труба позволяла мне с уверенностью различить стадо этих животных; даже опытный глаз местных проводников ошибался — то примут гнилой ствол за камелеопарда, то настоящего камелеопарда спутают с почтенным ветераном лесов".

Примечательная молчаливость Питера оттенялась привычкой Билли, вечно занятого поисками пищи, негромко блеять себе под нос. А еще, как мне кажется, молчаливость Питера была так заметна потому, что он не только помалкивал, но и вообще не шумел. Его широкие подковы мягко гладили паркет; взмахнет хвостом, рассекая воздух со свистом, — от неожиданности даже вздрогнешь. Но чаще всего он стоял недвижимо и глядел сквозь тебя, погруженный в какие-то свои увлекательные воспоминания. Вот осторожно, даже как-то рассеянно изо рта высунулся голубой язык, изящно обвился вокруг клока сена, возвратился с ним в рот, и Питер принимается машинально жевать все с тем же отсутствующим выражением в глазах. Высокий, стройный, длинная чуткая морда, мягкий взгляд, широкая, плавная поступь... Если бы меня попросили охарактеризовать его одним словом, я сказал бы — интеллигент.

Вульгарным, да и то с большой натяжкой, Питера можно было назвать, лишь когда он жевал жвачку. Стоит, задумчиво наблюдая, как я подметаю пол в его доме, и ритмично работает нижней челюстью. Но вот прожевал, челюсть останавливается, Питер делает глоток, и глаза его стекленеют. Поглядеть на него можно подумать, что он весь ушел в мир прекрасной поэзии. Стоит, будто чего-то ждет. И вот наконец дождался — совсем не того, что вы воображали, глядя на его вдохновенную морду. До смешного: в желудке у поэта раздавалось странное урчание, потом хлопок, в основании длинной шеи вздувался ком и поднимался вверх с величавостью грузового лифта. Ком жвачки размером с кокосовый орех заканчивал свой путь во рту жирафа. Задумчивость гения сменялась выражением самого ординарного удовлетворения, и нижняя челюсть Питера возобновляла свое монотонное движение.

Я так и не мог установить, управляет ли Питер подачей жвачки из желудка в рот. Представьте себе смущение дикого жирафа, если, скажем, его объяснение в любви внезапно прерывается великолепной громкой отрыжкой!

Именно работая с Билли и Питером, когда представилась возможность их сравнивать, я обратил внимание на своеобразие походки жирафа. В первый же день, глядя, как Билли в поисках съестного трусит по паркету, сопровождаемый Питером, я уловил какую-то странную несогласованность их движений. Присмотрелся и понял, в чем дело. Билли шел, как ходят все млекопитающие, одновременно перенося вперед правую переднюю и заднюю левую ногу, а Питер одновременно переносил обе правые ноги. Получался своеобразный, очень широкий и развалистый маховый шаг. Недаром жираф так причудливо раскачивается на бегу. Когда обе правые ноги одновременно оторваны от земли, весь вес приходится на левые ноги, поэтому шея и голова для противовеса наклоняются вправо. И наоборот: левые ноги отрываются от земли — шея и голова наклоняются влево. Так и бегут жирафы враскачку по степи, размахивая шеей, словно огромным пятнистым маятником.

Боюсь, тот факт, что Питер проживал совместно с Билли, сбивал с толку благородную английскую публику. После первого взгляда на них посетители спешили сделать неверный вывод.

— О-о, посмотри! Детеныш... детеныш жирафа! О-о, правда, он очарователен! — кричали зрители, на что Билли чаще всего отзывался проникновенным блеянием, подчеркивая, что не имеет ничего общего с жирафами.

Однако зрители стояли на своем.

— Интересно, почему у него нет пятен, как у матери? — вопрошали они друг друга.

— Может, потом появятся, со временем.

— Интересно, почему у него шея такая короткая?

— Да ведь он совсем малыш, не видишь, что ли. Отрастет еще.

Питер осуждающе глядел на них издалека, отнюдь не помышляя, вопреки их ожиданиям, проявлять материнский

инстинкт. А Билли был слишком занят вымогательством, чтобы прислушиваться, за кого люди его принимают.

Билли был великий попрошайка. На моих глазах, расправившись с тремя увесистыми репами, он через пять минут спешил к ограде встречать посетителя, причем шатался и закатывал глаза так убедительно, словно постоянно жил впроголодь.

— У него жутко голодный вид, — произносит жертва его обмана, весьма выразительно глядя на вас.

— Да, он вечно голодный, — отвечаете вы, весело смеясь. — Он все готов сожрать. На-ка, Билли, угощайся.

И вы протягиваете козлу еловую шишку.

В другое время он вцепился бы в нее зубами, как в самое любимое лакомство. В другое время... Теперь же, бросив на шишку беглый взгляд, он отворачивается.

— И это все, чем вы его кормите? — осведомляется посетитель.

— Боже мой, конечно, нет, — возражаете вы. — У него великолепный рацион, такой же, как у жирафа.

В эту минуту Билли, порывшись в своем корыте, возвращается с тряпкой во рту, которую он ритмично жует с видом последнего мученика. И вы убеждаетесь, что состязаться с козлом бесполезно.

Если Питер был благородным аристократом, то о его ближайших соседях по секции, африканских буйволах, я бы этого не сказал. На вид они являли собой прямую противоположность Питеру. Черные, как нечистая сила, они производили довольно-таки жуткое впечатление, когда угрюмой, темной чередой пересекали зелень своего загона. Вереницу из пяти коров возглавлял могучий старый бык, великолепный и грозный зверь. Толстенные бугристые рога свисали над маленькими воспаленными глазками, и рваные уши с зловещим вниманием обращались в вашу сторону, когда вы проходили мимо загона. Из-за привычки кататься по земле в неубранном сарае его бока покрывала корка засохшего навоза, и сетка

трещин придавала этой корке сходство с какой-то бурой мозаикой. Стадо распространяло вокруг себя характерный густой, сладковатый запах домашнего скота — настолько сильный, что он ощущался издалека даже на открытом воздухе.

За что я мог бы похвалить буйволов, так это за их поведение в стаде, ибо они соблюдали почти военную дисциплину. Другие стада в нашем парке вели себя как беспорядочный сброд, животные толкались и сбивались в некое подобие клина, в котором каждый стремился занять наиболее удобную позицию. Буйволы вели себя совсем иначе; когда они шли через загон на водопой, это был образец упорядоченного движения. Идут к воде колонной по одному, впереди — старый бык, за ним — остальные по старшинству. Ни суеты, ни грубой толкотни, ничего похожего на манеры бизонов, которые можно было выразить формулой "уйди-с-дороги-не-то-как-бодну". Подойдя к пруду, развертываются шеренгой и пьют, пьют со вкусом, не спеша, потом входят по колено в воду и размышляют, напоминая причудливое резное изделие из черного янтра.

У старого быка, как я вскоре убедился, душа была такая же черная, как и шкура; на него периодически накатывало, и тогда он стремился во что бы то ни стало кого-нибудь убить, все равно кого. Обычно он вел себя довольно смирно: чешешь ему голову и уши — стоит себе с прищуренными глазами. Широкая морда, обтянутая лакированной кожей, всегда влажно поблескивала, и у него была скверная привычка брызгать пеной изо рта и ноздрей. Заезаешься, почесывая ему голову, — вдруг раздастся глубокий, удовлетворенный вздох, и твоя куртка спереди становится белой от лопающихся пузырьков слюны. Но временами, как я уже говорил, в него вселялся дьявол, и тогда лучше было держаться подальше от ограды, потому что буйвол был быстр и опасен.

Вдоль ограды буйволового загона тянулась одна из главных дорожек; по ней я каждый вечер катил на велосипеде домой. Когда бык пребывал в благодушном настроении, я мог спокойно покрывать эту сотню метров, и он даже ухом не поводил. Если

же бык был не в духе, он отделялся от стада и с грохотом мчался тяжелым галопом вдоль ограды, мотая огромными рогами и издавая низкий рев, который нисколько не ласкал мой слух. Издали этот тяжеловесный галоп не казался таким уж быстрым, но какую бы скорость я ни развивал на велосипеде, буйвол шутя поспевал за мной: рога колотят по ограде, из открытой пасти вырывается грозный рев, толстые ноги-обрубки с силой ударяют по земле, и копыта растопыриваются, оставляя черные шрамы на яркой зелени травы. Старый бык числился безымянным, и я окрестил его Чингизом, не сомневаясь, что при желании он мог бы причинить столько же опустошений, сколько любая татарская орда.

В те дни, когда мизантропия овладевала им с особенной силой, он исполнял крайне своеобразный ритуал. Наклонит свою массивную башку и с немалым напряжением закидывает ногу в изгиб рога, после чего принимается кивать с риском опрокинуться. Или исполняет странный вальс, кружится и кружится на трех ногах, делая вид, будто копыто застряло, и его никак не выдернуть. Обычно такие представления длились около получаса. Я так и не понял их смысла; во всяком случае, ни одна из коров не пыталась ему подражать. Больше того, похоже было, что их смущает такое ребячество вожака и они норовят на это время уйти от него подальше. Остается предположить, что бык устраивал это представление по той же причине, какая побуждает льва ходить взад-вперед по клетке или белого медведя и слона покачиваться из стороны в сторону: просто чтобы дать себе разрядку и чем-то заполнить время в ожидании очередной трапезы. Казалось, Чингиз каждый раз с глубоким интересом ждал, чем все кончится. Удастся ему выдернуть копыто из рога или нет? "Конец этого захватывающего фильма смотрите через неделю."

В гареме старого вожака была корова с одним рогом; вскоре после того, как я перешел в эту секцию, она родила теленка, который очень походил на обычных телят, если не считать

несоразмерно больших ушей. Шкура — симпатичного шоколадно-коричневого цвета, большие круглые коленные суставы и дивный непослушный хвост. Однако на второй день, хотя теленок уже трусил по загону за матерью, нам показалось, что он все-таки слабоват. Мы с Бертом внимательно наблюдали за ним.

— Как ты думаешь, Берт, что с ним такое? — спросил я.

— Кто его знает, — ответил Берт. — Но что-то неладно, это точно.

Внезапно, к нашему великому удивлению, мы увидели, что теленок пытается щипать траву. Да, тут и впрямь что-то очень неладно: двухдневный теленок не щиплет траву, если получает необходимое питание. Подманив корову овсом и сеном к ограде, мы установили, что ее соски совсем пустые. Не найдя молока, отчаявшийся теленок в поисках пищи решил подражать матери...

— Что будем делать? — спросил я Берта.

— Что ж, выход только один, — ответил он. — Забрать теленка и выкармливать из бутылочки.

Уводить теленка из-под носа у любящей буйволицы — не совсем обычное и не совсем приятное дело. С великим трудом удалось нам отделить мать и дитя от стада и заточить в сарае. Разумеется, в это самое время явился Билли, до которого дошел слух, что происходит нечто необычное. Он весело сообщил, что пришел посмотреть, как меня пронзят рогами. А не меня, так кого-нибудь еще.

Теперь предстояло самое интересное: надо было войти в сарай и отнять у буйволицы теленка.

— Так вот, — инструктировал меня Берт, — я вхожу и загоняю ее в угол. Ты хватаешь теленка и тащишь его наружу, понял?

— Понял, — ответил я.

В памяти промелькнуло все, что я когда-либо читал о свирепости африканского буйвола. Берт вооружился длинной и весьма хрупкой на вид палкой и вошел в сарай; я, изо всех сил

стараясь выглядеть беззаботно, с дрожащими коленями последовал за ним. Корова стояла в дальнем конце сарая, теленок жался к ее морде. Она выглядела раз в пять больше, чем на воле. Когда мы приблизились, буйволица насторожила уши и фыркнула удивленно и слегка раздраженно.

— Так вот, — снова заговорил Берт. — Я отвлекаю ее палкой, а ты подбегаешь и хватаешь теленка. Идет?

Подтвердив, что теоретически его идея выглядит вполне здраво, я вытер о куртку вспотевшие ладони. Тем временем Берт шагнул вперед, приговаривая повелительным тоном: "Ну, пошла, девочка, пошла". Его маневр настолько ошарашил буйволицу, что Берту, к моему великому удивлению, и впрямь удалось загнать ее в противоположный угол.

— Давай! — внезапно крикнул он.

Возвав о помощи к небесам, я ринулся вперед, обхватил руками теленка, попытался оторвать его от земли и с ужасом обнаружил, что он слишком тяжелый. Теленок приветливо обнюхал меня и грузно наступил мне на ногу. Убедившись, что его не поднять, я изменил тактику: крепко ухватил теленка за передние ноги и потащил за собой. Тут до него вдруг дошло, что я намереваюсь разлучить его с родительницей. Такая перспектива ему нисколько не улыбалась, он уперся в пол своими обрубками и, сколько я ни тянул, не двигался с места.

— Берт! — в отчаянии крикнул я. — Я не могу его сдвинуть.

Берт оглянулся, и в ту же минуту буйволица решила, что ее достаточно долго терроризировали. Следующие несколько секунд мы с Бертом были заняты тем, что старались держаться с той стороны, где у коровы не было рога. В конце концов нам удалось без серьезных потерь отступить за дверь, после чего я с некоторым трудом уговорил Билли, чтобы он помог тащить теленка. Снова Берт вошел с палкой в сарай, и ему опять удалось отогнать буйволицу. Тотчас мы с Билли ворвались внутрь и схватили строптивного буйволена. Начало сложилось не совсем удачно, потому что я нечаянно наступил на ногу Билли, и тут же

теленок ловко подтолкнул меня, после чего мы с Билли шлепнулись в любимую лужу быка. Ничего не скажешь, роскошная была лужа. Наконец мы выбрались из нее, вцепились в буйволенка и вытолкнули его из сарая, потные и вымазанные навозом с ног до головы. Блеющего и отбрыкивающегося младенца завернули в мешковину, погрузили в фургон и живо отвезли в ту часть зоопарка, где содержался и выкармливался молодой. А нам с Билли пришлось отправляться домой, чтобы принять ванну и сменить одежду, прежде чем в таком виде снова являться на люди.

С наступлением зимы жизнь в "лачуге" все больше угнетала меня. Спустишься в огромную гостиную на первом этаже — волей-неволей надо участвовать в малосодержательных беседах с другими жильцами. Оставалась спальня, напоминающая тюремную камеру и до того холодная, что она вполне могла бы служить холодильником. Мое жалованье не позволяло мне проводить долгие зимние вечера в трактире, поэтому чаще всего я уже в семь часов вечера лежал в постели с книжкой или со своими тетрадами. Немудрено, что я ждал четверга (когда обедал у Билов) с таким же нетерпением, с каким буддист грезит о нирване. Теплая, светлая гостиная Билов, занимательный разговор о животных, шумные карточные игры по правилам, придуманным самим капитаном, пение у пианино, пожар во рту от капитанского кэрри — все это было великим событием для человека, заточаемого на ночь в некое подобие концентрационного лагеря. К тому же время от времени затевались восхитительные вылазки в Данстейбл или Латон, чтобы посмотреть заинтересовавший капитана новый кинофильм. В такие дни Билли загодя отыскивал меня в зоопарке и извещал:

— Старикан велел тебе сегодня прийти пораньше, поедем в кино.

Я приходил пораньше и заставлял капитана в прихожей, где он нетерпеливо ждал остальных, в три раза тучнее обычного благодаря толстому пальто и огромному шарфу.

— А, Даррелл, — рокотал капитан, лихорадочно поблескивая очками из-под узких полей надвинутой на лоб фетровой шляпы, — входите, входите. Хоть вы вовремя. И чем только заняты эти женщины? Чем занята твоя мать, Билли?

— Одевается, — следовал краткий ответ.

Капитан мерил прихожую грузными шагами, ворча и поглядывая на часы.

— Глэдис! — орал он наконец, не в силах больше сдерживаться. — Глэдис! Где ты там застряла, черт возьми? Глэдис!

Издали, со стороны спальни, доносился голос миссис Бил, примирительным тоном объясняющей причину заминки.

— Давай-ка поживей! — ревел в ответ капитан. — Ты знаешь, который час? Глэдис!.. *Глэдис!* Я говорю, знаешь, который час? Если не поспешишь, мы опоздаем к началу... Глэдис!.. Я не кричу... Просто пытаюсь расшевелить вас, окаянных женщин... Я вовсе не ругаюсь... Просто хочу, чтобы вы поторапливались!

Наконец появлялась миссис Бил в сопровождении трех щебечущих девушек, и капитан, словно огромная овчарка, выпроваживал их на улицу и загонял в машину, ворча себе что-то под нос. Сам он втискивался за руль, Лора и миссис Бил садились рядом с ним, все остальные жались на заднем сиденье. Мотор несколько раз грозно взрыкивал, натужно скрежетало сцепление, наконец машина срывалась с места.

— Ха! — удовлетворенно произносил капитан. — Мигом там будем.

В те дни бензин еще отпускали по карточкам, и это обстоятельство чрезвычайно раздражало капитана, который воспринимал все виды карточек как проявление неукротимой ненависти правительства к нему лично и к его семье. Для экономии бензина он придумал свой способ, одинаково

оригинальный и бесполезный. Там, где дорога шла под уклон, капитан выключал мотор.

— Толкайте! — рокотал он. — Все вместе — *толкайте*.

Услышав впервые эту примечательную команду, я заключил, что кончился бензин и капитан хочет, чтобы мы вышли из машины и подталкивали сзади. Ничего подобного. Капитаново "толкайте" означало, что нам надлежит раскачиваться взад-вперед на сиденьях. Он уверял, что таким способом мы сильнее разгоняем автомобиль на спуске.

— *Толкайте!* Ну же, *толкайте*, — ревел он, раскачивая свою могучую тушу. — Толкай, Глэдис!

— Я толкаю, Вильям, — выдавливала из себя порозовевшая миссис Бил, дергаясь, точно беспокойный персонаж кукольного спектакля.

— Слабо толкаешь! Эй вы, сзади, давайте толкайте как следует. Сильней! Сильней!

— Я не могу сильней, Вильям, — задыхалась миссис Бил. — И я не вижу никакой разницы.

— Разница есть, — рычал капитан. — Разница *будет*, черт возьми, если как следует постараться. Давайте сильней... *еще сильней!*

Но вот кончился уклон, машина начинает взбираться на подъем.

— Дружно... все вместе... сильней... сильней! — лихорадочно вопил капитан, и мы толкались, словно регбисты в свалке, наполняя машину пыхтеньем и хрипами.

Наконец машина останавливалась, капитан включал тормоз.

— Ну вот, — недовольно ворчал он, высовывая из окошка ладонь величиной с лопату. — Смотрите, только до этого куста дотянули. А в прошлый раз хватило разгона вон до того боярышника. Говорил вам, толкайте как следует.

— Но мы просто не можем сильнее толкать, Вильям.

— Ритм — вот чего вам недостает, — объяснил капитан.

— Какой может быть ритм, когда толкаешь, дорогой.

— А я говорю, может, — рокотал капитан. — В Африке последний портовый грузчик это знает. Ритм и согласованность... Только надо с умом. Ну-ка попробуем еще раз.

— Хоть бы скорее отменили эти карточки, — шепотом жаловалась мне миссис Бил.

— Как будто я в этом виноват! — язвительно кричал капитан. — Не моя вина, что это окаянное правительство отпускает нам бензин чайными ложками. Я только стараюсь растянуть его.

— Конечно, милый. Не надо браниться. Я не говорила, что ты в этом виноват.

— Я не виноват, черт возьми. Стараюсь сделать, как лучше, а вы не хотите помочь толком.

— Хорошо, хорошо, милый. Мы попробуем еще раз. Машина взбиралась на гребень следующего холма и начинался новый спуск. Капитан опять выключал мотор.

— Ну, — кричал он, — слушайте мою команду. И не жалейте сил. Все вместе... раз, два, три — *толкнули*... раз, два, три — *толкнули*... Ты не толкаешь, Глэдис! Ты толкаешь *не в ногу!* О каком результате можно говорить, черт возьми, когда вы толкаете не в ногу? Раз, два, три — *толкнули*. Глэдис, внимательнее!

Вот так, дергаясь и пыхтя, мы ползли к цели. И даже самый захватывающий фильм не мог соперничать с поездкой в кино и обратно.

*Глава восьмая***ВЫСОКОМЕРИЕ ВЕРБЛЮДА**

А этот труженик верблюд, что вам сказать о нем:
Сиротка, страус, сущий черт — все существа в одном.

Киплинг. Верблюды

Зима нагрянула внезапно, словно вдруг открыли гробницу и дохнуло могильным холодом. Чуть ли не за одну ночь ветер сорвал с деревьев последние разноцветные полотнища осенней листвы и насыпал большие гниющие кучи, которые от хорошего пинка разваливались, словно кекс. Затем пошли утренние заморозки — высокая трава белела и становилась хрупкой, дыхание повисало в воздухе светлой паутиной, а кончики пальцев щипало так, будто их прищемило дверью. А там и снег повалил, большие кружевные снежинки накрывали землю молочно-белой пеленой; снег лежал по колено, собирался в двухметровые сугробы и глушил все звуки, только сам хрустел и поскрипывал под ногами. Ветер без помех больно хлестал вас по лицу, выжимал слезы из глаз, замораживал тающий снег на ветвях и лепил из него гофрированные сосульки, миллионы сосуллек, похожих на оплывшие свечи.

Мой роман с жирафом кончился, меня перевели в секцию, известную под названием верблюжатника. Основу секции составляли стадо верблюдов-бактрианов, стадо яков, чета тапиров, различные антилопы и лани. Заведовал ею некий мистер Коул ("Для тебя я мистер Коул, любезный", — сообщил он мне в первое же утро), внешностью удивительно похожий на вверенных ему верблюдов. У него был замечательный помощник — старина Том, сам битюг и походка битюжья от здоровенных болячек, из-за которых казалось, что башмаки его набиты картофелинами. Маленькие добродушные глаза Тома цветом напоминали ярко-голубое крыло сойки; многолетнее потребление пива и домашней настойки придало его

крючковатому орлиному носу красноту и лаковый блеск костянок падуба. Старина Том никогда не был женат, однако поддерживал тесные и нежные отношения со всеми своими пятнадцатью детьми. Это был такой добрый человек, что улыбка не сходила с его лица, и в сиплом голосе его было столько нежности, что даже простое "доброе утро" звучало у него так, словно он именно вас любил больше всех на свете. Естественно, все его обожали и готовы были все для него сделать, когда он, широко улыбаясь, бродил по зоопарку — ни дать ни взять дед шекспировского Фальстафа.

Вожаком и повелителем верблюжьего стада, включавшего шесть верблюдиц, был Большой Билл, могучий зверь с туго набитыми горбами, напоминавшими французское кресло, с большими кудрявыми гольфами на ногах и с таким презрительно-высокомерным выражением на морде, что вы от души желали ему споткнуться и шлепнуться на землю. Стоит, возвышаясь над вами, — живот урчит, длинные зеленовато-желтые зубы поскрипывают, — и созерцает вас с подозрением и отвращением, будто вы детоубийца или еще хуже. Мало того, что этот чопорный зверь был совершенно уверен в своем превосходстве, его еще отличало изрядное коварство. Изволит заключить, что вы не оказываете ему надлежащих почестей, — тотчас поднимет на вас одну из своих могучих бугристых ног. И так как невозможно было предугадать, что Большой Билл может посчитать оскорблением его достоинства, общение с ним всегда было исполнено риска.

Как-то раз, собравшись кормить тапиров, я надумал для сокращения пути пройти через верблюжий загон. Большой Билл стоял в центре загона и жевал жвачку, и, поравнявшись с ним, я решил поздороваться.

— Привет, Билл, привет, старина! — весело крикнул я.

Увы, такая фамильярность явно пришлась не по вкусу его величеству. Челюсти Большого Билла замерли, светло-желтые глаза уставились на меня. Внезапно он шагнул вперед, рывком

опустил голову с разинутой пастью, вонзил свои длинные некрасивые зубы в одежду на моей груди, поднял меня, встряхнул и уронил на землю. Хорошо, что на мне была плотная куртка и толстый свитер, не то его зубы впились бы в мою грудную клетку. Тем временем верблюд развернулся и брыкнул задней ногой. Отчаянным усилием я откатился в сторону, так что здоровенное копыто рассекло воздух в каких-нибудь сантиметрах от моей головы. Вскочив на ноги, я задал стрекача. И больше никогда не ходил для сокращения пути через загон Большого Билла.

Самая великовозрастная из жен Билла, степенная матрона по прозвищу Бабуся, родила как раз в то время, когда я работал в верблюжатнике. Очевидно, роды состоялись рано утром, потому что, придя в восемь часов, мы увидели на соломе под раздавшимся животом матери чрезвычайно растерянного и жалкого верблюжонка, мокрого и прилизанного после первого омовения, которое учинила Бабуся. Изо всего стада она отличалась самым смирным нравом, поэтому я смог осмотреть малыша, не опасаясь пинка в лицо. Он был ужасно тонкий и костлявый, и поначалу длинные податливые ноги никак не хотели его держать. Со спины на бок уныло свисали два кожистых треугольника. Этим несчастным лоскутам предстояло со временем набухнуть и вырасти в настоящие горбы.

Бабуся чрезвычайно гордилась своим отпрыском. Она то и дело обнюхивала его, убеждаясь, что он тут, с ним ничего не случилось, потом поднимала голову и смотрела в потолок стойла с неопишимо убаготоренным видом.

Через сутки малыш уже мог ходить; точнее, он мог с великим усилием самостоятельно подняться на ноги. Затем начиналось какое-то фантастическое представление. Верблюжонок далеко еще не овладел своими длинными ногами с огромными бугристыми суставами. Порой казалось даже, что эти важные придатки находятся во власти каких-то других сил, с которыми малыш храбро сражается. Сделает несколько неуверенных

шагов, а колени все сильнее и сильнее подгибаются, и морда верблюжонок становится все более озабоченной. Стоит, качаясь из стороны в сторону, и обдумывает возникшую проблему. Но чем дольше он стоит, тем меньше ноги склонны держать его. И вот колени подкосились, тело отчаянно кренится, внезапно весь лафет из конечностей складывается, и верблюжонок тяжело валится на землю, причем ноги торчат под такими невообразимыми углами, что только удивительная гибкость спасает их от переломов.

Полный суровой решимости, верблюжонок, мучительно напрягаясь, снова поднимается на ноги и бежит, бежит изо всех сил. Но и от этого способа мало проку. Ноги выбрасываются в самых неожиданных направлениях, и его дико качает. Чем быстрее бег, тем более замысловатые номера выкидывают ноги. Верблюжонок подпрыгивает вверх, пытаясь их распутать, но узел оказывается чересчур мудреным, и малыш снова грохается на землю.

Каждое утро верблюжонок снова и снова пробовал свои силы, а мать стояла поблизости, жуя жвачку, и гордо созерцала своего отпрыска.

На третий день верблюжонок в какой-то мере укротил свои ноги. Сразу же возгордился, решил, что теперь ему море по колено, и затеял резвиться на телячий лад, порой с довольно печальным результатом. Смотреть на эти его пируэты было так же потешно, как на самые первые попытки ходить. Он носился вокруг матери, подскакивая и взбрыкивая ногами, и кожаные лоскуты на его спине развевались, будто высунутый из окна поезда носовой платок. Иногда ноги подводили его, и он тяжело шлепался на землю. Падение действовало отрезвляюще, и, взгромоздившись на ноги, верблюжонок некоторое время степенно следовал за матерью. Но беспечность брала верх, и он опять срывался с места. Взрослые верблюды видели в нем доuku, потому что он не очень-то верно рассчитывал расстояние и частенько сталкивался с ними или подставлял им

ножку, внося разлад в упорядоченный строй. Нередко верблюжонку доставался пинок от разгневанной матроны, чье седалище он оскорбил толчком, запутавшись в собственных ногах после особенно замысловатого и красивого антраша.

В отдельном небольшом загоне со своим сараем временно обитали три сына Большого Билла. Им было около двух лет, а от стада их отделили на всякий случай, чтобы не вышло конфликта с Большим Биллом. Я в жизни не имел дела с более придурковатыми и невыносимыми созданиями. Хотя они почти достигли двухметрового роста, их юные горбы еще вихлялись и нескладные ноги довольно плохо слушались своих хозяев. Широкие копыта начисто вытоптали всю траву тесного загона, и эту-то пыльную площадку я должен был подметать каждое утро, сопровождаемый тремя верблюжатами.

Придешь — стоят у ворот, благодушно созерцая друг друга, стоят стеной, так что ворота не открыть. Наконец, после многочисленных тычков метлой и лопатой, начинают догадываться, что тебе надо войти и что они мешают. Посторонятся и, изображая глубокий интерес, пустыми глазами глядят, как тыходишь в загон. Потом шагают следом за тобой, нежно дыша тебе в затылок и наступая на пятки, причем то и дело спотыкаются и толкают тебя, так что ты летишь кубарем. Никакие угрозы, никакое умасливание не могли заставить их постоять на месте, пока ты подметаешь. И ходят, и ходят за тобой; куда ни повернешься с метлой — перед тобой стоит ужасно довольный верблюжонок. Собравшись с силами и изрыгая проклятия, ты бросаешься на упрямец и отгалкиваешь его метра на два, чтобы подметать дальше.

Но в то время как ты сражаешься с одним верблюжонком, другой успевает стать на то же место. Словом, пока подметешь загон, весь изведешься. Наконец уборка окончена, ты с облегченным вздохом покидаешь загон и закрываешь за собой ворота. Три юных верблюжонка, стоя в центре загона, провожают тебя затуманенными взорами, словно прощаются с

самым дорогим другом. И тут же, по-овечьи помахивая хвостами, роняют на только что прибранный тобой участок три одинаковые кучки теплого навоза.

Насколько хорошо верблюды приспособились к суровым условиям жизни, видно из того, что о них пишет Лидеккер:

"Верблюд-бактриан кормится преимущественно солоноватыми и горькими степными растениями, которые отвергаются большинством других животных; его отличает удивительное пристрастие к соли, он свободно может пить воду соленых озер, столь обычных в области его обитания. Однако бактриан не ограничивается растительной пищей; по данным Пржевальского, верблюд в голодную пору ест все что попало, включая одеяла, кости и шкуры, животных, мясо и рыбу".

Что до Большого Билла, то он ограничивался овсом, свеклой и сеном. И обожал каменную соль, которой мы регулярно потчевали верблюдов. Откусит своими желтыми зубами здоровенный кусище и хрумкает, устремив на тебя испепеляющий взгляд, так хрумкает, что этот звук можно принять за оживленную перестрелку.

К числу моих любимцев в этой секции принадлежала чета южноамериканских тапиров, которых не очень остроумно прозвали Артур и Этель. С виду тапир напоминает помесь слона и лошади да еще с добавкой свиньи. Вообще тапир очень похож на реконструкции некоторых видов древних лошадей, если не считать маленького подвижного хобота. Тучные, благодущные, с небольшими блестящими глазками, наши тапиры бродили по своему загону, словно этакие Твидддам и Твидлди.

Раз в день мы с Томом усаживались перед грудой картофеля, моркови, репы и свеклы, старательно рубили корнеплоды на мелкие куски и насыпали в мешок. Затем Том поднимался на свои опухшие ноги, взваливал мешок на плечо и отправлялся кормить тапиров. Они встречали его криками радости — писком, похожим на звук, который получается, когда ведешь

мокрым пальцем по воздушному шарикю. Странно было слышать, как такое флегматичное животное щебечет попичьему. И я не мог без улыбки смотреть, как старина Том с его крючковатым орлиным носом и кривыми ногами неуклюже топает по загону, сопровождаемый по пятам тапирами; ведь если мистер Коул походил на верблюдов, которые были его гордостью и утехой, то старина Том был вылитый тапир, только краснокожий.

В лесах Южной Америки у тапиров, судя по всему, есть только три врага: человек, большие змеи и ягуар. Лидеккер сообщает:

"...местные южноамериканские охотники рьяно преследуют их ради мяса и кожи. По их словам, мясо тапира сочное и пикантное, видом и вкусом напоминает говядину. Прочную толстую кожу разрезают на полосы; обработанные и смазанные жиром, эти полосы идут на уздечки и поводья. Однако на обувь кожа тапира не годится, потому что, высохнув, делается очень твердой и неподатливой, а намочнув — совсем мягкой и губчатой. Из шерсти, копыт и некоторых других частей местные жители изготавливают лекарство; копыта иногда вешают на шею как талисман, иногда измельчают и порошок принимают внутрь... После человека главные враги тапира — большие кошки; на американские виды охотится ягуар, на малайские — тигр. Говорят, будто американский тапир, подвергшийся нападению ягуара, тотчас бросается в самые густые заросли в надежде сбросить врага, которому толстая шкура тапира не позволяет крепко уцепиться за его спину. Говорят также, что нередко маневр этот приносит успех; во всяком случае, на спине убитых тапиров можно видеть следы от когтей ягуара".

Наши тапиры никогда не проявляли вспыльчивости, однако, узнав из прочитанного, что в критических ситуациях они способны сбить вас с ног, топтать своими острыми копытами и располосовать длинными резцами, я стал обращаться с ними

куда осторожнее и бросил привычку, входя в загон, весело и фамильярно хлопать их по ягодицам.

Еще у нас в этой секции было большое стадо яков, совершенно очаровательных животных.

Як — представитель подсемейства быков, среди которых он выделяется как сложением (холка очень высокая за счет горба, и вся спина кажется сильно покатой), так и тем, что большая часть шерсти сосредоточена в нижней части тела. На ногах, боках и брюхе длинная косматая шерсть образует сплошную юбку, хвост тоже покрыт длинным жестким волосом, а на спине и холке волосистой покров сравнительно короткий. Окраска настоящего дикого яка — черная или шоколадно-коричневая, и у нас были такие особи, однако преобладали в стаде животные с белыми, желтоватыми, пепельными и черными пятнами — признак давнего одомашнивания.

Як играет в высокогорье ту же роль, что верблюд в пустыне. Он не блещет умом, зато настойчив и упорен, как профессиональный солдат; огромная сила и выносливость позволяют ему пробираться в самые глухие углы по такой местности, где не пройдет никакое другое животное. Яки на диво невосприимчивы к холоду; в Тибете они любят валяться в полузамерзших грязных лужах на краю ледяных потоков.

В загоне яков был устроен большой пруд, и с наступлением зимы приходилось два раза в день разбивать на нем лед. Это было одно из первых и наименее приятных утренних дел, а надо, чтобы не успела образоваться слишком толстая корка. Не то выйдут на нее телята, за ними потянутся взрослые, лед может не выдержать такого груза, и потонут наши яки. Когда мы приступали к работе, яки галопом спешили приветствовать нас. Мчатся по снегу причудливыми скачками, рассекая воздух хвостом, как пастух своим бичом, а то упрутся головой в землю и взбрыкнут задними ногами от восторга. Из ноздрей большими белыми облаками пара вырывается дыхание, снег мелодично шуршит и скрипит под копытами...

Наколешь на вилы кипу сена, закинешь на плечо резким взмахом, как бросает противника опытный борец, и шагаешь по колено в снегу через поле, а вокруг тебя косматой, добродушной, сладко пахнувшей лавиной — яки. Они трутся о тебя и норовят урвать клочок сена из кипы на твоей спине, да так дернут, что лежать тебе на снегу, если зазеваешься. Подойдя к пруду, развязываешь кипу, разбрасываешь сено по снегу, и могучие космачи с упоением приступают к своей трапезе.

Идешь к воде, вооружившись лопатой, и с полдюжины телят бегут за тобой, резвясь, будто этикие огромные щенки. Под ударами лопаты кромка льда распадается на кусочки прозрачной мозаики, телята спешат сунуть морду в воду и жадно пьют. Потом входят в пруд и катаются, давя боками хрустящие льдинки. Отступай не мешкая, не то как встанут на ноги да начнут все одновременно встряхиваться — окатят с ног до головы ледяной водой.

Интересно: хотя яки ростом мало уступают бизону и в принципе так же опасны, я никогда не чувствовал, чтобы они были враждебно настроены. И позволял себе вольности, каких никогда не допустил бы в обращении с другими крупными копытными в нашем зоопарке. Телята обожали играть, и, когда подваливал мягкий снег, я иной раз бросался нырком к проходящему мимо малышу и хватал его за большой пышный хвост. Теленок срывается в карьер — держись покрепче — и тащит тебя по снегу, словно санки. А отпустишь хвост — теленок тотчас остановится и смотрит на тебя с недоумением: что это ты так быстро отказался от такой чудесной игры?

После уборки в сарае и прочих работ подобного рода, когда от холода пальцы не гнутся и кисти красные и синие, подойдешь к мерно жующему яку и засунешь руки в шерсть над ребрами: тепло, как в печке.

В прошлом веке генерал Кинлох писал о тибетских яках:

"...Як совершает большие переходы. Летом коровы составляют стада от десятка до сотни голов, тогда как

старые быки по большей части держатся особняком или собираются по три, по четыре. Кормятся яки ночью и рано утром; днем обычно забираются на какой-нибудь крутой голый склон и по нескольку часов лежат на одном месте. Старые быки особенно стараются выбрать для отдыха командную позицию, их следы можно встретить на самых высоких гребнях, выше границы всякой растительности. Похоже, як не отличается острым зрением, зато обоняние у него развито чрезвычайно, и с этим надо прежде всего считаться, когда к нему подкрадываешься. В тибетском высокогорье, где пересекается столько долин и температура непрерывно меняется, ветры очень непостоянны. В несколько минут ветер может обойти все компасные направления, срывая вам охоту, как бы осторожно вы ни подкрадывались".

Приход зимы со всеми сопутствующими ей лишениями отнюдь не скрасил мне жизнь в "лачуге". Вся беда в том, что я был избалован с самого начала, когда меня поселили к Бейли. Вряд ли кто-нибудь еще, впервые поступив на работу вдали от родного дома, оказывался предметом таких забот. Семья Бейли отнеслась ко мне удивительно тепло и ласково, со мной обращались как с сыном в лучшем смысле слова, ни в чем меня не связывая. Чарли предоставлял мне возможность порисоваться, слушая долгие рассказы о моей семье и короткой прошлой жизни. Он недоверчиво смеялся, потом с улыбкой смаковал в уме наиболее яркие эпизоды, а миссис Бейли тем временем переводила разговор на более серьезные темы.

— Возьмите еще порцию... Ваши ботинки начищены?.. Она порядочная девушка?.. Не задерживайтесь слишком поздно. Подумайте о том, что ваша мама была бы недовольна... Возьмите еще... Нет, если захочется выпить, не ходите в трактир, голубчик. Несите сюда, здесь куда уютнее. Только учтите, не больше двух кружек.

Эти милые споры по моему поводу...

— Оставь ты парня в покое, дорогая. Почему бы ему не выпить кружечку?

— Не в кружечках дело, Чарли, и ты это великолепно знаешь, но если он повадится ходить туда, что скажет его мать?

— Скажет, что ему захотелось кружечку пива.

— Пусть приносит сюда, здесь намного уютнее, и всем нам спокойнее. Только не больше двух кружек, голубчик, ведь скоро пора ложиться спать.

Теперь все это ушло в прошлое, а в "лачуге" жизнь была такая тоскливая, что невозможно описать.

Идешь сквозь туман, накрывший землю огромной лапой, и с облегчением видишь впереди смутные, пульсирующие ореолы оранжевого света. Когда лицо и руки немеют от холода, ты рад любому крову, пусть даже этот кров — "лачуга".

В прихожей всего на один градус теплее, чем на дворе, и, поглядев в тусклом свете на вешалки, я определяю, кто уже дома, а кого еще нет. Иногда я оказывался первым, на вешалках не было ни поношенного плаща и засаленной шапки Джо, ни толстого пыльного шерстяного пальто Фреда, ни загадочного одеяния Роя, которое в прошлом, вероятно, называлось непромокаемым пальто.

Не стану утверждать, что явиться первым к ужину было благом. Судите сами: либо ты приходишь первым и обречен на пустопорожний разговор с миссис Остин, либо опаздываешь и с плохо скрываемым отвращением на лице жуешь остывшую еду и пьешь тепловатый чай. Обычно я отваживался на первый вариант, хотя в нем были свои изъяны.

...Кухня, где все мы едим, встречает меня жарким дыханием. Миссис Остин готовит ужин, и по характерному запаху я определяю, что сегодня опять рыба. Примирившись с судьбой, сажусь за стол. Весьма тугая на ухо, миссис Остин, не замечая меня, продолжает нарезать хлеб и мазать бутерброды.

У этой коренастой женщины была деформирована челюсть, отчего ее лондонское просторечие звучало не совсем внятно, а

то и вовсе неразборчиво. Маленькие темные глаза подслеповато шурились. Шевелюра представляла собой причудливое переплетение косичек и прядей, которые никогда не производили опрятного впечатления по той простой причине, что волосы миссис Остин были слишком короткими и жидкими, чтобы с ними можно было что-то сделать. Так и висели они космами, и я давно уже примирился с мыслью, что в любую минуту могу обнаружить волос-другой в своей тарелке.

Как ни силился я не обращать внимания на процесс приготовления пищи, в нем была некая зловещая притягательность.

На столе лежит буханка хлеба. Миссис Остин берет ее и прижимает к своему переднику, чтобы отрезать кусок. После чего, держа отрезанный кусок в одной руке, другой размазывает по нему масло. Часть масла попадает на большой палец. Миссис Остин смачно облизывает его и снова берет буханку, нежно сжимая ее влажным от слюны пальцем, чтобы отрезать следующий кусок. Пересчитав лежащие на скатерти бутерброды, направляется в кладовку за блюдом. На обратном пути вдруг замечает меня, и лицо ее искажает широкая улыбка.

— Уже пришли?

Я киваю и улыбаюсь в ответ.

— Уже пришли? — повторяет она, склонив голову набок, словно прислушивается. Второй раз я не отвечаю, в этом нет необходимости. Такая уж у нее привычка повторять свои реплики.

Миссис Остин стирает с блюда пыль висевшим за дверью разноцветным полотенцем. То есть когда-то оно было разноцветным, но им уже две недели вытирают руки и посуду, так что красота узора успела поблекнуть. Нагрузив блюдо бутербродами, миссис Остин бредет к плите и продолжает шепелявить:

— Чай скоро будет готов. Я ездила в Латон. Уезжала... ездила в Латон. Только что вернулась. Пять минут как вернулась.

— В Латон? — безучастно переспрашиваю я, глядя, как она поднимает крышку с кастрюли, над которой клубится облако пара, насыщенное запахом рыбы.

Миссис Остин принохивается к булькающему содержимому кастрюли.

— Рыба, — глубокомысленно сообщает она, возвращая крышку на место. — Вы любите рыбу?

Поскольку последние два или три месяца нам на ужин подают одну только рыбу, я затрудняюсь с ответом.

Стук дверной ручки возвещает о появлении нового лица, которое поможет мне оторваться от созерцания ее кулинарных акций. Джо. Стоит в дверях, приветливо улыбаясь, его симпатичное худое лицо порозовело от мороза, мягкие волосы на скулах отливают медью в свете лампочки.

— Добрый вечер, Джозеф, — приветствую я его.

— Добрый вечер, — улыбочиво отвечает он и входит, скрипя своими огромными башмаками. Тяжело садится и обозревает стол.

— Господи! Опять рыба, — не столько спрашивает, сколько утверждает Джо.

— Она самая, — мрачно отзываюсь я, ковыряя вилкой окаменелости на своей тарелке. — Скоро у нас рыбы хвосты отрастут.

Джо отвечает сдавленным сиплым смешком.

Миссис Остин с улыбкой ставит перед ним тарелку с треской.

— Рыба, — объясняет она, показывая пальцем.

— Ага, — говорит Джо, — вижу.

— Рано вернулись сегодня, — продолжает она тараторить. — Много работы?

— Ага, — кричит Джо с лукавой искоркой в глазах и объясняет мне вполголоса: — За весь день пальца о палец не ударил. Холодина, черт возьми.

С минуту молча жуем. Потом Джо запивает треску глотком чая и тихо рыгает.

— А где другой парень?

— Рой? Еще не пришел. И Фреда нет.

— Фред слишком занят работой, ему не до ужина, — замечает Джо и снова смеется.

Но вот появляется Рой — тихий, бледный, застенчивый юноша, органически не способный говорить достаточно громко, чтобы миссис Остин могла его расслышать. Садится и нервно улыбается нам с Джо. Трапезы всегда были для него целой проблемой. С миссис Остин он не мог разговаривать, Джо он боялся, и Рой обращался ко мне, улавливая, что я ему сочувствую.

— А-а! — восклицает миссис Остин, внезапно обнаружив его. — Вы пришли?

Рой небрежно кивает и смотрит на стол. В третий раз миссис Остин доводит до нашего сведения, что рыба, которой мы наслаждаемся, — рыба. Ее сообщение адресовано прежде всего Рою, и он воспринимает новость с каменным лицом. Мы все сидим тихо — все, кроме миссис Остин, которая громко чавкает и обсасывает кости.

Туман лепится к окнам влажной пеленой. Монотонно тикают часы на посудном шкафу, чайник тихо посапывает на огне, но все звуки забивает мерное постукивание вставных зубов миссис Остин, перемалывающих рыбу в кашу. Иногда она перестает жевать и шумно прихлебывает чай.

— Фред опаздывает, — замечает она. — Насос все ремонтирует.

— Ага, — отзывается Джо и комментирует: — Вот почему мы сегодня без воды сидели, черт возьми.

Рой нервно хихикает. Миссис Остин таинственно улыбается.

— Шутники? — обращается она ко мне игривым тоном.

— Куда там! — ору я.

В прихожей слышен шум, и входит, волоча ноги, хозяин "лачуги", сам Фред собственной персоной. Унылый сутуловатый мужчина с морщинистым лицом и бесцветными, близко

посаженными глазами. Я в жизни не встречал другого такого самоуверенного человека: о чем бы ни заходила речь, Фред всегда был прав и не стеснялся сказать об этом.

— Э-хе-хе, — приветствует он нас и бредет к своему стулу.

— Добрый вечер, Фред, — откликается Джо с коварным блеском в глазах. — Опять сверхурочная работа?

— Нет, — отвечает Фред. — Эти болваны потеряли болты. Сказано им было, чтоб не трогали — так ведь разве послушают? Какое там.

На кончике длинного носа Фреда всегда висит прозрачная капля. Я слежу, будто замороженный, как она с каждым его движением дрожит и качается, цепляясь из последних сил за волосатую опору. Фред рассматривает содержимое своей тарелки.

— Треска, — заключает он, гордясь собственной пронизательностью.

— Рыба, — поправляет его супруга. — Ты ведь любишь рыбу, а?

— Ага, — отвечает Фред, аккуратно разрезая свою порцию.

Его движения по-змеиному медленны и осторожны. Сунул кусок в рот и принимается жевать с таким же величественным равнодушием, с каким корова жует свою жвачку. Щеки вздуваются, и два валика перекатываются в лад челюстям. Нос тяжело дышит.

Джо откидывается назад на стуле, раскуривает трубку и посылает через стол густые клубы удушливого дыма. Рой продолжает сражаться с треской. Миссис Остин поглощена просочившимися в ее окоченелый мозг мыслишками.

— Пойдешь куда-нибудь вечером? — спрашивает меня Фред.

— Нет.

Я всегда отвечал ему односложно, чтобы не сорвать лавину нудных реминисценций, которая таилась за каждым, даже самым невинным его замечанием и только ждала случая удавить всех нас скукой.

— Так-так, — произносит он с полным ртом, — значит, остаешься дома?

Логика безупречная, однако несколько примитивная. Но Фред любит во всем полную ясность.

Я киваю.

— А что случилось-то? — допытывается он. — Разлюбила?

— Да нет, просто сегодня она гуляет с другим женатиком, — острою я.

Все смеются, включая миссис Остин. Хоть она ничего не расслышала, но не желает отставать от других.

И тут происходит неизбежное. Капля на кончике носа Фреда не выдерживает неравного поединка с силами тяготения и падает прямо на кусок трески, который вилка несет ко рту. Фред методично жует.

— Ну, ладно, — говорит Джо, — зато я пойду пройдуся.

Встает и топает к выходу, насвистывая в гулкой прихожей. Чувствую, как взор Фреда обращается на меня, и следуя примеру Джо, чтобы избежать долгого и нудного отчета о прошедшем рабочем дне. В прихожей слышу, как миссис Остин спрашивает Роя, любит он рыбу.

*Глава девятая***МАЛЬЧИК НА ПОЗВЕРЮШКАХ**

Все, что состоит из плоти и жизненной силы, а следовательно, из тела и души, все это относится к животному миру, все это твари, будь то воздушные обитатели, как летающая птица, или водные, как плавающая рыба, или наземные, как зверь, который ходит по земле и полям, как люди и животные, дикие и домашние, и всякие прочие, скользящие или ползающие по земле.

Барфоломей. Бартоломеус де Проприетабус Рерум

Два-три счастливых месяца я провел в качестве, если так можно выразиться, мальчика на позверюшках. Иными словами, в моем ведении находилась маленькая секция, включавшая пять-шесть пар эскимосских лаек и две пары песцов, но, поскольку я не был полностью загружен, меня направляли в другие секции подменять того или иного служителя на время его выходного дня. Я был очень доволен, потому что получил возможность возобновить общение со старыми знакомыми, вроде тигра Поля, и, так как я фактически каждый день менял секции, работа мне не приедалась.

Прежде я никогда не сталкивался с эскимосскими лайками, поэтому в первый день держался с ними осторожно, учитывая их внушительную массу. Однако вскоре я убедился, что, хотя лайки готовы по любому поводу драться насмерть между собой, ко всем представителям человеческого рода они относятся с несколько обременительным в своей восторженности обожанием.

В нашей стае всех крупнее была здоровенная желтоватая сука по кличке Скуош. В полной мере я оценил меткость этой клички (скуош — давить, душить), когда впервые вошел в вольер. Излучая доброжелательность, Скуош набросилась на меня, чтобы хорошенько облизать мне лицо длинным и красным, как парадный ковер, языком и тем самым выказать свою нерушимую

преданность роду человеческому. Стоя на задних лапах, она достигала почти двух метров, и, когда это косматое существо с ходу поднималось на дыбы и опускало лапы вам на плечи, вы, само собой, чуть не падали спиной на ограду. И так как Скуош продолжала напирать, требовалось изрядное проворство, чтобы уберечь ребра от переломов. Правда, после первого могучего объятия Скуош становилась несколько благоразумнее, однако, пока вы подметали вольер, считала своим долгом неотступно кружить около вас, энергично махая хвостом и поскуливая в знак любви. Заденет хвостом по ногам — будто лошадь брыкнула. Но хотя для работы с ней требовалась спортивная подготовка примерно как у классного борца вольного стиля, Скуош нельзя было отказать в красоте и обаянии. Конечно, все члены стаи были по-своему милы и симпатичны, но могучая Скуош с ее развалистой походкой к тому же обладала яркой индивидуальностью.

Поручая мне лаек, Фил предупредил, что у Скуош случка и она ждет щенят. Поэтому я особенно тщательно следил за ней, скармливал ей лучшие куски мяса и возобновил негласный сбор яиц на участках местных фермеров, которым занимался, когда работал в льявтынике. Ежедневное обследование Скуош, необходимое, чтобы не прозевать приближение родов, было сопряжено с великими трудностями. Во-первых, стоило к ней прикоснуться, как она приходила в неуправляемый восторг, во-вторых, при такой густой шубе попробуй определить размеры живота или нащупать соски и убедиться, набухли они или нет. Лишь после долгой борцовой схватки удавалось зарыться пальцами в ее шерсть достаточно глубоко, чтобы проверить названные признаки. Так или иначе, соски постепенно набухали, и однажды утром, поприветствовав меня менее бурно, чем обычно, и наскоро облизав мое лицо, Скуош поспешно метнулась обратно к своей конуре, в которой поскуливали щенята. С ужасно довольным видом она села перед конурой; заглянув внутрь, я увидел на соломенной подстилке шестерку

пухлых малышей. С громким писком они барахтались и толкали друг друга, точно пьянчужки у трактира. Четверо — пегие, с пепельными и белыми отметинами, двое — желтовато-белой масти, в мать. Чудесные, здоровые толстячки в гладких лоснящихся шубках, с подвижной тупоносой мордочкой, чем-то напоминающей выдру.

Хотя Скуош уже щенилась раньше, по ее гордому поведению можно было подумать, что это первый помет. По утрам, когда я приходил подметать вольер, она после обычного приветствия, от которого я пятился к ограде, бежала к конуре, хватала щенка и несла ко мне. Если я садился на корточки, она опускала его мне на колени и смотрела, шумно дыша открытой пастью и махая хвостом, как я ласкаю ее отпрыска. Тут же осторожно брала его зубами, относила в конуру и тащила следующего. Перетаскает всех по очереди на мои колени — лишь после этого успокоится и позволит мне приступить к работе.

Судьбы многих людей зависели от этих неутомимых и верных представителей семейства собачьих. Что ни говори, именно лайки позволили человеку утвердиться в таких областях земного шара, где без них ему пришлось бы туго. Некий доктор Гийемар так описывал в прошлом веке лаек, виденных им на Камчатке:

"Большинство из них белой масти, с черной головой или же сплошь бурые; острая морда и торчащие уши придают им несомненное сходство с волком. Единственный корм, получаемый ими от владельцев, — горбуша, но летом, бродя по округе, они сами ловят разную дичь и подбирают яйца. Упряжка обычно состоит из восьмидесяти собак, если же сани тяжелые или снег очень рыхлый, запрягают двойное количество и даже больше. При ровном и твердом снежном покрове они без труда пробегают за день семьдесят-восемьдесят километров с грузом в полтораста килограммов; при пустых санях с одним только погонщиком они подолгу могут развивать скорость до восьми верст (так в оригинале. — Ред.) в час. В пути им дважды в день дают по одной трети рыбины да по полторы

рыбины на ночь, и заедают они рыбу снегом... У каждого пса есть кличка, на которую он отзывается, когда бежит в упряжке, подобно тому как отзываются запрягаемые в фургоны капские быки, ибо погонщики не пользуются кнутами. Если требуется наказать строптивого пса, погонщик бросает в него палкой или колотит несчастного первым попавшимся под руку камнем. Существуют разные способы привязывать этих животных, с тем чтобы отделить их друг от друга, потому что они, когда не тянут сани, только и ищут случая подражаться. Вот один из способов: устанавливают широкую треногу из шестов и привязывают к каждому шесту по собаке. Из-за обилия собак эти треноги являются характерной чертой многих местных селений".

Мои подопечные лайки отличались невероятной силой и были совершенно невосприимчивы к прихотям погоды. Только щенков они держали в деревянных конурах, а сами, даже в очень снежные дни, предпочитали вырыть себе нору для сна. Их невзыскательность к корму сделала бы честь любому страусу. Одна из наших лаек съела как-то носовой платок; автобусный билет или картонный стаканчик из-под мороженого (добросердечная британская публика охотно просовывала через ограду такие предметы) тотчас поглощались с великим удовольствием. А однажды, подметая вольер, я обронил бумажник, к счастью пустой, и он в два счета исчез в желудке молодого пса, который явно был осчастливлен такой щедростью и нимало не пострадал от нее.

Без удивления читал я рассказы доктора Гийемара о выносливости лайки:

"Никто не заботится о том, чтобы снабдить ее удобным убежищем для защиты от сурового арктического климата, и бедное животное, когда не работает в упряжке, в большинстве случаев всецело предоставлено самому себе. Но долгий опыт и унаследованный от предков инстинкт вооружили собаку качествами старого служаки. Бродя вечером по стежкам в

поселке, путешественник нередко упирается в подобие огромных кроличьих нор, отрытых лайками для защиты от ветра. Волосяной покров, почти такой же густой, как у медведя, напоминает скорее мех... Замечательно сильная, ловкая и выносливая, лайка в то же время становится подчас упрямой и неуправляемой и никак не реагирует на удары и пинки, которыми ее щедро наделяет хозяин. Если не считать поселки в тундре, где и в летние месяцы можно пользоваться санями, лайка летом отдыхает. В это время она бродит по окрестностям сколько ей заблагорассудится, иногда возвращается на ночь в свою нору, а то пропадает на несколько дней. Хороший охотник и рыбак, лайка питается дичью и лососем, которых добывает сама, и крайне редко бросает своего хозяина. Правда, услуги собак недешево обходятся местным жителям. Из-за прожорливости лаек невозможно держать овец, коз и прочих мелких домашних животных; недаром Камчатка — одна из немногих областей в мире, где совсем нет домашней птицы".

Наряду с кенгуру и павлинами по территории зоопарка свободно бродили крохотные, величиной с эрделя, олени, известные под названием китайских мунтжаков. Казалось бы, в просторном загоне, где трава повыщипана стадами антилоп и оленей, даже такое небольшое животное должно бросаться в глаза; однако мунтжак, лежа в траве высотой семь-восемь сантиметров, совершенно сливался с окружением — и не увидишь, пока не подойдешь вплотную. Шерсть у этих своеобразных животных неяркого коричнево-рыжего оттенка, волос довольно жесткий. Если рассмотреть волосинку, видно, что она чуть сплющена и делится на сочленения, будто миниатюрный побег бамбука. У китайского мунтжака рога почти незаметны, зато самец вооружен двумя длинными и грозными клыками, которые он пускает в ход, когда дерется с соперником из-за самки или же, на севере ареала, когда раскапывает снег в поисках корней и луковиц.

Однажды утром я услышал, что один мунтжак, движимый страстью к приключениям или миграционным инстинктом, каким-то образом преодолел ограду зоопарка и пробрался в вольер для кур. Фил Бейтс и я, а также Билли, который в это время случайно был свободен, отправились ловить прогульщика. Погрузили сети в маленький зеленый фургон и поехали к вольеру.

В центре равнобедренного треугольника площадью около одной десятой гектара стоял наш китайский мунтжак, окруженный любопытными и взволнованными курами; можно было подумать, что он читает им лекцию о прелестях дальних странствий. При виде нас лектор испуганно вздрогнул и явно сбился. Теперь он больше всего напоминал оробевшего кандидата в члены парламента, который заметил хулиганов в толпе избирателей.

С растущей тревогой смотрел мунтжак, как мы расставляем сети, чтобы свести до минимума площадь предстоящей охоты. У нас было задумано, что двое погонят его на сеть, а когда он запутается, третий воспользуется случаем схватить беглеца. В нашем плане оказался лишь один изъян: мунтжак не хотел запутываться в сети. Преследуемый нами, он бегал по кругу, но около сети всякий раз ловко менял курс. Мы устроили короткое совещание и решили прибегнуть к тактике регбистов. До сих пор, увлеченные происходящим, пернатые зрители вели себя организованно, но тут не выдержали. Как только первый из нас гулко шлепнулся на траву метрах в четырех от хвоста мунтжака, куры бросились врассыпную. Воздух наполнился тучами перьев, испуганным кудахтаньем кур и криками боли, которые издавали ушибленные охотники.

Обуреваемый паникой, китайский мунтжак стал бросаться на высокую проволочную ограду, рассчитывая пробиться сквозь нее. После одного, особенно лихого прыжка он зацепился рожками за проволоку и повис на ней, брыкаясь и дергаясь. Мы дружно ринулись к нему, но в последнюю секунду он каким-то

невообразимым мышечным усилием отцепился, упал на траву, мгновенно развернулся и пробился сквозь наши ряды.

Когда он поравнялся со мной, я взял на прицел его заднюю ногу и коршуном бросился на нее. Дальше последовало нечто малопонятное, но весьма болезненное. Я поймал железной хваткой ногу мунтжака, и мы вместе кубарем покатались по земле, притом по единственному во всем вольере участку, заросшему крапивой и колючками. Олень брыкнул свободной ногой, и острые, как нож, копытца аккуратно располосовали мне руку до локтя. Мы продолжали кувыркаться, но я ухитрился не разжимать пальцев, хотя мунтжак повернул голову и обрабатывал мою руку клыками.

Однако это было последнее усилие; внезапно он прекратил сопротивление и принялся издавать чудовищные, пронзительные вопли. Можно было подумать, что я прижигаю его раскаленным железом. Во всяком случае, я был потрясен этими воплями и ослабил хватку, не желая причинять ему боль, но, когда мы стали осторожно заталкивать беглеца в мешок. Фил объяснил мне, что китайский мунтжак всегда так кричит, покаясь своей судьбе.

Пока мы собирали сети, мунтжак и в мешке продолжал издавать душераздирающие крики. Мы кинули сети в фургон, уложили на них пленника и покатали обратно в зоопарк. Я уповал на то, что непривычный способ передвижения заставит крикуна примолкнуть. Не тут-то было. На всем пути по территории зоопарка из фургона непрерывно вырывались дикие вопли. Посетители бледнели и провожали фургон испуганными взглядами, не сомневаясь, что водитель потерял рассудок. Один статный, по-военному подтянутый мужчина остановился и посмотрел на нас с такой яростью, будто его обуревало желание броситься за нами вдогонку и потребовать, чтобы мы предъявили лицензию на право заниматься вивисекцией. Олень орал благим матом вплоть до той минуты, когда мы подъехали к его загону. Поросячий визг показался бы музыкой перед

звуками, которые издавало это сравнительно небольшое животное. Наконец мы вытряхнули мунтжака из мешка, и тотчас он смолк. Сделал два прыжка, прильнул к траве пропал из виду.

Однажды я заметил у одной из моих лис нечто вроде нарыва в основании хвоста. Доложил об этом Филу, и он передал мне от капитана какую-то мазь, чтобы я ежедневно мазал ею болячку. Процедура была нудная, и нервный пациент несколько ее не одобрял, ведь его каждый раз надо было ловить. Для этого я использовал сачок из куска грубой рыболовной сети, укрепленного на металлическом обруче, кое-как обшитом мешковиной. Собственно, поймать лису, учитывая ее повадки, было не сложно. Выгонишь из будки и закроешь дверцу — лиса начинает равномерно трусить по краю вольера. Остается быстро опустить сачок прямо перед ней, чтобы не успела свернуть, и лиса сама в него забежит. Правда, при этом надо было соблюдать осторожность, ведь, несмотря на мешковину, металлический обруч мог натворить бед.

На четвертый день, войдя с сачком в вольер, я увидел, что болячка начинает заживать. Лиса, как обычно, кружила вдоль ограды, и я приготовился ее ловить. В это время незаметно подъехал на велосипеде Билли. Только я выбросил вперед сачок, вдруг из-за ограды донесся пронзительный крик:

— Йо-хо-о!

Вздрогнув от неожиданности, я дернул сачок, он подскочил сантиметров на пять, и обруч ударил лису по ногам. Раздался хруст, словно наступили на гнилой сучок: правая передняя нога лисы сломалась как раз посередине между локтем и лапой.

— Идиот чертов! — крикнул я. — Смотри, что из-за тебя вышло.

— Извини, — сокрушенно произнес Билли, глядя на лису, которая продолжала бегать с той же скоростью, но уже на трех лапах. — Я не видел, чем ты занят.

— И как назло Фил сегодня выходной, — продолжал я. — Что мне теперь делать, черт возьми? Нельзя же ее так оставить.

— Отнесем ее к старикану, — решительно сказал Билли. — Отнесем к старикану, и он все сделает. Так и Фил поступил бы.

Я вдруг вспомнил, что капитан — опытный ветеринар; совет Билли был не так уж плох.

— А где твой отец? — спросил я.

— В кабинете, — ответил Билли. — Сидит в кабинете и работает. Он говорит, что ему всегда лучше работается по субботам, когда нет никаких секретарей и никто ему не мешает.

— Ясно, — сказал я. — Тогда пойдем и помешаем ему.

Я поймал лису сачком, потом извлек ее из сети. Бедняжка отчаянно огрызалась. Эти небольшие зверьки подчас не уступают свирепостью бенгальскому тигру. Исследовав лису, я определил, что перелом удачный, если вообще так можно говорить о переломе. Кость не раздроблена, не расплющена, не смещена. Аккуратный, ровный надлом, как если бы вы надломили корень сельдерея. Понятно, от лисы нельзя было требовать, чтобы она разделяла мою радость, но я-то знал, что такую травму легче обработать и шансы на благополучное заживление очень хорошие.

Придя в дирекцию, мы обнаружили, что капитан закончил работу и ушел к себе. Миссис Бил объяснила, что он принимает ванну, и я приготовился ждать, когда кончится омовение. Однако миссис Бил и Билли заверили меня, что наперед невозможно сказать, сколько капитан может просидеть в ванне. Во имя гуманности мы должны были потревожить его. Билли подошел к ванной и принялся колотить в дверь.

— Отваливай! — рявкнул капитан; за этим возгласом последовал такой шум, словно четырнадцать испуганных бегемотов одновременно пытались выбраться из садового пруда. — Отваливай, я купаюсь.

— Поживей, — крикнул Билли. — У нас тут лиса ногу сломала. Шум стих, только чуть плескалась вода.

— Что ты сказал? — недоверчиво спросил капитан.

— Лиса ногу сломала, — повторил Билли.

— Никакого покоя! — взревел капитан. — Никакого покоя в этом доме. Ладно... несите ее в кабинет, сейчас приду.

Мы пошли в кабинет и сели. До нас отчетливо доносился голос капитана.

— Глэдис! *Глэдис!* Где мои туфли?.. Ах да, они здесь... Они притащили лису со сломанной ногой. Приготовь новый гипсовый бинт... Откуда *мне* знать, где он? Поищи. Где-нибудь лежит. А где мои кальсоны, Глэдис?

Наконец он ввалился в кабинет, розовый после купания; следом вошла миссис Бил с большой железной банкой в руках.

— А, Даррелл, это вы? — пророкотал капитан. — Лиса, говорите? Ну-ка, посмотрим.

Лиса, более или менее смирившись со своей судьбой, лежала у меня на руках. Однако могучая фигура и низкий голос капитана Била напугали ее, она оскалилась и издала долгое предупреждающее рычание. Капитан живо отпрянул.

— Держите ее, — рявкнул он. — Возьмитесь покрепче за загривок.

— Уже взялся, капитан, — ответил я.

Крепче держать нельзя было, не рискуя обезглавить зверька.

Бережно просунув ладонь под сломанную ногу, я чуть приподнял ее, чтобы капитан мог изучить травму.

— Так, — сказал он, поправляя очки и всматриваясь. — Аккуратненький переломчик. Дела. Теперь за работу. Билли, ножницы.

— Где я возьму ножницы? — беспомощно произнес Билли.

— Где, где, черт возьми! — прорычал капитан. — Думай головой! В маминой корзине с рукоделием, где же еще!

Билли скрылся в поисках ножниц.

— И скажи Лоре, чтобы шла сюда, — крикнул капитан ему вдогонку. — Нам понадобится ее помощь.

Я поглядел на простертое на моих руках маленькое стройное существо и попытался представить себе реакцию капитана, если

бы пострадало животное покрупнее — скажем, лошадиная антилопа или жираф.

— Лора делает уроки, — сообщила миссис Бил. — Может быть, сами справимся, милый?

— Нет, — решительно произнес капитан, забирая у нее банку. — Это новое средство. Мне понадобится помощь.

— Но я помогу тебе, милый.

— Тут всем хватит дела, — сурово сказал капитан.

Вернулся Билли — с ножницами и с сестрой.

— Теперь слушайте, — возвестил капитан, зацепив подтяжки большими пальцами, — делаем так. Прежде всего выстригаем волосы на сломанной ноге, понятно?

— Зачем? — тупо спросил Билли.

— Затем, что этот чертов гипс не будет держаться на волосах, — объяснил капитан, раздосадованный такой недогадливостью.

— Не кричи, Вильям, ты пугаешь лису, — тревожно заметила миссис Бил.

— Пока вы тут спорите, можно я пойду и сделаю уроки? — осведомилась Лора.

— Оставайся здесь, — отрезал капитан. — Ты можешь оказаться важным звеном в общей цепи.

— Хорошо, папа.

— Так вот, Даррелл, — продолжал капитан. — Этот гипсовый бинт — новинка, ясно?

Он похлопал ладонью банку, и на его стол легло облако гипсовой пыли.

— Новинка, сэр? — переспросил я с искренним интересом.

— Вот именно. — Капитан снова зацепил подтяжки большими пальцами. — Ведь как было раньше: накладываешь лубки, бинтуешь, потом мажешь сверху гипсом. Возня, мазня, уйма времени.

Я отлично знал, что этот способ неудобен, отнимает много времени и далеко не всегда приносит успех, — сам неоднократно применял его, пытаясь лечить птиц со сломанным

крылом или ногой. Но сейчас не стоило делиться своим опытом хотя бы потому, что капитан собирался продемонстрировать мне новый способ гипсования — быстрый, удобный и надежный. А ведь я за тем и приехал в Уипснейд, чтобы приобретать знания.

— Итак, — сказал капитан, — показываю новый способ.

Он поднял банку и уставился на нее, сдвинув очки на кончик носа и недоверчиво скривив рот. Некоторое время было слышно только неразборчивое бормотание: капитан читал про себя инструкцию.

— Так, ясно. Глэдис, теплой воды. А ты, Билли, выстригай шерсть на лапе.

— Мне можно пойти делать уроки? — жалобно спросила Лора.

— Нет! — рявкнул капитан. — Ты... ты... ты подметай пол, чтобы не было волос. Гигиена.

Таким образом, капитан всех расставил по боевым постам. Миссис Бил гремела посудой на кухне, готовя воду, мы с Билли устроили соревнование стригалей, не считаясь с решительными протестами лисы; Лора хмуро подметала пол. Развернув свои подразделения, капитан снял крышку с банки и не очень ловко отмотал метр-два бинта, густо пропитанного гипсом. Потом заходил взад-вперед по кабинету, внимательно рассматривая бинт, причем гипс сыпался на пол так, словно в кабинете зарядил небольшой снегопад. Самые мелкие частицы образовали в воздухе туман, от которого мы все закашлялись.

— И чего только не придумают! — восхищался про себя капитан, продолжая рассыпать гипсовые снежинки.

Вернулась миссис Бил с кастрюлей горячей воды.

— Прекрасно. — Капитан снова приступил к организации. — Теперь, Билли, Лора, Глэдис, держите этот бинт.

Окутанный белым облаком, он отмотал метров пять бинта и вручил членам своей семьи.

— Натяните, — скомандовал он. — Туже натягивай, Глэдис! Он у тебя провисает... вот так... вы готовы, Даррелл?

— Готов, сэр, — отозвался я.

— Крепче держите загривок, ясно? Чтобы не вырвалась в решающий момент.

— Все в порядке, сэр, держу крепко.

— Отлично.

Капитан схватил кастрюлю и пошел вдоль бинта, брызгая на него водой.

— Видите, Даррелл? — Он поймал мокрый конец бинта и помахал им в мою сторону. — Никаких лубков не надо, ясно? Сам бинт играет роль лубков.

Для наглядности капитан несколько раз обмотал бинт вокруг указательного пальца.

— Никакой возни с лубками, — повторил он, поднося обмотанный палец к моему носу. — Не то что эта старая волянка, видите?

Стол и пол кабинета напоминали кое-как подготовленную лыжную трассу, но я, понятно, помалкивал.

А дальше все пошло наперекосяк. То ли капитан неверно прочел инструкцию, то ли еще что, но намотанный на его палец конец бинта твердел с поразительной быстротой.

— А черт, — с жаром произнес капитан.

— Вильям, голубчик!

— Где ножницы? Кто взял эти окаянные ножницы?

Ножницы нашлись, и капитан освободился от цепкого бинта, изрядно вымазав при этом свои очки гипсом.

— Теперь, Даррелл, — сказал он, подслеповато косясь на лису, — оттопырьте ей ногу.

Я поспешил выполнить команду, и капитан несколько обмотал сломанную ногу бинтом, продолжая брызгать на него водой. Скоро лиса, капитан Бил и я стали похожи на водных млекопитающих.

— Еще бинта! — пророкотал капитан, сосредоточенно трудясь.

Но тут объявилось новое препятствие. Кусок бинта, который держали миссис Бил, Лора и Билли, подсох, затвердел и пристал

к пальцам, соединив всех троих вместе, словно гирлянду из маргариток.

— От вас никакого толку, черт возьми, — кричал капитан, освобождая их от бинта ножницами. — И это называется помощь! Ну-ка, отмотайте еще.

В своем старании смягчить отцовский гнев Билли уронил банку, и она покатилась по полу, волоча за собой гипсовый бинт. Кабинет директора уподобился перевязочному пункту в разгар боя. Казалось, все и вся покрыто пленкой гипса и петлями бинта.

— Бестолочь! — орал капитан. — Чертова бестолочь, все трое! Посмотрите на себя... посмотрите на бинт. Вы... вы... простофили, вот вы кто!

В конце концов миссис Бил утихомирила капитана, затем Лора и Билли отмотали новый кусок, миссис смочила его, и побагровевший капитан, тяжело сопя, обмотал ногу лисы еще несколькими витками.

— Ну, так сойдет, — заключил он, выпрямляясь.

Мне доводилось видеть более профессиональную работу, но капитан был доволен. Лицо его озаряла улыбка, очки обрамлял слой гипса, лысина казалась напудренной, к одежде тут и там пристали клочки бинта, и длинный кусок прочно обмотался вокруг одной его туфли.

— Вот так, Даррелл, — удовлетворенно пророкотал он. — Что значит новинка, совсем другое дело... намного проще, видите?

— Вижу, сэр, — ответил я.

Глава десятая
ТОЛЬКО ЗВЕРИ

Одни животные предназначены увеселять человека таковы обезьяны, мартышки и попугаи, другие созданы для упражнения человека, чтобы он не забывал о своем ничтожестве и могуществе Бога. И для этого созданы мухи и вши; а львы, и тигры, и медведи созданы, чтобы человек, во-первых, сознавал свое ничтожество, во-вторых, был утрашен. А некоторые животные созданы, чтобы облегчать и пользоваться различного рода людские немощи, так, из гадючьего мяса готовится противоядие.

Варфоломей. Бартоломеус де Проприетабус Рерум

Проработав в Уипснейде немногим больше года, я решил уволиться. Это не было опрометчивым шагом, мое намерение заняться отловом зверей и в конце концов организовать свой собственный зоопарк оставалось в силе, — просто я понимал, что дальнейшее пребывание в Уипснейде не приблизит меня к цели. Мне нисколько не возбранялось и дальше работать мальчишкой на позверюшках, но у меня были другие планы.

Я знал, что в скором времени, когда мне исполнится двадцать один год, я смогу получить наследство, три тысячи фунтов. Не состояние, конечно, но в те дни на три тысячи фунтов можно было сделать куда больше, чем теперь. И сидя по вечерам в своей комнате-камере в холодной гулкой "лачуге", я писал тщательно продуманные письма всем тогдашним профессиональным звероловам. Рассказывал о своем опыте и заверял, что готов сам покрыть свои расходы и работать даром, если окажется возможным взять меня в экспедицию. Один за другим приходили ответы, вежливые, но недвусмысленные. Меня благодарили за предложение, но, поскольку я не располагал опытом зверолова, возможность моего участия отпадала. Однако я могу обратиться снова, когда приобрету

нужный опыт. Но ведь я для того и просился в экспедицию, чтобы приобрести опыт, так что толку от такого совета было мало. Старая сказочка про белого бычка: меня не могут взять, пока я не набрался опыта, я не могу набраться опыта, пока меня не возьмут.

И вот тут-то, когда положение казалось совершенно безысходным, меня осенила блестящая мысль. Если я использую часть наследства на то, чтобы снарядить собственную экспедицию, то смогу потом не кривя душой заявить, что приобрел опыт; глядишь, кто-нибудь из великих не только возьмет меня с собой, но даже назначит мне жалованье. Заманчивейшая перспектива!

Мое решение уволиться из зоопарка было встречено неодобрительно. Фил Бейтс уговаривал меня остаться, капитан Бил поддерживал его.

— Вы ничего не добьетесь, Даррелл, если будете вот так метаться, — укоризненно бормотал он во время прощального кэрри, точно я, работая в Уипснейде, взял привычку каждую неделю подавать заявление об уходе. — Оставайтесь... со временем возглавите секцию... пойдете в гору...

— Спасибо, сэр, но я мечтаю заняться отловом зверей.

— На этом деле не разбогатеешь, — скорбно заметил капитан. — Только деньги бросать на ветер, помяните мое слово.

— Не порти Джерри настроение, Вильям, — сказала миссис Бил. — Я уверена, у него все получится.

— Вздор! — угрюмо возразил капитан. — Никто еще не разбогател на звероловстве.

— А как же Гагенбек, сэр? — спросил я.

— Это было в старые добрые времена, — ответил капитан. — Тогда деньги чего-то стоили... на золотой соверен можно было положиться... не то что нынешние бумажки, им только в уборной висеть.

— Вильям, голубчик!

— А что, разве неправда? — отрезал капитан. — Прежде деньги были деньги. А теперь — туалетная бумага.

— Вильям!

— Во всяком случае, не забывайте нас, навещайте, ладно? — сказал капитан.

— Да-да, непременно, — подтвердила миссис Бил. — Мы будем скучать без вас.

— Всех лучших зверей в своей коллекции я буду резервировать для вас, сэр, — обещал я.

В последнюю ночь, лежа в постели, я попробовал подытожить, что дал мне Уипснейд. Чему я научился?

Итог получился по большей части отрицательным. Конечно, я научился, как сподручнее нести кипу сена на вилах, как орудовать метлой и лопатой, узнал, что смиренный на вид кенгуру, если загнать его в угол, может прыгнуть на вас, ударить задними ногами и распороть самый прочный плащ. Но все же главные уроки были типа "чего не надо делать".

Правда, я еще понял, как важен для зоопарка штат служащих. Без них ничего не сделаешь, поэтому чрезвычайно важно поднять престиж этой тяжелой и грязной работы, а главное — тщательно подбирать людей. В мое время в Уипснейде служащими были преимущественно сельскохозяйственные рабочие, которых первоначально наняли обнести оградой зоопарк и отдельные загоны. В результате я работал вместе с сорока-пятидесятилетними мужчинами, которые знали о вверенных им животных меньше, чем знал я, двадцатилетний парень. В этом не было их вины, они отнюдь не стремились стать зоологами. Они ходили на службу, и все трудились честно, но без особого интереса. В этом я очень наглядно убедился в первый же день работы в секции жирафов.

Берт велел мне около четырех часов разжечь огонь под большим котлом с водой, и я послушно выполнил его указание. Когда вода вскипела, Берт развел в двух ведрах теплую воду и

сказал, что мы пойдем поить жирафа. Глядя, как жираф утоляет жажду, я спросил Берта, почему вода непременно должна быть теплой.

— Почем я знаю, парень? — ответил он. — Когда его привезли, велели поить теплой водой... не знаю зачем.

Тщательное расследование позволило мне разрешить загадку. Шестью-семью годами раньше, когда жирафа только привезли, он простудился. Решили, что теплая вода ему будет приятнее холодной, отдали соответствующее распоряжение, а отменить его забыли. И семь лет жираф безо всякой нужды пил теплую воду. Хотя Берт очень любил своих подопечных и гордился ими, ему ни разу не пришлось в голову выяснить, так ли уж необходима для блага жирафа теплая вода.

Недостаточный интерес или недостаточные знания отражаются на качестве наблюдений, а при уходе за дикими животными внимательное наблюдение чрезвычайно важно хотя бы потому, что дикие животные — великие мастера скрывать свои недуги, и если вы не изучили основательно своих питомцев и не следите за ними самым внимательным образом, то непременно пропустите нюансы, по которым можно определить, в чем дело.

А еще я понял в Уипснейде следующее: в корне ошибочно считать, будто, чем больше клетка или вольер, тем лучше чувствует себя животное. "Такой зоопарк, как Уипснейд, я признаю", — эти слова я часто слышал от доброжелательных и мало сведущих любителей животных. Ответ очень прост: "А вы попробовали бы там поработать, попробовали бы ежедневно следить за стадом в загоне площадью пятнадцать гектаров, чтобы точно знать, что никто не болеет, никто не голодает из-за притеснения сородичами, что все стадо в целом получает достаточно кормов".

Допустим, кому-то в стаде нужна помощь — надо еще погоняться за ним по всем этим гектарам; когда же наконецймаешь (дай бог, чтобы животное раньше не поломало себе ногу или не погибло от разрыва сердца), то приходится лечить

не только от исходного недуга, но и от шока, вызванного погоней. Конечно, теперь задача упрощается такими приспособлениями, как стрелы с транквилизатором, но когда я работал в Уипснейде, чрезмерно большой загон в конечном счете только вредил животным. Единственным его плюсом было то, что он ублажал антропоморфные души, восстающие против "заточения" животных. К сожалению, такой взгляд на зоопарки по-прежнему распространен среди доброжелательных, но совершенно невежественных людей, которые упорно судят о матушке Природе как о милостивой старой даме, хотя на самом деле она — жестокое, неумолимое и предельно хищное чудовище.

Трудно спорить с такими людьми, они пребывают в блаженном неведении, полагая, что в зоопарке животное томится, словно в тюрьме, а дикая природа — райские кущи, где барашек лежит рядом со львом, не опасаясь, что тот им поужинает. Вы можете сколько угодно говорить о непрерывных повседневных поисках пищи в естественных условиях, о постоянном нервном напряжении из-за необходимости избегать врагов, о борьбе с болезнями и паразитами, о том, что для некоторых смертность потомства в первые шесть месяцев превышает пятьдесят процентов. "Ну и что, — ответит пребывающий в плену иллюзий любитель животных, выслушав все ваши доводы, — зато они свободны". Вы объясняете, что у животных есть свои, четко ограниченные территории, которые определяются тремя факторами: пища, вода и пол. Обеспечьте их всем этим на ограниченном участке, и животные никуда не уйдут. Но люди словно одержимы словом "свобода", особенно в отношении к животным. Их нисколько не заботит степень свободы банковского клерка, шахтера, рабочего, плотника, официанта, а ведь если изучить как следует эти и другие человеческие разновидности, окажется, что работа и обычаи ставят их в такие же узкие рамки, какие ограничивают любого обитателя зоопарка.

На другое утро я запасся гостинцами и совершил прощальный обход. На душе было грустно, ведь работа в Уипснейде доставляла мне радость, но, с другой стороны, каждое животное сейчас воплощало для меня край, который я мечтал посетить, служило как бы ободряющим географическим указателем. Вомбат Питер, хрумкающий земляными орехами, представлял континент антиподов — Австралию с ее диковинными красными пустынями и еще более диковинной фауной, с прыгающим и скачущим зверьем, с млекопитающими, которые откладывают яйца, и с прочими чудесами. Оранжевые, будто солнечный закат, тигры Поль и Морин (они получили по яйцу) — Азия, слоны в наряде из драгоценных камней, могучие носороги в доспехах, лучезарные бастионы Гималаев, покрытые сонмами диких баранов. Белые медведи Бэбс и Сэм, с радостным шипением уплетающие мороженое, воплощали изрезанные, молочно-белые снежные поля и холодное глубокое море — суровое море цвета вороньего крыла. Ослепительные черно-белые зебры и закутанный в гриву Альберт — Африка, черный континент, где в ярко-зеленых влажных лесах бродит плечистая горилла, где степи гудят под миллионами скачущих копыт, где розовые фламинго превращают озера в цветущие сады.

На каждом шагу животные кивали мне, утверждая меня в моем решении. В последний раз шлепая тапиров по ягодицам и засовывая бананы в пасть под тугим носом, я представлял себе, как отправлюсь на их родину, в Южную Америку: огромные деревья с гроздьями обезьян, похожих на эльфов, могучие, неторопливые кофейно-коричневые реки — обитель острозубых рыб и мирных черепах. При мысли о том, сколько мест надо посетить, сколько животных увидеть, меня обуревало нетерпение. Волки и бурые медведи представляли шелестящие северные леса; жираф Питер в плетеном одеянии указывал мне на коричневатые равнины Африки с хрусткой травой под сенью причудливых фигурных крон акации; бизоны в косматых

накидках звали меня на могучие волнистые просторы североамериканских прерий.

Товарищи по работе по-разному восприняли весть о моем уходе.

— Помни, дружище, чему я тебя учил, — сказал Джеси, цыкая зубом и пристально глядя на меня. — И не зевай. Одно дело лев за решеткой, совсем другое, когда эта зверюга подкрадывается к тебе сзади, ясно? Будь осмотрительным, парень.

— Не представляю себе, как ты справишься, — заметил Джо, поджимая губы и качая головой. — Я бы ни за что не взялся, хоть сто фунтов предложи. В общем, действуй, как Джеси говорит, и будь поосторожнее.

— В Африку собираемся? — сказал мистер Коул. — Тоже мне исследователь нашелся.

— Всего доброго, мальчуган,—пробурчал старина Том, крепко стискивая мою руку своими красными лапищами в ознобышах. — Не забудь открыточку прислать, ладно? Береги себя.

— Счастливо, старина, — сказал Гарри с веселой искоркой в глазах. — Да я уверен: у тебя и без моих пожеланий все будет в порядке. Погонится кто за тобой, так ведь ты не хуже моего скорость развиваешь. Не пропадешь.

— Всего доброго, парень, — произнес Берт, выныривая из-под длинной шеи жирафа, чтобы пожать мне руку. И добавил, словно мне предстояла свадьба: — Желаю тебе большого, большого счастья.

— Понадобится помощь — пиши, — серьезно сказал смуглолицый Фил Бейтс. — Уверен, капитан тебе всегда поможет. А надумаешь вернуться — что-нибудь изобретем для тебя.

Он улыбнулся, пожал мне руку и зашагал, монотонно насвистывая, через расцвеченный россыпями нарциссов зеленый лес, и кенгуру с павлинами не спеша расходились, пропуская его.

Я взял чемодан и вышел из зоопарка.

ЭПИЛОГ

За что я благодарен Уипснейду, так это за то, что там я पुще прежнего пристрастился к чтению. Меня окружали тысячи вопросов и окружали люди, которые не могли на них ответить, поэтому я обращался к книгам. Не без удивления вычитал я, что зоологические сады отнюдь не новое изобретение. Так, у царя Соломона был свой зверинец в 794 году до нашей эры, а еще раньше, в 2900 году до нашей эры, процветали зоопарки в Саккаре, в Древнем Египте. Тутмос III содержал зверинец в 1501 году до нашей эры, а его мачеха Хатшепсут (по всему видно — выдающаяся женщина) снарядила экспедицию за животными в Пунт (нынешнее Сомали). У Рамсеса II была завидная коллекция, включавшая, в частности, жирафов. Далее в ряду венценосных любителей зверей мы видим китайцев: император Вань Вэнь учредил на площади в 600 гектаров парк, который назвал Линь-ю, то есть Парк разума, вполне подходящее имя для надлежащим образом организованного зоопарка. Много зоопарков было у ассирийцев, в том числе у таких известных, как царица Семирамида (она особенно любила леопардов), ее сын Ниниа (он предпочитал львов) и царь Ашшурбанипал, специалист по львам и верблюдам. Птолемей I основал огромный зверинец в Александрии, расширенный затем Птолемеем II. О его масштабах можно судить по тому, что во время праздника Диониса через александрийский стадион целый день проходила процессия, в которой участвовали восемь пар страусов в упряжи, павлины, цесарки, 96 слонов, 24 льва, 14 леопардов, 16 пантер, 6 пар дромадеров, жираф, огромная змея и носорог, не говоря уже о сотнях домашних животных. Мало какой современный зоопарк сумел бы организовать такое шествие.

В Европе первые зверинцы принадлежали древним грекам и римлянам; они частью служили для исследований, частью обслуживали цирки. Вплоть до прошлого века зоологические

сады выполняли две функции — позволяли ближе изучать животных и способствовали просвещению и развлечению людей чудесами, которые господь сотворил для своего ближайшего родственника. К сожалению, развлекательные цели постепенно взяли верх над исследовательскими; исключения составляли очень немногие зоопарки. Животных держали только для увеселения публики; англичане шли в зоопарк, движимые примерно тем же любопытством, какое побуждало их прадедов посещать Бедлам — знаменитый дом для умалишенных. И поныне, увы, многие ходят в зоопарк с такими же запросами, однако интерес к экологии и поведению животных растет, а это здоровый признак. Быть может, в старые времена, когда мир представлялся бездонным рогом изобилия, доверху набитым животными, естественно было смотреть на зоологические коллекции всего лишь как на занимательное зрелище. И ведь никто не пытался всерьез размножать животных: умрет какой-нибудь зверь — на его место везут другого из неистощимых, как тогда казалось, кладовых матери Природы. В наши дни такой подход представляется непозволительным.

Изучая литературу, я с ужасом узнавал, как хищнически человек обращается с природой, какие страшные опустошения производит в рядах животных. Безобидный нелетающий дронг был истреблен почти сразу после его открытия. В Северной Америке несметные стаи странствующих голубей "затмевали небо", а их гнездовья простирались на сотни квадратных километров. Мясо этих голубей пришлось по вкусу людям; последний представитель вида умер в Цинциннатском зоопарке в 1914 году. Квагга, удивительная полулошадь, полузебра, некогда столь распространенная в Южной Африке, безжалостно истреблялась бурскими фермерами; последняя квагга умерла в Лондонском зоопарке в 1909 году. Казалось невероятным, даже невозможным, чтобы заведовавшие зоопарками люди были настолько невежественными, что не видели нависшей над этими животными смертельной угрозы и не приняли никаких мер.

Разве не в том одна из главных функций зоопарка, чтобы спасти животных, находящихся на грани вымирания? Почему же этого не сделали? Видно, потому, что тогда руководствовались принципом "бездонного колодца". Но мир становится все теснее, народонаселение растет, и мы все больше убеждаемся, что колодец не бездонный.

Я покидал Уипснейд с твердым намерением завести свой собственный зоопарк, но не менее твердо я решил (если этот план исполнится), что существование моего зоопарка будет оправдано лишь при условии выполнения им трех функций. Во-первых, он должен помогать просвещению, чтобы люди поняли, как прекрасны и важны другие формы жизни на Земле, перестали так уж заноситься и мнить о себе и осознали, что у остальных видов столько же прав на существование, сколько у человека. Во-вторых, в нем будет изучаться поведение животных, и не только для того, чтобы лучше понять поведение человека, но и для того, чтобы лучше помогать диким животным, — ведь не зная нужд различных видов, нельзя наладить успешную охрану. В-третьих, и эта задача представлялась мне совершенно неотлагательной, зоопарк должен служить резервуаром фауны, убежищем для угрожаемых видов, где их содержат и размножают, чтобы они не исчезли навсегда с лица земли, как исчезли дронг, квагга и странствующий голубь.

После Уипснейда мне посчастливилось, я много лет занимался тем, что снаряжал экспедиции для отлова зверей в разные концы земли, и во время этих путешествий я все больше осознавал грозящие животному миру опасности: одна опасность — прямая, когда животных убивают, другая — косвенная, когда уничтожают их среду обитания. Я чувствовал, что крайне необходимо учредить питомник для растущего числа угрожаемых видов. И я основал собственный зоопарк на острове Джерси в проливе Ла-Манш, а затем учредил Трест охраны животных с центром в этом зоопарке.

Чтобы дать вам представление о целях и задачах Треста, лучше всего привести отрывок из написанной мною брошюры о нашей деятельности:

"В последние годы заметно возрос интерес к охране животных и их среды обитания, однако сама охрана развивается медленно. Во многих странах, хотя животные официально охраняются, это охрана лишь на бумаге, потому что у правительств и соответствующих учреждений недостает денег или людей, чтобы последовательно проводить законы в жизнь. По всему миру множество видов находится под угрозой из-за прямого или косвенного воздействия человека. Необходимо помнить, что истребить многочисленный вид изменением или уничтожением его среды обитания так же легко, как поголовным отстрелом.

Во многих случаях популяции сократились настолько, что без помощи человека виду грозит вымирание, ибо слишком малочисленная популяция не может бороться с угрожающими ей естественными опасностями, такими, как хищники или недостаток корма. Именно на таких видах сосредоточил свое внимание Трест. Если удастся создать плодovитые колонии в идеальных условиях, с полным обеспечением кормами, без угрозы со стороны хищников, при охране потомства с момента рождения, тогда эти виды уцелеют. Впоследствии, когда на родине видов соберется достаточно средств, чтобы осуществить действенные защитные меры, можно будет вернуть туда плодovитую группу и вновь заселить те районы, где данный вид вымер.

О том, что это не только возможно, но и крайне необходимо, говорят многочисленные примеры. Так, в Китае вымер олень Давида, но благодаря покойному герцогу Бедфордскому в Вобурне была создана плодovитая колония. Теперь это великолепное животное спасено и недавно реинтродуцировано в Китай.

Другой яркий пример — спасение гавайской казарки Трестом Питера Скотта. Благодаря усилиям Скотта, в разных

зоологических и орнитологических учреждениях мира созданы большие плодовые колонии, казарка реинтродуцирована на Гавайские острова и заселяет свой прежний район обитания.

Перечень таких достижений достаточно велик, он включает и зубра, и лошадь Пржевальского, и сайгака, и других животных.

Можно сказать, что Джерсийский Трест охраны животных — своего рода стационарный ковчег. Его цель — попытаться спасти от полного истребления некоторые виды животных точно так же, как музеи хранят великие творения искусства, а различные общества обеспечивают охрану древних памятников и строений. Животные, населяющие вместе с нами эту планету, не менее важны, и если еще можно представить себе рождение нового Рембрандта или Леонардо да Винчи, то никакие наши усилия, даже в век потрясающего развития технологии, не помогут возродить истребленный вид фауны".

Если вы прочли эту книгу и получили от нее удовольствие, могу ли я просить вас поддержать мои усилия по спасению некоторых видов от истребления?

Может быть, вы пожелаете вступить в мой Трест? Ежегодный взнос невелик, но я могу вас заверить, что ваши деньги принесут пользу. Если вас волнует судьба животного мира, пожалуйста, пишите мне по адресу:

Джерсийский Трест охраны животных

Поместье Огр

Джерси

Нормандские острова

С точки зрения защиты животных, дело это не терпит отлагательства, так что прошу вас помочь мне.

Ковчег на острове

Введение

Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Книга Бытия. 1, 28

И я ввел вас в землю плодоносную, чтобы вы питались плодами ее и добром ее; а вы вошли и осквернили землю мою, и достояние мое сделали мерзостью.

Книга Иеремии. 2, 7

Эта книга о зоопарках вообще и об одном зоопарке в частности: том самом, который я учредил на острове Джерси.

Возможно, люди, связанные с зоопарками, обвинят меня в чрезмерной прямооте. Но мне очень хочется, чтобы зоопарки здравствовали и процветали, чтобы они работали лучше и с большей пользой, а не чахли и исчезали из-за собственной инертности и общественного осуждения. Да что там, во многих вопросах, которые затронуты в этой книге, я скорее грешу снисходительностью.

Если все же кто-то сочтет, что я излишне суров, — прошу пожаловать на Джерси и указать на недостатки в нашей работе. Мы любим критику и (надеюсь) умеем извлекать из нее уроки.

И еще, с вашего позволения. Решив серьезно говорить о

достаточно серьезном, на мой взгляд, деле я не преминул сдобрить свой рассказ историями, которые не только иллюстрируют мои мысли, но и показывают занимательную сторону моей работы. Если кто-то осудит меня за видимое легкомыслие, могу лишь возразить, что у меня не хватило бы сердца делать свое дело, если бы мои собственные причуды и художества моих собратьев по животному миру — от политиков до павлинов — не представлялись мне крайне потешными. Нынешнее положение вещей в биологическом мире настолько серьезно и будущее выглядит до того мрачно, что светлячки юмора просто необходимы, чтобы освещать нам путь.

Глава 1. Спуск на воду

В основе всех примеров в этой книге лежит одна мысль: продолжая губить природу, человек пилит сук, на котором сидит, ведь разумная охрана природы равнозначна охране человечества.

Винценц Зисвилер. Вымершие и вымирающие животные

Коренной порок нашей технологической западной культуры в том, что ныне она располагает средствами, чтобы в мгновение ока совершенно истребить жизнь на огромных площадях, но не осознает вытекающих отсюда разнообразных побочных следствий.

Д-р С. Р. Эйр. Охрана природы и плодородие

Биология зоопарка все еще находится в пеленках, и руководители многих зоопарков даже не подозревают о существовании такой науки. Кое-где вовсе не задумываются над тем, какую роль играет или призван играть зоопарк в наши дни.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Попирающий малых сих сам же повержен будет.

Апокрифы. Книга премудрости Соломона

Вся моя жизнь так или иначе связана с зоопарками. Уже в двухлетнем возрасте, когда наша семья жила в одном из городов Центральной Индии, который мог похвастаться неким подобием

зоопарка, я заразился своего рода «зооманией». Дважды в день, когда моя многострадальная ая спрашивала, где мне хочется погулять, я тащил ее к рядам зловонных клеток с облезлыми живыми экспонатами. Любую попытку няни изменить этот ритуал я встречал яростными воплями, которые слышно было от Бомбея на юге страны до границы Непала на севере. Так что я несколько не удивился, узнав от матери, что моим первым словом было «зоо».

С тех пор я непрестанно произношу его, когда с восторгом, когда с тоской.

Естественно, впечатления раннего детства вселили в мою душу желание обзавестись собственным зоопарком. И с двух до шести лет я усердно готовился к тому дню, когда стану обладателем зверинца, собирал всевозможную живность от пескарей до мокриц, которые в возрастающем числе населяли комнату, где я спал, и даже мою персону. Затем мы переселились в Грецию, там мне была предоставлена самая широкая свобода, и я мог без помех предаваться своей страсти и изучать диких тварей. Годилось все — от филина до скорпиона. Когда же мы вернулись в Англию, я понял: нечего и помышлять о своем зоопарке, пока не приобрел опыта работы с более крупными животными, такими, как львы, буйволы и жирафы, для содержания которых при всем моем энтузиазме ни сад, ни спальня, не говоря уже о моей собственной персоне, не очень-то подходили. И тут мне посчастливилось — меня приняли на работу в зоопарк Уипснейд в Бедфордшире, загородную базу Лондонского зоологического общества. Я числился смотрителем-практикантом — громкое звание; на самом же деле я был мальчиком на побегушках, меня совали в ту секцию, где требовался подручный для черной работы. Такая практика была во многом идеальной: я усвоил хотя бы то, что работа с животными — дело, как правило, тяжелое, грязное и далеко не романтичное; зато я общался с множеством чудесных животных, от эму до слонов. После Уипснейда я десять лет занимался

отловом зверей, финансировал и возглавлял десять серьезных экспедиций в разные концы света, добывая животных для зоопарков.

Уже работая в Уипснейде и потом в ходе моих первых четырех экспедиций я стал задумываться над назначением зоопарков. Не потому, что сомневался в их целесообразности вообще: я верил (и по-прежнему верю), что зоопарк — весьма нужное учреждение. Мои сомнения касались практической деятельности некоторых зоопарков и общей ориентации большинства из них. До прихода в Уипснейд мне, зооманьяку, казалось, что критиковать какой-либо зоопарк, хотя бы очень мягко, — святотатство, чреватое карой небесной. Однако впечатления от Уипснейда и от многих других коллекций, куда я поставлял животных, посеяли в моей душе растущее беспокойство. Накапливая опыт, я пришел к выводу, что многое в работе обычных зоопарков заслуживает критики, более того, критиковать необходимо, чтобы зоопарки вышли из застоя, который поразил подавляющее большинство этих столь важных, на мой взгляд, заведений или в котором они пребывали с самого начала. Да только невелика хитрость критиковать канатоходца, если вы сами ни разу не становились на подвешенный канат, и я более прежнего проникся решимостью учредить собственный зоопарк.

Делясь с другими своим замыслом, я смог убедиться по реакции собеседников, как низко зоопарки позволили себе пасть в глазах общественности. Скажи я, что собираюсь наладить производство пластиковых бутылок, сколотить поп-группу, открыть клуб со стриптизом или еще какое-нибудь заведение, приносящее столь очевидное благо человечеству, мои планы, конечно, были бы встречены сочувственно. Но *зоопарк*? Место, куда вы скрепя сердце отправляетесь с детьми, чтобы они покатались верхом на слоне и объелись мороженым? Место, где животных держат в заточении? Неужели я это замыслил всерьез? Почему, почему именно зоопарк?

В какой-то мере я понимал и даже разделял их точку зрения. Ответить на вопрос «почему?» было трудно, так как наши представления о зоопарке в корне расходились. Все дело в том, что прежде (да и теперь тоже) лишь очень немногие, будь то ученые или люди, к науке отношения не имеющие, верно осознавали значение хорошего зоопарка. По сей день зоопарки не считают серьезными научными учреждениями, не желают понять, что в них можно проводить огромную и важную исследовательскую, охранную и просветительную работу. В большой мере здесь повинны сами зоопарки — слишком уж часто они, явно пребывая в полном неведении о своих научных возможностях, дают повод всем и всякому смотреть на них исключительно как на увеселительное заведение. Стоит ли удивляться, что широкая публика и ученая братия видят в зоопарке развлекательное предприятие — не столь мобильное и легкое на подъем, как странствующий цирк, но примерно равное ему по научному значению. Обычно зоопарки даже поощряют такой взгляд, ведь слово «научный» для большинства людей стоит в одном ряду со словом «скучный», столь пагубно влияющим на сборы.

Между тем зоологический парк располагает возможностями, какими не может похвастаться ни одно сходное учреждение. Идеальный зоопарк — это комплексная лаборатория, учебный центр и звено в системе охраны природы. Мы знаем подчас поразительно мало о биологии даже самых обычных животных, и зоопарки могут сыграть неопределимую роль в накоплении таких данных. Совершенно очевидно, что это поможет в конечном счете охране животных в естественной среде; ведь нечего и думать об охране вида, если ты не знаешь толком его особенностей. Правильно организованный зоопарк обеспечит вам возможность таких исследований.

Конечно, желательнее изучать зверей на воле, однако многие стороны их биологии более сподручно наблюдать в зоопарках, а некоторые проявления ее вообще поддаются

изучению только в контролируемой обстановке. Попробуйте, например, точно определить сроки беременности у диких животных на воле, проследить за повседневным ростом и развитием детенышей и так далее. А в зоопарке это вполне возможно. Вот почему зоологический парк — правильно организованный зоологический парк — служит неисчерпаемым источником ценных сведений, если животных как следует изучают и должным образом фиксируют полученные данные.

Зоопарки призваны сыграть и чрезвычайно важную просветительную роль. Ныне, с изобретением мегаполиса, большого города, мы плодим в многоэтажных вертикальных сундуках новое поколение, которое растет, не зная пса, кота, золотой рыбки, попугайчика; поколение, для которого источник молока — бутылка, а корова и трава, как и объединяющий их сложный процесс, остаются книгой за семью печатями. Возможно, это поколение и его потомки только в зоопарках и смогут узнать, что не они одни населяют Землю, другие существа тоже пытаются это делать.

И наконец, зоопарки могут сыграть огромную роль в охране фауны. Прежде всего они должны стремиться к тому, чтобы максимум представленных в них особей плодились; это позволит уберечь от истощения дикие популяции. Но еще важнее создавать жизнеспособный плодовитый фонд видов, численность которых в природе упала до угрожающе низкого уровня. Не один зоопарк успешно выполнял и выполняет эту задачу.

Из доброй тысячи видов, которым грозит вымирание, многие представлены настолько малочисленными популяциями, что без программы разведения в неволе, наряду с обычными мерами охраны, просто нельзя обойтись. Много лет люди, с которыми я разговаривал (включая директоров зоопарков), явно довольствовались крайне смутным представлением о возможностях и важности, даже необходимости размножения животных в неволе как средстве охраны фауны. Однако в

последние годы наиболее передовые зоопарки и благоразумные поборники охраны природы стали говорить о «зоологических резервах» для определенных видов, попавших в ряд исчезающих. Это значит: когда численность какого-то животного сократится до известного минимума, необходимо принять все меры для охраны его в дикой природе, но, кроме того, следует профилактически создать в зоопарке жизнеспособный плодовитый фонд, а еще лучше — учредить особый питомник. Тогда, что бы ни случилось с дикой популяцией, вид уцелеет. Более того, если вид вымрет на воле, вы, располагая плодовитым ядром, можете в будущем попытаться реинтродуцировать животное в безопасные для него районы прежнего ареала.

Размножение в неволе уже помогло таким животным, как олень Давида, зубр, бонтбок, гавайская казарка и другие, причем кое-кого из них спасло от полного вымирания. Но этим делом занимались немногие зоопарки, и помощь оказана лишь горстке видов. Между тем перечень животных, которые нуждались в ней, чтобы уцелеть, рос с угрожающей быстротой. Мне было ясно, что множество видов может исчезнуть, если этому способу охраны фауны не будет уделено больше внимания.

Я считал, что существующие зоопарки обязаны гораздо интенсивнее заняться этой неотложнейшей задачей. И она должна стать одной из главных в работе каждого нового зоопарка. Ведь по-настоящему нужны не более обширные, а небольшие, специализированные зоопарки, способные сосредоточить усилия на одной задаче, посвятить все силы и время разведению в неволе видов, срочно нуждающихся в помощи. К тому же такие учреждения смогут прийти на помощь менее известным и малопривлекательным животным, которыми обычно пренебрегают, потому что они не пользуются успехом у посетителей; можно сделать упор на создание жизнеспособных размножающихся *групп* угрожаемых видов, доводя их до такой численности, чтобы угроза вымирания миновала, причем

зоопарк будет играть роль не только убежища, но и научно-исследовательской лаборатории, а также, что еще важнее, учебного центра. Содержать и разводить животных, особенно редких и уязвимых животных, искусство, которому надлежит обучать и учиться. К сожалению, в прошлом (да и теперь во многих зоопарках) для ухода за животными нанимали людей, коим следовало бы искать применение своим мизерным талантам где-нибудь в другом месте.

Безотлагательная надобность в такого рода учреждениях казалась мне предельно очевидной, однако в те времена (отчасти и поныне) у моих планов были противники в лице, так сказать, старозаветных защитников фауны. Они никак не хотели взять в толк, что размножение в неволе — важная и нужная вторая линия обороны наряду с обычными способами охраны вроде создания заповедников, парков и подобных объектов. Много лет, стоило на каком-нибудь высоком форуме поборников охраны повести речь о разведении животных, и на вас глядели так, словно вы сторонник некрофилии как средства регулировать численность народонаселения в мире.

Отождествление зоопарков со зверинцами прошлого века укоренилось так прочно, что люди не хотели верить, что у зоопарка могут быть более серьезные цели. Главное возражение сводилось к тому, что все зоопарки скверно организованы и трудно назвать хотя бы один, который проявил бы способность или желание помочь в борьбе за охрану животных, разводя их в неволе. Наоборот, присущая зоопаркам высокомерная установка «этого добра там пруд пруди» делала их растратчиками природных ресурсов; они пополняли свои коллекции за счет диких популяций, когда какие-нибудь экспонаты погибали то ли по недосмотру, то ли по невезению, то ли по обоим причинам вместе. Слишком уж многие зоопарки, говорили поборники охраны фауны, на словах всей душой за охрану, а практически палец о палец не ударяют; слишком многие зоопарки видят в редких животных лишь источник доходов и рекламы, а не

ценные особи, которые нужно беречь и размножать; слишком многие зоопарки кричат о своей «работе по охране животных», которая на деле от продуманной охраны так же далека, как рассада на подоконнике от программы лесовозобновления.

К сожалению, эта критика в большой мере была и остается справедливой. Мои слова о том, что теперь необходимо не множить число обычных зоопарков, а создавать специализированные, с тщательно разработанной программой охраны и разведения животных, ни до кого не доходили. В такой обстановке требовалась немалая решимость, чтобы затевать организацию еще одного зоопарка, даже если у вас было задумано нечто совсем отличное от большинства существующих учреждений этого рода. По всему было видно, что ждать поддержки от поборников охраны бесполезно. Оставалось только основать свой собственный специализированный зоопарк и посмотреть, что из этого получится.

Впрочем, я не настолько увлекся своей идеей, чтобы не отдавать себе отчета в одном существенном факте. Даже если я преуспею, мое творение будет всего лишь маленьким винтиком в большом и сложном механизме охраны природы. Правда, это винтик недостающий и, как мне представлялось, очень нужный. Что ни говорите, даже самые крохотные винтики играют важную роль. Вспомните, сколько планктона, этих малюсеньких, но вкусных рачков, требуется, чтобы мог жить синий кит.

Я быстро убедился, что роскошные планы — это замечательно, но без прочной основы они — дым. Основой в этом случае была звонкая монета. Вся сложность заключалась в том, что я задумал предприятие, которое не могло и не должно было давать прибыли. Для успеха всей затеи необходимо было каждое вырученное пенни тут же вкладывать в дело. Между тем одна мысль о том, чтобы одалживать деньги на предприятие, не сулящее прибыли, для представителей бухгалтерского племени, отнюдь не славящегося беспечностью и легкомыслием, была чревата глубоким нервным потрясением. Еще более пагубно

действовала эта идея на управляющих банками. До тех пор я никогда не подозревал, что у хорошо вышколенного управляющего может быть такое скептическое лицо.

Впрочем, и в этой мгле пробился луч надежды. Банк обещал рассмотреть вопрос о ссуде, если я найду надежное обеспечение. При этом мне деликатно дали понять, что, по их глубокому убеждению, самое лучшее для меня — возвращаться домой, лечь в горячую ванну и вскрыть себе вены. Во всяком случае, такова была суть услышанного мной. Я пренебрег этим советом. Основная проблема заключалась в том, что предложить в качестве обеспечения. Оказалось, что это не такая уж неразрешимая проблема, ибо я располагал одним (только одним) предметом, который мог служить залогом: моим писательским пером. Разумеется, если за ним вообще признают какую-нибудь ценность. Но ведь я написал три книги, пользующиеся большим успехом, — так почему бы, простодушно рассуждал я, не продолжить писательство? И почему бы не получить ссуду под еще не созданные шедевры? Окрыленный своим открытием (раньше я и не подозревал, что обладаю деловой сметкой), я помчался к своему издателю Руперту Харт-Девису и в длинной, яркой, хотя и несколько сбивчивой речи поведал о своих планах. Я так горячо отстаивал задуманное дело, что бедный Руперт, совершенно замороженный, пообещал выступить гарантом на сумму 25 тысяч фунтов — при условии, что я застрахую свою жизнь на такую же сумму: вдруг меня сожрет лев до того, как я смогу вернуть ссуду. К счастью, мне удалось застраховаться.

Итак, деньги появились. Теперь спрашивалось, где осуществлять задуманное. Идеальный вариант — закрытая для посетителей научно-исследовательская станция и питомник — исключался. Посетители нужны, и не только для покрытия текущих расходов: ведь мы должны вернуть ссуду, да еще с процентами. Стало быть, зоопарк надо разместить достаточно близко от крупных населенных пунктов или же в курортной местности с большим наплывом отдыхающих.

Первым делом я подумал о Борнмуте, который со всех точек зрения представлялся мне самым подходящим местом. В другой книге я уже рассказал, как пытался реализовать свою идею там и в соседнем городке Пуле. Не буду здесь повторять эту печальную историю. Достаточно сказать, что из-за близорукости и упрямства местных властей мне пришлось оставить попытки учредить специализированный зоопарк на южном побережье Англии. И вообще было похоже, что вся Англия находится под пятой местных органов, не видящих дальше своего носа и оградивших себя такими изошренными бюрократическими хитросплетениями, что ты оказываешься связанным по рукам и ногам, словно забрел в сети гигантского паука. Потеряв надежду добиться толку в собственно Англии, я расширил круг поисков. Сказал себе, что мне нужен небольшой административный округ со своими установлениями. Не такая уж дикая идея, как это может показаться; мне тотчас пришли на ум два самоуправляющихся района Соединенного Королевства — остров Мэн в Ирландском море и Нормандские острова в проливе Ла-Манш, расположенные ближе к Франции, чем к Англии. Изучив первый вариант, я отверг его, потому что Мэн находится слишком далеко на севере — климат для моей затеи неблагоприятный. Куда больше привлекал меня Джерси — главный из Нормандских островов. Вот только одна загвоздка: я не знал там никого.

Снова обратился я к моему многострадальному издателю, и снова Руперт меня выручил. Через него я познакомился с майором Фрейзером, который постоянно проживал на Джерси и доверчиво согласился помочь мне подыскать подходящее место. Вместе с моей женой Джеки я прилетел на Джерси; майор Фрейзер встретил нас, и мы проехали на его машине по острову, знакомясь с различными участками. Увы, каждому из них чего-то не хватало. Заметно приунывшие, мы взяли курс на владения самого Фрейзера, где нас ожидал завтрак. И вот перед нами поместье Огр — постройка из местного гранита цвета

осенних листьев, огромный сад, обнесенный каменной стеной, внутренний двор с въездом через две великолепные арки шестнадцатого века, а кругом мягкими складками простиралось полтора десятка гектаров возделанных земель. С первого взгляда я понял: это то, что мне надо. Но годится ли посягать на родовое поместье человека, оказавшего тебе гостеприимство? В конце концов, призвав на помощь весь такт, на какой я вообще способен, я предал гласности свои мысли. И с удивлением услышал, что майор Фрейзер подумывает о том, чтобы перебраться в Англию — очень уж дорого частному лицу содержать такое поместье. Так что он охотно сдаст мне его в аренду с правом выкупить поместье позднее, когда мы поднимемся на ноги. Тут же мы отправились к надлежащим властям, и моя идея была принята с неподдельным восторгом. В итоге я в каких-нибудь три дня нашел подходящий участок, обзавелся всеми нужными разрешениями, чтобы основать зоопарк, и получил «добро» органов самоуправления Джерси. В три дня я достиг того, чего не смог добиться за год борьбы с тяжеловесной английской бюрократией. Что ни говорите, у небольших самоуправляющихся территорий есть свои достоинства.

На первых порах зоопарк производил далеко не солидное впечатление. Помещения для животных при всей их добротности не ласкали глаз, но что поделаешь, если денег не хватало. И мы надеялись исправить положение в ближайшем времени по мере того, как наше учреждение будет расти и преуспевать. Создавая зоопарк, я в то же время должен был зарабатывать на жизнь, и добывать средства на покрытие ссуды. Понятно, материал для книг я мог собрать только в новых экспедициях, но это меня вполне устраивало, ведь теперь я впервые точно знал, что ждет моих зверей (какие клетки и какой уход), когда я их привезу. С другой стороны, уезжая в экспедиции, я был вынужден оставлять новорожденного на попечение управителя. Очень скоро выяснилось, что это было

роковой ошибкой. Вернувшись из очередной экспедиции, я обнаружил, что придется отложить дальнейшие поездки и взять бразды правления зоопарком в свои руки, пока дело не кончилось полным банкротством. Последовали два, мягко выражаясь, весьма утомительных года. Приходилось брать новые ссуды для борьбы со смертностью детенышей; в то же время я должен был писать, чтобы прокормиться и как-то покрывать долги, которые достигли угрожающих размеров.

Нам повезло, что с самого начала удалось создать коллектив из преданных делу, работающих сотрудников; без них вся моя затея, несомненно, зачахла бы на корню. Я рассказал им о своих финансовых затруднениях, подчеркнул, что наше предприятие висит на волоске, и заключил, что самое верное для них — искать себе другое место, где они могут рассчитывать на приличное жалование и более надежную перспективу. К их великой чести, все они решили остаться, и после многих лишений и испытаний, после черных дней, когда мы буквально не знали, протянем ли до конца недели, нам удалось вывести зоопарк из опасной зоны. Сперва медленно, затем все увереннее он начал расти и преуспевать. Три года упорного труда ушло на создание прочного фундамента.

Наконец критическая пора осталась позади. Доходов от входных билетов хватило бы на многие годы благополучного существования обыкновенного небольшого зоопарка. Но ведь не об этом я мечтал, когда закладывал основу своей коллекции. «Карманных» зверинцев, не приносящих никакой пользы, и без того было предостаточно. Чтобы наш зоопарк развился в задуманное мной учреждение, требовалась финансовая поддержка со стороны. Оставался единственный путь: превратить его в трест с научным уклоном.

В Америке, как я узнал потом, словом «трест» чаще всего обозначают кредитное учреждение. Но в Англии под трестом подразумеваются также клубы или ассоциации, которые, как правило, больше озабочены добыванием, а не распределением

средств. Мой трест должен был представлять собой филантропическую научную ассоциацию некоммерческого типа; такая форма освобождает от подоходного налога и к тому же позволяет принимать пожертвования со ссылкой на то, что налоги внесены жертвователями.

Устав был разработан мудрейшим собранием юристов и бухгалтеров. Мы решили назвать ассоциацию Джерсийский трест охраны диких животных. В окончательной редакции цели треста были сформулированы так:

1. Поощрять интерес к охране диких животных во всем мире.

2. Создавать в неволе плодовые колонии различных видов фауны, которым угрожает истребление в дикой природе.

3. Снаряжать специальные экспедиции для спасения исчезающих видов.

4. Изучая биологию таких видов, накапливать и систематизировать данные, которые помогут охранять исчезающих животных в дикой природе.

Первые члены пришли в трест не совсем обычным путем. Разумеется, садясь писать книги, я с самого начала думал о создании зоопарка, на основе которого будет организована ассоциация. А потому все письма с одобрительными отзывами я аккуратно хранил, полагая, что люди, которым понравились мои книги и которые взяли на себя труд написать об этом, по всей вероятности, согласятся стать членами-основателями нового треста. И как только трест был формально учрежден, я обратился к каждому из авторов писем с просьбой поддержать нас. К нашей радости, большинство ответило согласием. Так сложилось членское ядро нашего треста.

Однако, прежде чем передавать дела ассоциации, надо было решить еще одну проблему — покрыть первоначальный заем, истраченный на будущую штаб-квартиру треста. Мне было ясно: если новорожденная ассоциация получит на крестины в подарок долг в размере около 35 тысяч фунтов, у нее будет

очень мало надежд вырасти в серьезное и преуспевающее научное учреждение. Оставался единственный выход: я принял весь долг на себя. В итоге, когда были завершены юридические процедуры и трест начал свое существование, я передал зоопарк со всем его имуществом доверенным лицам и совету без доведка в виде внушительной задолженности.

За двенадцать лет, прошедших с той поры, новорожденный вырос в юного крепыша. Говорю «юного», потому что впереди еще долгий путь, но основа заложена весьма прочная. За двенадцать лет мы кое-что сделали. Первоначальная коллекция — обычный смешанный набор — в значительной мере уступила место жизнеспособным колониям исчезающих животных; видов теперь стало меньше, а особей больше, как и было задумано. Мы добились похвальных по нашим масштабам результатов в размножении животных; некоторые виды впервые дали потомство в неволе — свидетельство того, что мы успешно осваиваем новые методы. Что еще важнее, получен приплод от многих редких и исчезающих видов. Важное значение приобрела наша научная картотека; основанный на ней «Ежегодный отчет», рассылаемый всем членам треста, стал весьма ценным научным документом. Более двух миллионов посетителей ознакомились с нашей коллекцией животных в штаб-квартире треста — поместье Огр; численность членов растет с каждым годом, и с каждым годом укрепляются наши научные и финансовые позиции.

Недавно я побывал в Америке, где участвовал в учреждении Международного треста охраны диких животных; эта родственная организация позволит расширить сферу нашей охранной работы. Уже теперь ее содействие приносит плоды не только на Джерси, но, что еще важнее, помогает нам распространять свою деятельность и на другие уголки мира. Наш трест вместе с американскими коллегами уже проделал существенную работу в разных странах. Мы предоставили финансовую помощь и консультации для таких начинаний, как

разведение недавно обнаруженного вновь карликового кабана и исчезающего малого антильского попугая; проведены «спасательные» экспедиции в Сьерра-Леоне и в Мексику для отлова вымирающих животных (вулканического кролика и других), чтобы создать плодовые колонии.

Для жителей Джерси мы, понятное дело, по-прежнему остаемся «зоопарком». Это в порядке вещей, да только зоопарк наш не совсем обычный. Мы преследуем совершенно четкие цели, ясно представляя себе роль современного зоопарка в охране животных и в научных исследованиях. В этом смысле наше заведение все еще единственное в своем роде: время, деньги и энергия целиком направлены на разведение животных в неволе во имя сохранения фауны. Мы не ограничиваемся пропагандой таких мер, мы проводим их в жизнь. В этой книге я постараюсь показать, в чем мы преуспели, где потерпели неудачу и чего надеемся достичь в предстоящие годы.

Глава 2. Позолоченная клетка

Здесь достаточно повторить следующее основное положение: идеальное решение для зоопарков — не стремиться точно воспроизводить среду обитания, а с учетом биологических принципов транспонировать естественную среду в искусственную в условиях зоопарков.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Малый простор и малые помещения направляют ум на верный путь; в обширных помещениях ум рассеивается.

Леонардо да Винчи

Одно из наиболее распространенных заблуждений, с которым постоянно встречаешься в зоопарках, — это взгляд на животное как на узника. Взгляд такой же неверный и устарелый, как если бы в наши дни люди все еще верили, что внутри радиоприемников и телевизоров сидят маленькие человечки, которые там говорят, поют и танцуют.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Многие ньюйоркцы всю жизнь проводят в пределах территории, уступающей по размерам деревенскому поселку. Стоит им удалиться от собственного дома на два квартала, и они уже на чужбине, и чувствуют себя не в своей тарелке,

пока не вернутся обратно.

Э. Б. Уайт

Всякий, кто соприкасался с зоопарками, должен волей-неволей признать, что архитектура этих заведений далека от искусства. Обычный архитектор ведет себя в зоопарке, словно ребенок, впервые получивший кубики. Дай ему волю, он нагромоздит постройки, проку от которых будет не больше, чем от домиков, сооруженных пятилетним дебилом.

Главная проблема зооархитектуры в прошлом (да и теперь дело обстоит немногим лучше) заключалась в том, что клетки и вольеры конструировались людьми с мыслью о *людях*. Как ни странно, но приходится подчеркивать, что при конструировании каких-то помещений для животных необходимо учитывать четыре момента (назову их по степени важности):

1) потребности животного, 2) потребности человека, ухаживающего за животным, 3) потребности публики, которая придет смотреть животное, и 4) эстетические воззрения архитектора и садовника при зоопарке.

В обычном зоопарке вы слишком часто увидите, что эта последовательность нарушена. Вашим глазам предстанет величественное сооружение — мечта архитектора, приводящее в восторг публику, но никак не пригодное для животных и обслуживающего персонала. Я называю это «антропоморфной архитектурой», а возникновение ее обусловлено двумя причинами.

Во-первых, архитектор хорошо *знает*, что нужно ему и публике, а именно нечто просторное и ласкающее глаз (чтобы успокоить совесть, страдающую от мыслей о воображаемых тяготах неволи). Однако он *не знает*, что нужно животному, а так как обычно между архитектором и лицом, ответственным за благо животного, нет ровным счетом никакого взаимодействия, на свет являются архитектурные монстры.

Конечно, ждать от каждого зооархитектора, чтобы он разбирался в зоологии, было бы так же нелепо, как ждать

честности от каждого политика, и все же не вредно архитектору уметь различать жирафа и соню, как и политику полезно отличать правду от кривды. Судя по конечному продукту, в большинстве случаев архитектор после короткого инструктажа засучивает рукава и выдает наилучшее, на его взгляд, архитектурное решение, мало задумываясь над тем, что нужно животным и персоналу. В современных зоопарках, увы, слишком много клеток, вовсе не подходящих для своих обитателей, но публика, как ни странно, редко их критикует — были бы чистые и аккуратные. Оттого и получается, что многие зоопарки стремятся увеличивать размеры клеток, хотя животные в большинстве случаев используют лишь одну пятую предоставленного им пространства и, наверное, чувствовали бы себя куда надежнее в более тесной обители.

Помню, как я осматривал новехонький слоновник вместе с одним достаточно известным директором зоопарка из континентальной Европы, который полагал, что архитектор, работающий на зоопарк, должен почитать заказчиком зверей и прежде всего исходить из их пожеланий и нужд. Довольно долго мы молча созерцали новое чудовищное сооружение, наконец мой друг нарушил тишину.

— Это для чего же? — спросил он хриплым шепотом.

— Для слонов, — коротко ответил я.

— Для слонов? — Он вытаращил глаза. — Для слонов? А почему такой конструкции, для чего эти острые выступы поверху, они зачем?

— Если верить архитектору, — объяснил я, — вся постройка в целом призвана изображать стадо слонов на водопое.

Мой друг закрыл глаза и со страдальческим лицом пробормотал на малоизвестном балканском наречии страшное проклятие в адрес всех архитекторов. Собственно, только последнее слово я и разобрал, причем гость вложил в него столько яда, что ему позавидовала бы плюющая кобра.

Мы вошли внутрь помещения, напоминающего обезображенный собор. Мой друг обозрел предназначенное для животных ограниченное пространство и огромный лабиринт для публики, затем поднял взгляд вверх, туда, где, будь это и в самом деле собор, высоко-высоко висели бы колокола, передернул плечами и снова воззвал к некоему балканскому божеству.

— Зачем потолка высокий такой? — спросил он меня; не очень хорошо владея английским, гость под влиянием увиденного и вовсе стал запинаться. — Зачем потолка высокий такой, а? Или они думают, слон вдруг захочет полететь наверх и устроить там ночлег?

Познакомьтесь с зоопарками в разных концах света, и вы увидите сколько угодно таких архитектурных убожеств. Самый подход к тому, как строить клетки, загоны и дома для животных, годами был и во многом остается неправильным. Есть зоопарки, добившиеся серьезных успехов, но их, увы, так мало. Когда проектируют зоопарк, прежде всего интересуются не потребностями животных, а запросами публики. Между тем для надлежащей постановки дела нужно следующее:

1) клетка, образующая необходимую животному территорию, с убежищем, где ее обитатель может укрыться для отдыха;

2) устраивающие данное животное партнер или партнеры;

3) надлежащий корм: привлекательный на взгляд животного и питательный на ваш взгляд;

4) возможно меньше поводов для скуки; другими словами, клетка должна быть щедро «обставлена», желателен также один-два соседа, с которыми можно в свое удовольствие поцапаться и повздорить без кровопролития.

Однако антропоморфная позиция посетителей ведет к тому, что для животных по-прежнему грозят жуткие постройки, обожаемые зоопарками нашего столетия современные эквиваленты индуистских обезьяньих храмов; и

сколько же несчастных и неблагодарных макак встретили свой конец, дрожа от холода в таких сооружениях.

Беспокойство публики за животных, содержащихся в неволе, похвально, однако чаще всего основано на заблуждениях. Люди редко, очень редко обсуждают в зоопарке то, что и впрямь заслуживает обсуждения, зато готовы поднимать страшный шум из-за вещей, которые не играют ровным счетом никакой роли для животного.

Говорят: не годится держать животное в клетке, не годится обречь его на заточение, не годится лишать свободы. Мало кто критикует конструкцию клеток, огонь критики направлен против самой идеи клетки. Тот факт, что в природе территории разных животных отличаются по своему характеру и размерам, что они в зависимости от вида могут охватывать и несколько квадратных метров, и несколько квадратных километров, точно так же как у людей есть сады, поместья, графства и государства, открыт сравнительно недавно, и для исследователя тут еще непочатый край работы. Тем не менее именно этот факт нужно постоянно помнить, когда конструируешь клетку или вольер для животного. Поместить зверя в вольер еще не значит лишить его свободы, ведь территория есть своего рода природный вольер, и слово «свобода» означает для зверя не то же самое, что для воинствующего свободолюбца из рода гомо сапиенс, который может позволить себе роскошь тешиться абстрактными идеями. На самом деле вы отнимаете у животного то, что для него куда важнее, — *территорию*, участок обитания; вот и постарайтесь дать ему полноценную замену, иначе оно будет тосковать, хиреть, а то и вовсе умрет.

Чтобы клетка стала территорией, нужно подчас совсем немного, и не размеры тут главное. Форма клетки, количество веток или отсутствие их, маленький бассейн, куча песка, колода — любая деталь может сыграть решающую роль. Непосвященный посетитель зоопарка не придаст ей значения, тогда как для животного она превратит клетку в территорию, а

не посылаю обитель, где оно будет влачить жалкое существование. Повторяю, размеры — не главное. Как раз в этом пункте наши критики ошибаются, потому что обычно весьма смутно представляют себе насколько регламентирована жизнь большинства животных. Как правило, сутки дикого зверя до того монотонны, что перед ними будни лондонского клерка покажутся чем-то вроде первых пяти томов «Тысячи и одной ночи». Людям невдомек, сколь ограничена площадь, в пределах которой протекает все существование иных представителей фауны. Часто животные растут, размножаются и умирают на относительно маленькой территории, выходя за ее границы лишь в том случае, если им недостает какого-то важного компонента.

В дождевых лесах Западной Африки, на краю поляны, где я устроил свой лагерь, росли три десятиметровых дерева, сплошь покрытые лианами и эпифитами. Они стояли вплотную друг к другу и воплощали весь известный мир одной беличьей четы. На этом крохотном ареале две белки средних размеров располагали всем необходимым. Тут и корм — плоды, побеги, насекомые; тут и питье — роса и дождевая влага в кармашках, где сучья соединялись со стволами. И наконец, что не менее важно, они располагали друг другом. Я провел на этой поляне четыре месяца. От зари до зари белки были у меня на виду, и ни разу я не наблюдал, чтобы они выходили за пределы своих трех деревьев, кроме тех случаев, когда требовалось отогнать незваных сородичей.

Три насущных фактора, которыми были обеспечены эти маленькие грызуны, судя по всему, одинаково управляют жизнью всех животных: возможность воспроизведения рода, доступ к пище и воде. Эти же факторы определяют требования к территории, являющей собой вид естественной клетки. Я не говорю, что противники содержания зверей в неволе не правы, хочу только сказать, что в своей критике они исходят из неверных посылок. Антропоморфный подход — вот что

страшнее всего.

В зоологической экспедиции вы немало узнаете не только о территории, но и о критической дистанции. Речь идет о наименьшем расстоянии, на какое животное подпускает врага, прежде чем обратиться в бегство. Это расстояние неодинаково для разных видов, но само понятие действительно для всех животных, в том числе для человека. Если не верите, пойдите в поле, где пасется бык, и определите сами для себя критическую дистанцию. Когда вы налаживаете отношения с только что пойманным диким животным, самая трудная задача — убедить его сократить критическое расстояние (не забудьте, вы — враг, к тому же такой, который все время маячит перед глазами). Кроме того, вам надлежит обеспечить животное новой территорией взамен природной.

Возьмем, к примеру, ту же белку. Посадите только что пойманную белочку в забранный проволочной сеткой простой деревянный ящик (обычно выступающий в роли транспортной клетки), и пленница будет в страхе метаться и прыгать при каждом вашем приближении. Так может продолжаться месяцами, может продолжаться без конца — и все потому, что зверек разом лишился своей территории и возможности соблюдать критическую дистанцию. Ему некуда деться от вашей чудовищной руки, когда она вторгается в лилипутский мир зверька, чтобы навести порядок и накормить его.

А теперь поместите белку в тот же ящик, предварительно отгородив в одном конце спальню с узким входом, только-только пролезть зверьку. Тотчас вся картина переменится. У белки есть убежище, где она может укрыться, когда вы вторгаетесь на ее территорию. Сидя в тихой спальне, она может — пусть не безучастно, но, во всяком случае, без чрезмерной тревоги, — наблюдать, как вы чистите клетку, как забираете мисочки и, наполнив их водой и плодами, ставите на место. Разумеется, чтобы завоевать доверие животного, на спальню поначалу надо посягать возможно реже. А это подчас

легче сказать, чем сделать, потому что некоторые животные, как и некоторые люди, — страшные скопидомы, они будут старательно прятать в своем убежище все, чего не в силах съесть, — со временем пригодится! Когда запах гниющих остатков становится невыносимым, поневоле вторгаешься в спальню и наводишь чистоту, но чем больше вы можете с этим поременить, тем лучше.

Освоившись полностью в новых условиях, животное даже будет предвкушать периодические вторжения в его убежище: ведь появятся свежие банановые листья или пучки травы, а с ними съедобные семена и мелкие насекомые, волнующие запахи из внешнего мира, и можно предаться увлекательнейшему занятию — приготовлению новой постели.

Мой опыт показал, что такая спальня — превосходное средство наладить контакт с большинством мелких млекопитающих. Одна дикая белка освоилась быстро, что, когда через три дня возникла необходимость убрать в ее убежище, она забралась туда и начала устраивать постель, буквально вырывая у меня из рук свежие банановые листья. А один на редкость сварливый и воинственный карликовый мангуст уже через несколько часов твердо решил, что не только спальня, но и вся его клетка неприкосновенна. Незамедлительно признав ее собственной территорией, он яростно защищал свой участок обитания не хуже раненого тигра. Приходилось выдумывать всяческие уловки, заманивая зверька в один конец клетки, чтобы можно было поставить воду и корм в другом конце без риска, что мангуст устроит вам кровопускание.

Размеры обычных транспортных клеток определяются простым соображением: перевозить животное в маленькой клетке безопаснее, чем в большой, так как угроза травм для узника гораздо меньше. К сожалению, грузчики далеко не всегда бережно обращаются с клетками, они могут и повернуть их не так, и даже уронить. Однако, несмотря на скромные размеры транспортных клеток, вы сплошь и рядом видите, как животное,

привыкнув за несколько месяцев к надежному убежищу, по прибытии в зоопарк отказывается сменить его на более просторную квартиру. Транспортная клетка вполне заменила естественную территорию, превратилась в знакомый и безопасный участок обитания, где животное было обеспечено кормом и водой.

Новая клетка, будь она хоть в пятьдесят раз просторнее, ничего этого на первый взгляд не сулит, разве что предоставляет больше свободы, которая так волнует людей. Но животное меньше всего помышляет о свободе, ему нужна безопасность, а ею оно уже было обеспечено в тесной транспортной клетке. Частенько ничего не остается, как вносить транспортную клетку в стационарную и оставлять ее там на много дней, а то и недель, пока осторожное и консервативное животное не признает большое помещение своей территорией. И даже освоившись на новом месте, оно чуть что стрелой умчится в маленькую клетку, которую привыкло считать своим домом.

В одной из экспедиций в Западную Африку нам принесли трех галаго Демидова. Принес охотник в самую последнюю минуту, когда мы уже направлялись к морю, чтобы поспеть к отходу нашего корабля. Все же я купил зверьков. Но куда поместить их? У нас оставалась лишь далеко не новая плетеная верша местного изготовления длиной полметра с лишком, шириной пятнадцать сантиметров; хорошо еще, что галаго Демидова — самые маленькие представители рода (величиной с выдерживающего строгую диету золотистого хомячка). Вся троица удобно разместилась в верше, куда я напихал сухих банановых листьев. Галаго Демидова особенно милы: большие черные глаза, нежные уши, мягкая зеленовато-серая шубка, а легкостью и быстротой движений они напоминают влекомые ветром пушинки.

Как только мы три дня спустя добрались до побережья, я первым делом смастерил настоящую клетку и перевел моих галаго в новую квартиру. Вершу я не выбросил, и слава Богу: в

клетке зверьки сразу начали хиреть. Забились в спальню, отказывались от еды и глядели на меня огромными печальными глазами, словно три феи в изгнании. Не видя другого выхода, я вернул их в вершу; они тотчас воспрянули духом, стали есть и вести себя как положено. На пути в Англию верша, предназначенная совсем для других целей, начала разваливаться, приходилось то и дело чинить ее веревочками. Прибыв в зоопарк, галаго единодушно отвергли предложенную им клетку, раз в пятьдесят превосходившую размерами вершу. Ничто не могло заставить зверьков покинуть любимившуюся им плетеную обитель. Пришлось повесить ее на стенке новой клетки, и минуло около года, прежде чем галаго осмелели и начали выходить на простор. Но большую часть времени они по-прежнему проводили в рассыпающейся верше, не пожелали променять ее даже на специально изготовленную более вместительную и гигиеничную корзину. Наконец через два года верша, которую зверьки в три дня признали своим домом, окончательно распалась, но за этот срок очаровательные маленькие упрямы привыкли к новой квартире.

Впервые меня заставила призадуматься над тем, что я назвал бы транспортной территорией, мешотчатая крыса; она же явила мне пример того, как хладнокровно некоторые животные мирятся с пленом. Мешотчатые крысы, крупные серые грызуны ростом с молодую кошку, в изобилии водятся в некоторых районах Западной Африки. По большей части это довольно флегматичные существа, но, как и у всяких животных, у них есть свои маленькие причуды и особенности. Сюда можно отнести полное отсутствие страха, ибо я еще не встречал ни одной мешотчатой крысы, которая не была бы готова хорошенько тяпнуть вас; притом делается это словно невзначай, как-то рассеянно, я бы сказал, походя.

Другая крайне досадная привычка (тогда я о ней еще не знал) — набивать огромные защечные мешки едой, которую не удается одолеть в один присест, и уносить ее в спальню.

Заполучив первую в жизни мешотчатую крысу — и первый укус данной особи, — я охотно согласился оставить ее спальню в покое; однако вскоре определил, что ей явно не хватает корма. Мисочка неизменно блистала чистотой, и из спальни на меня сквозь паутину дрожащих усиков глядели печальные глаза этакого Оливера Твиста, перевоплотившегося в грызуна.

Озадаченный, я без устали подбрасывал в клетку корм, пока в один прекрасный день не увидел, что крыса почему-то не заходит в свое убежище. В чем дело? Оказалось, спальня была до такой степени набита съестными припасами, что при всем желании туда не войти. Хотя я уже усвоил, что на спальню лучше не покушаться, по молодости и по неопытности мне было невдомек, что такое невмешательство чревато нежелательными последствиями в виде гниющей пищи. Пришлось урезать паек и раз в десять дней вторгаться в заветное убежище. При второй уборке я опять обнаружил большие запасы: было очевидно, что я по-прежнему перекармливаю свою мешотчатую крысу. Уменьшив порцию скоропортящегося сочного корма, вроде бананов и папайи, я зато прибавил батата и арахисов, не боящихся долгого хранения в спальне. Так была решена и эта проблема.

Но тут мой узник выкинул штуку, которая опять заставила меня крепко призадуматься. Затеяв однажды вечером уборку, я обнаружил, что спальня пуста, если не считать горки еды на постели из банановых листьев. В задней стенке зияло аккуратно прогрызенное отверстие, а «чертова скотина умотала в буш», как с несравненной меткостью выразился приставленный к животным африканец-служитель. Я попытался утешить себя избитым речением «на ошибках учатся» и мысленно постановил впредь обивать клетки мешотчатых крыс железом. Когда же утром я пришел за клеткой, чтобы отнести ее плотнику во исполнение задуманного, то увидел в спальне свернувшегося калачиком беглеца.

Я не поверил своим глазам. Вопреки всему, что толкуют

большинство несведущих любителей животных, зверек *вернулся* в ненавистное узилище. Неслыханно! Я оставил крысу в покое и стал наблюдать за ней. Каждый вечер она выходила из спальни, чтобы наесться, напиться и с важным видом унести недоеденное в свое убежище, причем от набитых защечных мешочков казалось, что у нее свинка. Припрятав остатки, она с большим старанием и шумом приготавливала постель. Подходила к прогрызенному отверстию в задней стенке, пригнувшись, завершала приготовление постели, выскальзывала наружу и исчезала в ночи. Через два с половиной часа появлялась вновь, забиралась в спальню, закусывала и, свернувшись калачиком, мирно спала до утра.

Так продолжалось два месяца, после чего пришла пора перебраться в другой район, за двести с лишним километров от предыдущего. Как-то моя мешотчатая крыса отнесется к перемене территории? На время переезда я заделал дыру куском жести, но убрал его, как только был разбит новый лагерь. Зверек отнесся к перебазировке с невозмутимостью высокопоставленного деятеля, привыкшего к дальним перелетам, и продолжал устраивать постель, откладывая про запас еду и совершать ночные прогулки в лес. Он оставался верным этой привычке вплоть до нашего отъезда в Европу, когда мне поневоле пришлось обить клетку железом, ибо я подозревал, что капитан парохода при всей симпатии к нам вряд ли одобрит ночные странствия мешотчатой крысы. Сама же крыса явно уразумела, что настал конец этому этапу в ее жизни, отлично прижилась в клетке, и мне приятно сообщить, что она благополучно здравствовала еще десяток лет в зоопарке, куда была отправлена.

Через несколько лет я приехал в Парагвай, и надо же было случиться так, что моя экспедиция совпала во времени с государственным переворотом. В Парагвае, как и в некоторых других южноамериканских странах, перевороты — нечто вроде национального вида спорта. На сей раз поединок чрезмерно

затянулся, ни одна из сторон не могла взять верх, и поскольку не было возможности вывезти приобретенных мной зверей, пришлось их отпустить. Большинство моих узников провело в неволе около трех месяцев и успело привыкнуть к опеке. Теперь они отказались уходить. Слонялись вокруг лагеря, ожидая кормежки, а несколько наиболее энергичных и толстоклювых попугаев продолбили себе путь обратно в клетки сквозь дерево и проволочную сетку. Естественно животные, пойманные позже, поспешили скрыться в делях, но пристрастившихся к неволе пришлось отвезти подальше от лагеря — только тогда они поняли, что от них требуется.

Вот почему я так остро реагирую на выпады неосведомленных критиков. Они твердят, что не годится отнимать у животного «свободу». Добро бы знали что-нибудь о жизни животных, но ведь не знают. В их представлении поместить зверя в клетку — примерно то же, что лишить его возможности в дни отдыха совершить увеселительную поездку, посетить концертный зал, покататься на лыжах в горах. На животных эти доброжелатели смотрят как на косматых человечков: этикие дядюшка Фред и тетюшка Фреда в меховых шубах. Но ведь это вовсе не так, каждый зверь — индивидуальность со своими взглядами, своими симпатиями и антипатиями. А потому очень важно, особенно когда берешься критиковать, попытаться взглянуть на вещи с точки зрения животного, а не своей собственной. Ведь вы вряд ли согласитесь стать супругом бегемотихи, хотя среди бегемотов найдется бездна желающих.

Из такого понимания неволи и возникла антропоморфная архитектура: не зная, в чем нуждается животное, люди *воображают*, будто им это известно, и приписывают ему *свои* запросы. Красивая большая клетка — вот лозунг. С большой клеткой они готовы мириться, пребывая в счастливом неведении о том, что данному наземному животному нужна площадь, а не высокая клетка, напоминающая старинные стоячие часы, что

древесный обитатель захиреет в клетке высотой в полметра, как бы широка она ни была. Им невдомек, что красивая большая клетка при всей ее гигиеничности может быть предельно скучным бетонным квадратом, лишенным всего того, что наполняет жизнь зверя, которому надо лазить, прыгать, качаться, принимать демонстрационные позы и метить свою территорию.

Чаще всего клетки в зоопарках ругают за две вещи: малые размеры и решетки. Как мы уже убедились, размеры для клеток не главное. Теперь о решетках. Вопрос весьма непростой. Хотя в большинстве современных зоопарков решетки, придававшие столь неприглядный вид зверинцам прошлого века, уступили место более приятным для глаз и души материалам, у многих представление о зоопарке по-прежнему связано с решетками, а решетки — с тюрьмами. Попробуй растолкуй этим людям, что решетки *только для них* равнозначны заточению.

Так, в клетке приматов удачно размещенные решетки доставляют удовольствие животным: по ним можно лазить, на них можно висеть. Нередко в сконструированных на потребу публики цементных камерах человекообразных обезьян с устройствами для лазания дело обстоит так плохо, что обитатель клетки был бы только рад доброй старинной решетке. Для блага и радости таких активных древолазов, как орангутан или гиббон, решеток чем больше, тем лучше. Не могу забыть душераздирающую картину, которую я наблюдал в одном зоопарке на континенте. Великолепный взрослый орангутан был заточен в камере размером три на четыре с половиной метра без наружного отделения. Обитель бедняги освещалась маленьким и весьма грязным фонарем, укрепленным на потолке. На дворе стоял яркий, солнечный день, а в клетке царил такой сумрак, что надо было напрягаться, чтобы рассмотреть животное. И никакого оборудования: ни жердей, ни каната, ни качелей, ни полки. Забранный стеклом цементный ящик — вот и вся клетка. Орангутан сидел посреди пола, держа в руках лоскут мешковины, который он то надевал себе на голову, то снимал.

Это было все, чем он мог занять свой чрезвычайно пытливый и острый ум. В такой клетке решетка была бы великим благом. Когда мы у себя конструировали наружные клетки для человекообразных, все это и многое другое было учтено.

Размеры наших клеток определялись длиной и высотой уже существовавшего здания (старинной каменной постройки для яблочного пресса), в остальном же мы могли действовать по своему усмотрению. Два основных соображения руководили нами: обезьяны должны видеть, но не касаться друг друга, и внутри клеток должны быть максимальные возможности для гимнастики. Видеть друг друга обезьянам важно по очень простой причине: чтобы внимание было чем-то занято. В любом зоопарке одно из главных зол для животных — скука, а когда речь идет о человекообразных обезьянах и других приматах, эта проблема приобретает особенно острый характер. Человекообразные чрезвычайно любопытны, им непременно надо знать, что происходит в соседней клетке. Так и хочется сравнить их с выглядывающими из-за тюлевых занавесок старыми девами.

Если клетки стоят в ряд, их обитатели могут следить за соседями только через решетчатые или проволочные перегородки. Нас такой вариант не устраивал по двум причинам. Во-первых, мы знали по горькому опыту: где сетки и решетки, там и укушенные пальцы. Во-вторых, стресс, вызванный постоянным тесным соседством с потенциальным соперником, способен испортить нрав любой человекообразной обезьяны и любого животного вообще. В конце концов наш архитектор нашел блестящее решение. Он придал клеткам почти ромбовидную форму; они частично соприкасались, но не смыкались. При такой конструкции каждая обезьяна видела, во всяком случае, часть соседней и следующей клеток.

Дальше возник вопрос, как оформить передние стенки. В ту пору у нас было плохо с деньгами, не приходилось и помышлять о небьющемся стекле, которое мы потом применили

для секции горилл. Оставались решетки — лишь они обладали достаточной прочностью, чтобы противостоять мускулам взрослой гориллы, орангутана или шимпанзе. Однако я был решительно против вертикальных прутьев, которые придавали такой жуткий вид зверинцам прошлого века, и в конце концов после долгих споров и экспериментов мы остановились на переплетах вроде тех, какие применяются при армировании бетона, с прямоугольными просветами высотой двенадцать и шириной двадцать сантиметров. Такая решетка не производила гнетущего впечатления, не мешала публике рассматривать животное и позволяла взрослым обезьянам лазать всласть. Да и для новорожденных получились отличные лестницы. Вообще мы явно угодили малышам: когда у них прорезаются зубы, они страсть как любят почесать десны о холодный железный прут.

В наше время зоопаркам пора бы уже подходить с гораздо большей ответственностью к конструированию клеток, тщательно учитывая биологию животных. Клетка должна позволять ее обитателю вести возможно более естественный образ жизни и в то же время облегчать работу тех, кто наблюдает и ухаживает за животным. Словом, каждая клетка должна быть своего рода экспериментальной лабораторией, а не дурно сконструированным ящиком для показа животного публике, как мы это видим теперь.

Боюсь, большинство клеток в зоопарках не отвечает биологическим особенностям своих обитателей. Во многих случаях сам зоопарк тут и не виноват; он вынужден использовать придуманное и построенное десятки лет назад, когда еще не знали того, что знаем мы о потребностях животного, когда только-только начинали изучать такие вещи, как территория, критическая дистанция, стрессовые факторы. Но и в наши дни рождаются на свет уродливые сооружения, как правило, стоящие огромных денег. Появление этих никудышных конструкций ничем не оправдано. Речь идет об антилопниках, смахивающих на третьеразрядную мужскую уборную; о птичьих

вольерах, в которых даже птеродактилю было бы неуютно; об огромных павильонах, где замысловатым механизмам отведено в три раза больше места, чем животным; о постройках, где из-за стремления показать возможно больше разных видов под одной крышей на каждого зверя приходится минимум пространства.

По всему миру я наблюдал в зоопарках ужасные картины. Видел клетку гиббонов, где для разминки обезьяны могли только висеть на проволочной сетке или прыгать по испещренным дырами бетонным плитам, глядя на которые казалось, что творец сего безобразия вознамерился (без особого успеха) превзойти наиболее абстрактные скульптуры Генри Мура. Дыры в поставленных на ребро серых плитках призваны были служить убежищем в ненастную погоду. Видел слоновники с такими узкими проходами для обслуживающего персонала, что с тачкой не пройти, а надо ли говорить, что группа слонов, как ни милы эти животные, ежесуточно производит достаточно экскрементов, чтобы требовалась тачка. Видел дом для мелких млекопитающих, где клетки разделял сорокасантиметровый просвет, что исключало возможность найма тучных служащих, давая тем самым не совсем обычный повод для вмешательства профсоюзов, борющихся с дискриминацией.

Недавно мне довелось созерцать изобретательно и роскошно оформленный дом для птиц, стоивший сумасшедших денег. На мой вопрос, как же в этих огромных клетках ловят заболевших особей, мне ответили, что это довольно сложная проблема. Мол, единственный выход — сбивать их струей теплой воды из шланга. Если уж дело дошло до таких сильных средств, подумал я, можно просто стрелять в птиц из ружья, конечный итог будет примерно одинаковым. Вся постройка могла служить типичным образцом антропоморфной архитектуры: она воплощала последнее слово техники *показа* птиц и для публики была верхом совершенства. Не совсем уверен, что птицы разделяли точку зрения публики, хотя

конструкция вроде бы создавалась для них.

Мне показывали сделанный по новому проекту загон для верблюдов, где только полуметровая ступенька призвана была помешать животным смешаться с публикой и дать волю своей очаровательной привычке брыкаться и кусаться. Меня заверили, что этой меры вполне достаточно: дескать, верблюды не любят спускаться по ступенькам. Хотелось бы теперь услышать — сами-то верблюды были об этом осведомлены, когда их перевели в новую обитель?

Бетон — сравнительно дешевый строительный материал, поэтому никуда не денешься от того, что его широко применяют в зоопарках. Однако людям почему-то невдомек, что бетон легко замаскировать. И постройки для зверей вовсе не обязаны выглядеть так, словно они призваны устоять против атак вражеской армии. В умелых руках бетон хорош и полезен, но в зоопарках мира из этого немудрящего вещества сотворено больше безобразия, чем из какого-либо другого материала. Кажется, зачинщиком дурного поветрия был Любеткин, который в 1930-х годах создал для зоопарков ряд ужасающих по бесполезности и уродству конструкций. Похоже, с той поры слова «зоопарк» и «бетон» стали чуть ли не синонимами. В Австралии один директор зоопарка до того увлекся сим волшебным материалом, что только на него и налегал. Вскоре его заведение уподобилось унылому перенаселенному итальянскому кладбищу. Мой друг, обаятельный французский орнитолог, сказал об этом человеке: «Беда не в том, что у И. дурной вкус, а в том, что у него вообще нет никакого вкуса».

Один город на Западном побережье США опрометчиво поручил проектирование своего зоопарка архитектору, который столь же опрометчиво взялся за это дело. Обожая цемент и его ближайшего родича, железобетон, и обладая художественными наклонностями гуннского вождя Аттилы, сей деятель создал нечто умопомрачительное. Оторопь берет, когда видишь, как много бетона использовано на строительство такого числа

никуда не годных клеток. Чувствуешь острое желание все снести и начать строить заново, но разве справишься с этими горами бетона? Это же все равно что сносить египетские пирамиды. Особенно меня потряс вольер в виде глубокой цементированной ямы с подобием бетонного острова посередине. Остров венчало нечто вроде эскимосского иглу из бетона. В целом конструкция напоминала наиболее суровые участки Хайберского прохода в горах Афганистана. Архитектор не позволил своим украшательским наклонностям умалить совершенство этого шедевра; бетон предстал взгляду посетителей во всем своем великолепии, нигде не оскверненный росписью, барельефами, орнаментами или лепниной. Мне предложили угадать, для кого предназначена эта уродливая яма. Я, не задумываясь, принялся перечислять наиболее стойких от природы животных, способных жить среди таких мрачных круч. Павианы? Гривистые бараны?.. Я не угадал. Огромное голое бетонное биде, стоившее баснословных денег, было сооружено для орангутанов, которые больше других человекообразных обезьян привязаны к деревьям. Знаменитая тюрьма Синг-Синг — и та лучше: в ней есть пригодные для лазанья решетки.

Мало того что несчастные животные и обслуживающий персонал должны выносить глумление архитекторов — теперь размножаются, будто поганки, так называемые «консультанты по зоопаркам». Эти румяные херувимы, выходящие на охоту стаями, заверят вас, что готовы спроектировать целый зоогородок со всем, чего вы пожелаете, от слоновника до дельфинария. Одна минута — бульон готов, только не забудьте заправить звонкой монетой. Смысл, цель? Ну нет, это не по их части. И вообще зачем зоопарку цель, это же чисто престижное заведение. Без зоопарка ваш город не может тягаться с соседним городом. А если, не дай Бог, во всей стране нет зоопарка, вашу нацию могут посчитать неполноценной.

Большинство в этих своеобразных шайках составляют архитекторы. Разумеется, иногда (дабы вы не усомнились в

честности их намерений) они берут в компанию двух-трех человек, способных при некотором старании отличить жирафа от оленя, может быть, даже носорога от бегемота, хотя я, унылый скептик, сомневаюсь, достаточно ли этого. Неужели этим людям будет позволено производить на свет новые выводы архитектурных недоносков, заколачивать новые гвозди в гроб идеи о зоопарке как о научном учреждении?

Само понятие *содержания* животных меняется на наших глазах, да что там, в корне изменилось за последние двадцать лет, но с клетками сдвиг только-только намечается. Лучшие зоопарки ориентируются теперь не на единичные особи и не на пары, а на группы животных. Гораздо больше внимания уделяется борьбе с главным изъяном неволи, о котором люди так редко задумываются, — скукой. Без угрозы со стороны хищников, располагая даровым кормом, водой и партнером, чем животному заниматься? Остается умирать со скуки наподобие какого-нибудь несчастного отпрыска богатых родителей. Зоопаркам будущего надо делать упор на меньшее разнообразие видов и большее число особей. Создавать самовозобновляющиеся группы, частично, а то и полностью устраняя необходимость расходования диких популяций. И первый шаг в этом направлении — правильная конструкция клеток и вольеров.

Хочу еще раз подчеркнуть: что хорошо для вас, необязательно благо для животных, и не всегда животному нравится то, что по вкусу вам. Ярким примером может служить наша колония африканских цивет. В 1965 году я впервые привез из Камеруна прекрасный экземпляр этих чудесных зверьков с черно-серой пятнистой шубкой; потом нам удалось раздобыть для него супругу из Уганды. Крайняя бедность вынудила нас тогда оборудовать логово для цивет в большом деревянном ящике из-под авиационного мотора. Пока ящик был новым, логово выглядело вполне пристойно; к тому же, заверяли мы себя, это временная мера, от ящика избавимся, как только

появятся деньги на благоустроенную постоянную обитель. Но когда появлялись деньги, они, как это всегда бывает, уходили на более важные дела и на более важных животных. Логово цивет оставалось нетронутым, если не считать мелкие усовершенствования и текущий ремонт.

Как уже сказано, пока ящик был новым, нас он вполне устраивал, но по мере того, как он старел, мы начали глядеть на него с отвращением и, проходя мимо, смущенно отворачивали голову, как отворачиваются деятели англиканской церкви, проезжая мимо принадлежащих им трущоб. Правда, наши подопечные в отличие от обитателей трущоб отнюдь не радовались, они хорошо прижились и (при участии нескольких особей, приобретенных мной в Сьерра-Леоне для освежения крови) стали размножаться, да так, что мы заняли первое место в мире по разведению африканских цивет. На сегодняшний день получен приплод в количестве сорока девяти особей. Пары выращенных нами цивет разосланы в зоопарки по всему свету, и наблюдение над нашей колонией дало интереснейший материал о поведении, течке, копуляции, продолжительности жизни, численности помета, сроках беременности и так далее. И хотя африканская цивета пока не относится к редким животным, хотя нет неотложной необходимости разводить ее в неволе, тем не менее наш опыт очень даже пригодится, если в будущем мы сможем позволить себе организовать операцию по спасению других членов семейства виверровых (например, индийской циветы), да и вообще других мелких хищников вроде столь интересных обитателей Мадагаскара.

Итак, занимаясь размножением цивет, мы собрали бездну важных данных. Но особенно примечательно то, что животные размножались в далеко не гигиеничном, а теперь и вовсе дряхлом ящике из-под авиационного мотора. Мы его терпеть не можем, а циветам он явно по душе.

И все же постоянно следует думать о том, как совершенствовать условия содержания животных. До чего

хорошо, когда есть возможность оборудовать серию клеток или загонов для какой-то одной группы животных! В прошлом в одном и том же обезьяннике держали и мармозеток величиной с крысу, и горилл весом до полутора килограммов. Да что там, в секциях мелких млекопитающих под одной крышей обитали муравьед и крыса, броненосец и валлаби. Надо ли говорить, что обеспечить идеальные условия для столь разных животных было невозможно; то ли дело — отдельные дома для горилл и для мармозеток. Конечно, разные виды мармозеток, и не только виды — группы, даже особи, отличаются друг от друга повадками. Но, построив помещение *лишь для этих* крохотных приматов, вы затем можете сосредоточиться на их потребностях, не разбрасываясь на сотню-другую совсем различных видов.

Мы надеялись, что в нашем комплексе для мармозеток и тамаринов решены если не все, то хотя бы некоторые проблемы. Еще в 1939 году я завел в качестве комнатного животного черноухую мармозетку, и это обаятельное существо прожило у нас восемь лет, что тогда считалось рекордом для этих мелких приматов. Мармозетка свободно гуляла по дому и саду в любую погоду; единственная скидка на нежность ее организма заключалась в том, что мы постоянно держали в гостиной включенной одну лампочку, у которой обезьянка могла погреться, когда становилось холодно. Постелью служил кусок старой шубы, и на ночь мы клали ей грелку. Казалось бы, не самые хорошие условия, однако мармозетка чувствовала себя отлично; на моих глазах она по часу играла на снегу, потом спешила к лампе, чтобы отогреть ноги.

Вот вам и нежное существо. Если взять обмен веществ, то хрупкие игрунковые ближе к птицам, чем к млекопитающим. Им привычна жаркая и влажная атмосфера тропического дождевого леса. А эта особь была рада обилию свежего холодного воздуха и редким порциям солнечного света, на которые так скуп прихотливый английский климат. Со здоровьем все было в порядке; густая шубка лоснилась. Все же, переиначивая

известную испанскую поговорку, одна мармозетка не делает лета. Может быть, мне достался представитель данного вида на редкость спартанского склада. Поэтому, когда в Джерсийском зоопарке у нас появилась возможность экспериментировать с двумя молодыми краснорукими тамаринами, мы поместили их в большой вольер с обогреваемым укрытием, куда они могли войти в любое время. Результат был тот же, что и с моей черноухой мармозеткой. Они великолепно чувствовали себя, и выросла чудесная пара с густой, словно каракуль, шерстью.

Этот опыт вместе с множеством других наблюдений, накопленных за годы работы, был учтен, когда в 1970 году щедрое пожертвование позволило нам выстроить специальный комплекс для мармозеток и тамаринов. Наш заместитель по научной части Джереми Молинсон всегда был глубоко равнодушен к игрунковым, поэтому ему была поручена, как он говорил, самая приятная в его жизни задача: конструировать новое здание.

Мы постановили, во-первых, что у каждой группы мармозеток будет своя клетка-вольер, обращенная на юг, чтобы предельно использовать хорошую погоду. Далее надо было решить ту же проблему, что и с человекообразными обезьянами, — разместить клетки так, чтобы их обитатели могли видеть друг друга и препираться, как бы обороняя свою территорию, но на безопасном расстоянии: не будет покусанных пальцев или хвостов, не будет стрессов. Мы поступили примерно так же, как в первом случае: фасад каждого бокса заканчивался клиновидным фонарем, и вот в этих-то соседствующих фонарях животные могли видеть друг друга, не соприкасаясь.

Ушли в заднюю часть вольера — и вовсе уединились от соседей. Внутренние секции были устроены намного сложнее, тут Джереми дал полную волю своему воображению.

Секции размером 122х91х152 сантиметра были собраны из матового пластика особой марки по специальному проекту,

который предусматривал все необходимое для животных (спальный отсек, полка, устройства для лазания, инфракрасные лампы и так далее) и предельно облегчал обслуживание. Так, пластиковые полы сделали наклонными, чтобы упростить уборку. Спальные боксы запираются и вынимаются, животных можно переносить в другую клетку с минимальным риском травмировать их психику. За годы существования зоопарка мы держали и разводили тринадцать видов мармозеток и тамаринов и накопили немалый опыт. Когда пишутся эти строки, мы располагаем лучшей и самой представительной в Европе коллекцией этих очаровательных исчезающих маленьких приматов и надеемся еще больше увеличить численность и видовое разнообразие наших колоний.

Когда строишь новые помещения для животных и пытаешься улучшить старые конструкции, все время приходится экспериментировать. И ошибки почти неминуемы. Как ни старайся предупредить их на чертежной доске, что-нибудь да упустишь. Проектируя для зоопарков, неизменно учишься на ошибках; остается лишь надеяться, что ошибки будут не очень серьезными. Взять, к примеру, использование стекла. На мой взгляд, это пусть дорогой, но все же один из лучших материалов для оборудования клеток. Он создает ощущение простора (свободы, если хотите), которое, уверен, одинаково ценится и животными, и публикой. Вы рассматриваете обитателей клетки без визуальных помех в виде решеток и проволочных сеток. Правда, у стекла есть серьезные минусы помимо дороговизны; самый главный из них заключается в том, что в минуты стресса животные склонны забывать о его присутствии.

Оборудуя новое внутреннее помещение для наших южноамериканских тапиров, мы в интересах публики вставили в стену две панели из зеркального стекла. Между панелями находилась дверь для обслуживающего персонала; верхняя часть двери была забрана армированным зеркальным стеклом толщиной три четверти дюйма. Несколько лет тапиры

благополучно здравствовали в своей обители, сознавая, что стекло — преграда, хотя и незримая. Но однажды Юнона, одна из самок, чего-то вдруг испугалась (поди угадай — чего), а может быть, ей приснилось, что за нею гонится ягуар. Так или иначе, она, недолго думая, прыгнула — да не на большое видовое стекло, а на армированное стекло в двери. Просто диво, как она при этом не сломала себе шею. Еще большее диво, что Юнона не умерла от глубоких порезов, прежде чем ее наконец поймали почти за километр от клетки и уладили транквилизатором. Однако главное чудо во всей этой истории, что она была тогда на шестом месяце беременности и не успели ее раны как следует зажить, как Юнона благополучно произвела на свет отпрыска, который и весом, и здоровьем превосходил всех своих предшественников в нашем зоопарке.

Конечно, еще один минус стекла — реакция стоящего перед ним гомо сапиенс. Встречаются среди публики люди, которые при виде стекла и животного за ним хватаются за кирпич. К счастью, у нас в Джерси таких случаев пока не было. Разве что какие-нибудь веселые повесы вырезали на стекле инициалы своих подружек, чтобы доказать им, что алмаз в кольце настоящий. Когда этот трюк проделывают на купленном за границей бронированном стекле стоимостью около 600 фунтов стерлингов за лист размером 1,2x1,8 метра, невольно начинаешь плохо думать о посетителях и в миллионный раз спрашиваешь себя, стоит ли вообще применять стекло, чтобы они лучше видели животных.

К числу наиболее сложных и дорогостоящих конструкций относится наш комплекс для горилл. Он пока что себя вполне оправдал, если не считать один маленький недостаток: комплекс недостаточно велик. Всякий раз, начиная строить клетку, ты говоришь себе, что она будет достаточно вместительной, а закончил работу — либо у животных появился приплод, либо готовая конструкция далеко не так просторна, как представлялась на бумаге. Но откуда нам было знать, что наши

гориллы, восхищенные новым жильем, начнут размножаться с такой скоростью и регулярностью, что никакой конвейер Форда с ними не сравнится.

История комплекса для горилл интересна еще и потому, что показывает, какую роль в успехах нашего треста сыграло везение. Сначала мы приобрели самку Н'Понго, ей тогда было всего два с половиной года. Уже в первые дни, пока готовилась клетка и мы держали Н'Понго в своем доме, обнаружилось, какое это очаровательное существо; она вела себя даже лучше, чем многие гостившие у нас представители рода человеческого. По мере того как Н'Понго выросла, стало очевидно, что ей нужен супруг или хотя бы подруга — уж очень рьяно проявляла она свое расположение к мужчинам из обслуживающего персонала (хорошо еще, что ей было неизвестно постоянство). Если горилла весом около восьмидесяти килограммов проникнется нежными чувствами и не выпускает вас из клетки, вам остается лишь мириться с ее ухаживаниями. А посему, невзирая на нашу бедность, я приобрел еще одну самку, Ненди; она была помоложе, но крепкая и здоровая. Гориллы отлично поладили, и Н'Понго обожала Ненди, хотя не скрывала, что считает себя хозяйкой в клетке. Шли годы, наши холостячки благополучно здравствовали в своей квартире, однако было очевидно, что надо что-то предпринимать, и эта проблема серьезно меня беспокоила.

Нужен был партнер в том же возрасте или постарше наших девушек. Время от времени в продажу поступали самцы, но все они были слишком дорогими и слишком молодыми; пока они достигнут зрелости, наши самки уже состарятся. Приобрести молодого взрослого самца представлялось почти невозможным, а ведь нам еще приходилось считаться с тем, что самец, буде мы его все-таки получим, может невзлюбить самок или они невзлюбят его. Да и где гарантии, что ему известно, как происходит размножение. Словом, мы могли оказаться обладателями обделенного любовью самца и двух тоскующих

дев. В довершение всего мы сознавали, что нынешняя обитель годится для наших горилл только потому, что обе самки ручные и к ним можно входить, а пусти туда неуравновешенного молодца — еще неизвестно, чем это кончится. С финансами у нас, как всегда, было туго, и я знал, что на новую клетку денег взять негде. Казалось, мы зашли в тупик — и тут нам дважды привалило фантастическое счастье.

В зоопарк поступили новые животные, и местное телевидение, всегда уделяющее нам большое внимание, прислало, как обычно, свою группу, чтобы подготовить репортаж. Перед началом съемок я побеседовал с ведущим; новый человек на студии, он был поражен, каким обширным земельным участком располагает трест. Я заметил не без горечи, что от тридцати пяти акров не так уж и много радости, когда нет денег, чтобы их использовать. Ведущий предложил мне сказать это в ходе интервью. Я ответил, что говорил об этом множество раз и все без толку, но, если он настаивает, могу повторить.

Интервью было заснято, и вечером я увидел его на экране. Едва кончилась передача, как раздался телефонный звонок. Девушка с телефонной станции извинилась, что беспокоит нас, поскольку мы держим свой номер в секрете, но дело в том, что меня разыскивает один джентльмен, который хочет предложить мне денег. Я никогда не стеснялся брать деньги у незнакомых людей, а потому попросил соединить джентльмена со мной. Владелец приятного голоса назвался Брайеном Парком и сообщил, что сию минуту видел меня по телевизору. Верно ли, что мне нужны деньги?

— Нам всегда нужны деньги, — ответил я, мгновенно прикинув, что здесь можно рассчитывать по меньшей мере на полсотни соверенов.

И тут Брайен Парк сделал то, чего за все годы не удавалось совершить никому из моих родичей, друзей и врагов. Несколькими словами он заставил меня потерять дар речи.

— Что вы сделали бы, если бы я дал вам десять тысяч

фунтов?

Это было настолько неожиданно, что я никак не мог смекнуть, куда можно вот так сразу применить десять тысяч фунтов. За ночь я, естественно, опомнился. У нас были сотни дыр, но важнее всего — новое помещение для горилл. К моему облегчению, Брайен не возражал. Так у нас появились средства на новую клетку, вот только самца по-прежнему не было.

И тут нам вторично повезло. Эрнст Ланг, директор Базельского зоопарка, первый человек, которому удалось в Европе добиться потомства от горилл в неволе, с большим участием следил за нашими делами и особенно за судьбой наших двух незамужних горилл. И вот я получаю от него письмо с предложением продать нам Джамбо, взрослого самца, рожденного и выращенного в его зоопарке. Более того, Джамбо уже доказал свои способности производителя, став отцом маленькой самочки. Приобрести взрослого самца, выращенного в неволе, — невероятно! Да еще и проверенного на деле производителя — невероятно вдвойне! Проблема с гориллами решилась чуть ли не одним махом. Засучив рукава, мы принялись проектировать комплекс, которому присвоили имя Брайена Парка.

Наши грандиозные замыслы в какой-то мере лимитировались особенностями рельефа: участок наклонно спускался к большому заливному лугу. Выбор именно этого участка определялся тем, что новое помещение, хотя и самостоятельное, явилось бы естественным продолжением прежнего обезьянника. Крутизна откоса осложняла дело, но в конце концов задача была решена.

Мы были вполне довольны результатом, и до сих пор комплекс нас только радует. В нем три сообщающиеся спальни с отоплением в полу; через задвижные двери из каждой спальни можно попасть на площадку размером 10x15 метров с бассейном и устройствами для лазания. Площадка необычная: над ней нет крыши. Высота стен — 3,5 метра; две из них как бы собраны в

гармошку, и в каждой складке есть окно размером 1,2x1,8 метра. Изнутри стены совершенно гладкие, не зацепишься; в окна вставлен «бутерброд» полуторайдовой толщины из прокатанного вместе пластика и стекла, который даже бульдозером вряд ли пробьешь. Все сооружение смотрит на юг, чтобы обезьянам доставался не только дождь, но и максимум солнца; спальные отсеки снабжены навесом, образующим своего рода веранду. Недавно мы прикрепили к этому навесу телекамеру, которая позволяет, когда надо, следить за обезьянами круглые сутки.

В такой постройке немалую роль играют детали. Нужно было верно рассчитать наклон нар, чтобы легче было мыть их струей из шланга, но и чтобы гориллы не чувствовали себя так, словно они живут на склонах Джомолунгмы. Перегородки между отсеками выполнены в виде переносных решеток. Их можно убрать, и получается одно большое спальное помещение. Мы остановились на решетке по двум причинам. Во-первых, животные могут видеть друг друга, когда их почему-либо разводят; во-вторых, если понадобится выстрелить в гориллу иглой с наркотизатором или лекарством, мы можем это сделать без риска для себя из соседнего отсека.

Уступы в стенах образуют ниши, где гориллы могут уединиться; ведь животные, как бы хорошо они ни ладили, тоже иногда желают отдохнуть друг от друга, подобно супругам в человеческом обществе.

Мы тщательно продумали, в какие цвета красить комплекс. Большая конструкция занимает видное место на краю заливного луга; не угадаешь с краской, и получится что-нибудь столь же ненавязчивое и ласкающее глаз, как газгольдер. После долгих споров и экспериментов мы остановились на неяркой, оливково-зеленой краске для наружных стен. Она камуфлирует комплекс весной и летом, когда он сливается с окружающими деревьями. Изнутри применили светло-желтую краску. Получилось очень симпатично, и гориллы хорошо смотрелись на

таком фоне, однако вскоре дали себя знать минусы. Краска оказалась слишком светлой, и, поскольку комплекс обращен на юг, желтые поверхности в солнечный день уподоблялись зеркалам или рефлексорам, яркий свет резал глаза. Теперь стены изнутри голубые, а пол песчаного цвета. Это гораздо лучше, но все же мы не совсем довольны.

На очереди у нас еще один большой проект: новый комплекс для разведения рептилий. По сложности он намного превзойдет все, что мы до сих пор строили. Рептилии, как правило, не пользуются особой симпатией, поэтому и в зоопарках, и в кругах борцов за охрану фауны ими как-то пренебрегали. Я всегда полагал, что на пожертвования от добрых людей для разведения рептилий нечего надеяться, это тебе не птицы и не млекопитающие. Однако нам, как это уже было с гориллами, опять сказочно повезло. В Джерси собралась Первая всемирная конференция по разведению исчезающих видов, и среди сотен участников оказались давние члены треста, супруги Гэрти из Канады. В ходе конференции они улучили минуту, чтобы подойти и сказать мне лестные слова о планировке зоопарка и состоянии животных.

— Одно только портит картину, — продолжал Джеффри Гэрти. — Понимаете, мы с женой увлекаемся герпетологией, сами держим и разводим всевозможных рептилий. Ваши особи выглядят прекрасно, а вот террариум, мягко выражаясь, плоховат.

Я признался, что и сам отлично вижу недостатки нашего террариума (он был оборудован в бывшем гараже), и хвастливо — впрочем, больше в шутку, чем всерьез, — заявил гостю, что охотно построю лучший террариум в мире, если он подбросит денег. Тут же мы разошлись, поскольку мне надо было вести очередное заседание, и снова я встретился с четой Гэрти лишь перед самым их отъездом.

— Послушайте, — сказал Джеффри Гэрти, — вы это серьезно говорили? Если я раздобуду денег, вы в самом деле

построите лучший террариум в мире?

— Конечно, — ответил я. — Нас тормозит только отсутствие средств. А что?

— А то, — продолжал доктор Гэрти, — что я, помимо всего прочего, эксцентричный миллионер.

— Пройдемте в мой кабинет, — молвил я, испытывая легкое головокружение.

— У меня там лежат кое-какие предварительные наброски, которые были заготовлены на случай встречи с человеком вроде вас.

Так началось осуществление проекта, который, я надеюсь, выльется в уникальный центр по изучению и разведению удивительных и многократно оклеветанных созданий, именуемых рептилиями. Сразу скажу, что мы отнюдь не желаем стать обладателями столь типичных для зоопарков ужасных террариумов с широким набором совершенно различных видов, содержащихся день и ночь круглый год при одинаковой температуре. Мы сосредоточимся на ограниченном количестве исчезающих видов змей, ящериц и черепах. На строительство ушло три года, и сейчас, когда пишутся эти строки, мы готовимся завершить отделку. И, как всегда, со страхом спрашиваем себя, какие промахи были допущены нами на чертежной доске.

Наша конструкция необычна тем, что в отличие от большинства существующих террариумов мы главное место отвели не витринам, а скрытым от глаз публики отсекам для размножения. Ибо считаем, что разводить рептилий — наша первая задача, а демонстрировать их — вторая. Во многих случаях бывает трудно, а то и вовсе невозможно размножить рептилий в обычных террариумах, потому что условия среды не регулируются так, как надо. У нас внутренние отсеки состоят из специально сконструированных клеток, где приборы отмечают малейшие колебания влажности, освещения и температуры, позволяя обеспечить определенный суточный и сезонный ритм.

Скажем, для животных с Калимантана мы постараемся воссоздать в миниатюре условия муссонного периода, когда он наступает в природе. Млекопитающие и пернатые — другое дело, они поддаются акклиматизации, и вы можете видеть, как тропические животные весело играют на снегу. Обмен веществ у рептилий исключает такие крайности. Они способны переносить малые колебания температуры, но для успешного содержания и размножения пресмыкающихся микроклимату надо уделять куда больше внимания, чем при уходе за другими животными.

Строительство зоопарков — увлекательнейшая задача, и в ее решении делаются только первые шаги. Сочетать удачную демонстрацию животных для публики с наилучшими условиями обитания для особей вполне возможно, но слишком мало зоопарков преуспело в этом. Как только предпочтение отдается показу, животные проигрывают. Притом мне кажется, что режим строгой экономии для директоров и архитекторов в этой области — не такая уж плохая вещь. Нам не раз удавалось доказывать, что эффективная постройка не обязательно должна быть дорогой. Конечно, изысканное оформление — это хорошо, но и при скромных денежных и материальных ресурсах можно добиться поразительных результатов. Как-никак только людям важна дорогостоящая эстетическая сторона. Животным нужна клетка, где они чувствовали бы себя дома; добейтесь этого, и вы будете вознаграждены.

Глава 3. Замысловатая задача

Затем внесли блюдо, на котором лежал огромнейший вепрь. Голову его венчал колпак вольноотпущенника; на каждом клыке висело по корзине, они были выстланы пальмовыми листьями и наполнены одна сирийскими, другая фивскими финиками. Маленькие поросята из теста, испеченные в духовке, окружали вепря, словно искали соски... Вооружившись охотничьим ножом, раб вспорол брюхо вепря, и внезапно из отверстия в боку животного вылетели дрозды.

Петроний. Пир Тримальхиона

Греки называли эту птицу Упуна, потому что она обмазывает свое гнездо человеческим калом. Это мерзкое существо поедает зловонные экскременты. Оно кормится мертвецами... Если человек перед сном вымажется кровью этой птицы, ему приснится, что его душат бесы.

Паук — это воздушный червь, ведь он добывает корм из воздуха, длинной нитью притягивая добычу к своему маленькому тельцу.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Знаменитому гурману Брийя-Саварену принадлежат слова: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты». К сожалению, простое правило это неприменимо к животным. Не помогает и перестановка его членов. Зная, какое животное перед вами, вы можете лишь приблизительно отнести его к той или иной категории едоков, без учета индивидуальных симпатий и антипатий, если только вам вообще что-либо известно о его

естественном рационе. К вам поступило животное, которое руководства характеризуют как «сугубо вегетарианца», — а оно обожает рыбу или мясо; вы получили «сугубо плотоядного» зверя, — а он истекает слюной при виде кисти винограда.

До недавних сравнительно пор в зоопарках не очень-то задумывались над рационами животных; значение этого вопроса явно недооценивалось. Преобладала точка зрения: что не годится в пищу человеку, то идеально для животного, — да и в наши дни слишком многие так рассуждают. Между тем в дикой природе животные, если исключить типичных падальщиков, едят самую свежую пищу, но этот элементарный факт не учитывался. Как часто видел я в зоопарках (даже в самых почтенных), что животным скармливали тухлое мясо и тухлую рыбу, гниющие овощи, переспелые фрукты с плесенью. Такая бережливость, доведенная до крайности, представляется мне ложной экономией. Если вы фермер и держите скотину впроголодь или даете ей неполноценный корм, то не можете требовать от нее ни высокого удоя, ни хорошего приплода. Так вправе ли директор зоопарка рассчитывать на крепкое здоровье своих подопечных и успешное размножение, если кормит их скверно? Сколько раз в прошлом животные попадали в разряд «трудных» только потому, что им давали не тот корм? Этот вопрос мог бы стать темой интересного, хотя и удручающего исследования для специалистов по истории зоопарка.

Мало того что обычный рацион в зоопарках нередко приносил больше вреда, чем пользы, так еще и посетители вносили свою пагубную лепту. Стало принятым ходить в зоопарк, чтобы «покормить зверей», и, что хуже всего, администрация с этим мирилась, потому что прямо или косвенно это упрощало финансовые проблемы. А тот факт, что посетители чаще всего давали животным неподходящий корм и в слишком большом количестве (отсюда болезни, а то и гибель ценных экспонатов), воспринимался философски. Я знаю по горькому опыту, как трудно помешать публике кормить животных в

зоопарке, но в ту пору никто даже не пробовал останавливать посетителей, скорее, их поощряли. Правда, делались робкие попытки побудить этих доброхотов давать животным то, что им полезно, но без заметного успеха. Люди предпочитали потчевать своих любимцев смертельно опасными для них земляными орехами, шоколадками, мороженым (все покупалось в киоске зоопарка), и животные, обжираясь, словно маленькие дети, этими лакомствами, погибали от заворота кишок, энтерита, тромбоза.

Ныне во всех наиболее передовых зоопарках повителям запрещено кормить животных, и хорошо, что запрещено. Но одно дело — запретить, другое дело — помешать. Рядовой посетитель зоопарка считает своим неотъемлемым правом беспрепятственно делать три вещи: щедрой рукой разбрасывать мусор; тыкать в зверей зонтиками и палками или бросать в них камни, чтобы пошевелились, если им вздумалось уснуть или просто стоять неподвижно; скармливать всем животным подряд все, что попало, будь то арахис или рафинад, губная помада или бритвенное лезвие. Да-да, я не присочиняю: наших животных потчевали и помадой, и лезвиями, а кроме того, аспирином, бутылочными осколками, кусочками пластика. Один раз подсунули даже набитую табаком и раскуренную трубку. Похоже, широкая публика еще меньше, чем многие директора зоопарков, смыслит, какая пища годится для диких зверей.

Интересно, что иные животные, в принципе весьма консервативные в своих гастрономических привычках, в зоопарке проникаются neodолимым влечением к пище, которая приносит им минимум пользы, а то и максимум вреда. Проявись у них эта черта сразу после поимки, насколько легче жилось бы зверолову: он знал бы, чем их соблазнить. Сколько испытаний приходится подчас на его долю, ведь задолго до передачи животного в зоопарк зверолов обязан приучить его к новому рациону. Незавидная задача, чреватая не меньшими проблемами и разочарованиями, чем поползновения внедрить французскую

кухню в рядовом английском пансионе.

Но есть другие крайности — животные-монофаги, то есть признающие только один вид пищи. Им подавай такой однообразный рацион, что и средневековый святой осудил бы их за чрезмерное умерщвление плоти. Например, уроженцы Африки и Азии панголины прекрасно обходятся одними муравьями, в некоторых случаях совсем неудобоваримыми на вид черными древесными муравьями, от которых так разит муравьиной кислотой, что у вас слезятся глаза когда вы разоряете муравейник.

В прозрачных лесных речушках Западной Центральной Африки обитает примечательное существо со звучным латинским наименованием *Potomagale velox*, а проще — выдровая землеройка. Это насекомоядное, единственный представитель своего рода (правда, есть на Мадагаскаре отдаленный родич), достигает в длину более полуметра, шубка у него темная, как у крота, глазки крохотные, ключиц нет, мордочка вздутая, так что голова сбоку напоминает усатый молоток, хвост приплюснутый с боков, как у головастика. Любительница вод ведет ночной образ жизни и, во всяком случае в Камеруне, где я ловил выдровых землероек, кормится исключительно пресноводными крабами шоколадного цвета. Когда я поймал свою первую *Potomagale velox* и присмотрелся к ней, мне показалось, что такое сильное животное, похожее на выдру и явно приспособленное для охоты за самой различной добычей, не может обходиться столь ограниченной диетой. Самый фанатичный любитель ракообразных, говорил я себе, не откажется пополнить свой стол свежей рыбой или лягушкой, а то и кусочком водяной змеи. Я стал экспериментировать, предлагал моей пленнице крупных жуков, чудную рыбу разных сортов, расцветок и размеров, тучных лягушек, коротких и длинных змей, птичьи яйца и птенцов. Пустые хлопоты. Землеройка с отвращением воспринимала все потуги разнообразить ее рацион, сохраняя верность хрустящим крабам.

А что в них питательного, недоумевал я, — почти один сплошной карапакс!

Передо мной, сами понимаете, стояла двойная проблема: во-первых, я не мог взять с собой на пароход достаточный запас пресноводных крабов (моя подопечная пожирала за ночь до трех с половиной десятков), во-вторых, ни один европейский зоопарк не в силах обеспечить столь изысканную диету. Увы, к услугам зоопарков нет знаменитых фирм, готовых поставить самое редкое кушанье. А потому моего гурмана надо было приучить к другой пище. Это было легче сказать, чем сделать, и мне пришлось пуститься на хитрость.

На местном рынке я закупил сушеных пресноводных креветок, которыми приправляют кэрри, арахисовое пюре и другие африканские кушанья. Измельчив креветок, я смешал их с мясным фаршем и сырыми яйцами. Весь расчет был на жадность, с какой землеройка набрасывалась на еду в часы кормления. Убив несколько крабов, я начинил карапаксы смесью, но сперва зверек получил обыкновенного краба, которого и схрупал в два счета. Усыпив бдительность землеройки, я бросил ей карапакс с начинкой. Она проглотила около половины, прежде чем заподозрила неладное. Выплюнула очередной кусок, внимательно рассмотрела его сквозь сетку из трепещущих усиков, а затем, к моей великой радости, доела. Через несколько недель землеройка уже ела с блюда смесь, посыпанную лишь для вида кусочками краба.

Другим трудным ребенком оказался большой муравьед, самый крупный представитель семейства муравьедов. Причудливый это зверь: длинная, похожая на сосульку голова, хвост — как вымпел, мощные, совсем медвежьи когти способны взломать твердый термитник для добычи пропитания. Первого муравьеда я поймал в горных областях Гайаны. Мы преследовали его верхом на конях, заарканили, потом, сторонясь когтей, затолкали шипящего, словно газовая труба, пленника в мешок и отвезли в лагерь. Здесь я привязал муравьеда к дереву и

стал соображать, как приучить его к новой пище. Я знал, что для большого муравьеда придуман рацион, включающий сырые яйца, мясной фарш и молоко. Но каким способом убедить зверя есть столь неаппетитный на вид эрзац вместо его любимых муравьев? Об этом немногочисленные руководства по уходу за животными в зоопарках умалчивали.

Порой животные до того верны своим предрассудкам, что наотрез отказываются пробовать новую пищу, даже не подойдут, чтобы понюхать. Речь идет именно о предрассудках, в чем я убеждался, когда позднее то же самое животное с удовольствием уписывало корм, который в первый раз с ужасом отвергало. Иногда подозрительный корм даже становится самым любимым.

Мой муравьед был не такой уж консерватор, и все же на первую миску с молоком, сырым яйцом и фаршем он посмотрел с таким подозрением, словно завтрак ему приготовил какой-нибудь из наименее симпатичных членов семейства Борджиа. Вдруг меня осенило. Взломав термитник, я набрал пригоршню его крупных и весьма непривлекательных на вид обитателей, высыпал их на широкий зеленый лист и пустил его плавать на поверхности молока. Почувяв любимое блюдо, муравьед развернул свой тридцатисантиметровый липкий язык и принялся слизывать термитов. Естественно, язык при этом попадал и в молоко; через несколько минут мой пленник лакал смесь так, будто всю жизнь не ел и не собирался есть другой пищи. В следующий раз мне не пришлось даже прибегать к маскировке. Муравьед чистенько вылизал миску, с ловкостью жонглера отправив в трубочку рта последние крошки фарша.

Как ни упрямы бывают животные сразу после поимки, обычно наступает минута, когда они вдруг совершают поворот кругом. Одной из целей моей экспедиции в Сьерра-Леоне было поймать черно-белых гверец. Основную пищу этих красивых обезьян составляют листья; задача состояла в том, чтобы приохотить их к таким листьям, каких они прежде не ели. Фактически надо было решить тройную задачу: сперва приучить

обезьян к зелени с местного рынка, потом — к пище, которой мы могли их обеспечить на время плавания в Англию, и, наконец, — к тому корму, который мы могли добыть у себя на Джерси. С учетом этого я загрузил в корабельный холодильник ящики с латуком, капустой, морковью, шпинатом и прочими деликатесами, рассчитывая соблазнить ими гверец. Все это, понятно, делалось задолго до того, как я прибыл в Сьерра-Леоне, когда мы еще не знали, сумеем ли вообще поймать гверец и доставить их к морю. Так или иначе, нам удалось-таки добыть семь особей, они благополучно освоились в неволе и согласились есть различную зелень с местного рынка.

Завершив экспедицию, мы спустились к морю, погрузились на пароход, и тотчас гверецы взбунтовались. На лакомства, закупка и доставка которых обошлась нам в кругленькую сумму, — чудесную сочную капусту и шпинат, морковь и помидоры — они смотрели так, словно это был смертельно ядовитый паслен. Мы ломали голову над тем, как не дать обезьянам околеть. В итоге моей секретарше Энн Питерс было поручено заниматься только гверецами, а мы обслуживали остальных зверей в нашей коллекции. К счастью, в развернувшемся поединке характеров воля Энн взяла верх. Лаской и таской ей удавалось заставлять обезьян есть ровно столько, сколько было необходимо, чтобы они выжили. Я говорил себе, что на Джерси у нас будут листья дуба, вяза и липы и все образуется. Когда же мы прибыли на Джерси, гверецы, которые на пути в Англию едва не голодали, вдруг решили, что предлагавшиеся им ранее капуста, шпинат, морковь и помидоры — верх мечты, только успевай подавать.

Не может быть твердых и определенных правил, очень уж различаются между собой отдельные особи. Однажды во время экспедиции в Камерун (Западная Африка) мне удалось поймать трех ангвантибо. Эти своеобразные маленькие золотисто-коричневые представители подсемейства лориевых лемурув, ведущие древесный образ жизни, напоминают

глуповатых игрушечных мишек. До тех пор в Европу не привозили живых особей. Вообще я слышал только об одном человеке, которому удалось содержать в неволе ангвантибо, так что с информацией об их привычках обстояло плохо. Однако я знал, что, кроме плодов и листовых почек, они питаются маленькими птичками, а потому три раза в неделю моим узникам наряду с другим кормом подавались упитанные ткачики. Все три ангвантибо были пойманы в радиусе менее десяти километров от лагеря, в однородной местности, и естественно было ожидать, что у них одинаковые гастрономические привычки. Однако, получив птичку, ангвантибо номер один уписывал ее целиком, оставляя лишь лапки и голову, номер два съедал только грудку, а номер три искусно вскрывал сверху черепную коробку и вылизывал мозг, отвергая все остальное.

Каждодневно, какие бы животные ни составляли коллекцию, вы убеждаетесь, обычно с удивлением, что вкусы их так же разнообразны, симпатии и антипатии так же прочны, как у постояльцев любого крупного отеля. Уже вскоре после нашего поселения на Джерси выяснилось, что два совершенно различных представителя фауны питают неодолимое пристрастие к самой обыкновенной сельди.

Речь шла о южноамериканских тапирах, которых считают чистыми вегетарианцами, и о львах. Конечно, львы — плотоядные, но вряд ли дикая природа снабжает их сельдью! Что до тапиров, ведущих отчасти водный образ жизни, то у нас родилось подозрение: уж не ловят ли они застрявшую в заводях рыбу в засушливое время года, когда пересыхают реки? Правда, я еще нигде не читал, чтобы тапиры в дикой природе были последователями Исаака Уолтона, автора столь популярных в Англии записок об ужении рыбы. Еще труднее представить себе, чтобы рацион льва в саванне сколько-нибудь регулярно включал рыбу, тем более селедку. И все же запах сырой сельди явно показался нашим львам настолько восхитительным, что они не

устояли.

Так или иначе, в обоих случаях мы были только рады, потому что остро пахнущая сельдь — удобная облатка для лекарств, буде они понадобятся. В мясе или фруктах таблетка будет обнаружена, и ее с отвращением выплюнут, а вот в хорошо выдержанной сельди она замаскирована надежно, ее проглотят с блаженным видом. Перечень уловок, которые познаешь на практике, можно продолжать без конца. Например, некоторых птиц слабит от пауков, а для наших человекообразных обезьян роль слабительного играют свежие ананасы.

Всякие бывают причуды. Одна наша африканская цивета, получив бананы, неизменно «убивала» их (только бананы, другие плоды она не казила), применяя способ, которым циветы в дикой природе, очевидно, расправляются со своими жертвами. Схватит банан и трясет, доводя его, как ей представлялось, до беспометства, потом несколько раз бьет плечом, пока не превратит в размазанное по земле месиво. Убедившись, что банан «убит», цивета с наслаждением уписывала его.

Разумеется, когда у животных намечается пристрастие к одной какой-то пище, вам надо быть начеку, потому что иногда они при этом отвергают все прочее. В содержании животных очень важно следить, чтобы им не наскучил рацион. И вы, борясь с однообразием, постоянно предлагаете что-нибудь новое по виду, по запаху, по вкусу. В винограде, например, питания всего-то что толика сахара в большом количестве воды, тем не менее он незаменим как лакомство, приятная добавка к основному рациону, вроде желе на детском празднике. Смотрите только, чтобы не перестараться, не привить животному «виноградной мании».

В Южной Америке была у нас дурукули. Это одна из самых обаятельных обезьян; ее называют также «совиной обезьяной» — очень меткое название, если вы можете

представить себе сову, покрытую шерстью, а не перьями. Еще она примечательна тем, что это единственная обезьяна, ведущая истинно ночной образ жизни. Попав к нам, очаровательное создание вскоре ни с того ни с сего потеряло аппетит. Здоровье было в полном порядке, однако на пищу она глядела совсем безучастно, ковыряя ее с унылым видом клиента в ресторане, похваляющемся своей интернациональной кухней. Было ясно, что необходимо какое-то средство, чтобы стимулировать аппетит нашей подопечной. Не без помощи магии, я уж не говорю о деньгах (в это время мы были в Мату-Гросу), моя жена ухитрилась раздобыть две банки... консервированных вишен! Правда, открыв банки, мы увидели нечто мало похожее на привычные нам вишни: словно кто-то не очень удачно пытался сделать елочные украшения из третьесортного бархата, притом такого ядовито-красного цвета, что даже Снегурочка не сразу решилась бы их принять. а вот наша дурукули с первого взгляда приравнила эти страшенькие ягоды к манне небесной. И до того к ним пристрастилась, что отвергала всякую иную пищу; нам стоило огромных усилий и времени, не говоря уже о деньгах, чтобы снова приучить обезьяну к более питательному, хотя и не такому яркому корму.

Когда вы извлекли животное из природной среды, одна из самых серьезных проблем — противоборствовать скуке. На воле большую часть времени животные проводят в поисках пищи, когда же вы устранили необходимость поиска и стимулирующий голод, легко наступает скука. Возьмите человека, который, проработав три с половиной десятка лет в учреждении или на заводе, уходит на пенсию и оказывается без дела. Во многих случаях он вскоре умирает, и причина его смерти — скука. Точно так же томятся животные, и вы ищете противоядие, в том числе вводя в рацион новые элементы, пусть даже не очень питательные, и расчетливо чередуя любимые вашим подопечным ценные виды корма. Конечно, в идеальных условиях каждое животное кормится отдельно, и вы точно

знаете, сколько чего оно съедает. Но во многих случаях, когда положено групповое содержание, такой контроль затруднен, а то и вовсе неосуществим. У нас есть возможность кормить индивидуально человекообразных обезьян и некоторых других животных, и мы убедились, как важно на случай болезни знать с точностью до чайной ложки дневное потребление каждого из ваших подопечных.

Как уже говорилось, немалую часть своих будней животное занято поиском пищи. Пусть даже поиск не увенчался успехом, он сам по себе играет важнейшую роль. Вот мы установили, что очень полезно почаще класть мелким млекопитающим гниющие колоды. Смакование запахов, усилия, чтобы разломать колоду, поиски чего-нибудь съедобного в куче трухи и сгнившей коры — все это психотерапия для животного, даже если не добыто ничего особенно питательного. Конечно, было бы идеально давать корм животному десять-пятнадцать раз в день, но для этого потребовался бы такой штат, что, как ни желанно это решение, оно, увы, неэкономично. Все же опыт показал нам, что многих животных необходимо кормить два-три раза в день. Впрочем, чтобы занять чем-то группу особей, вовсе не требуется трижды в день подавать им обед из трех блюд. Бросьте горсть зерна или семечек на пол клетки с обезьянами или белками — еды немного, зато бездна занятия животным, пока они, беззлобно перебраниваясь, будут отыскивать зернышки.

Выше я отметил, что в прошлом зоопарки мало задумывались над рационами зверей, да и теперь во многих зоопарках не трудятся проявить изобретательность в разработке и приготовлении рациона. Пожалуй, наиболее серьезные достижения связаны с экспериментами в Филадельфийском зоопарке под руководством Рэдклиффа. Значение его открытий для содержания и разведения диких животных очень велико.

Работая в Филадельфии, Рэдклифф был озадачен тем, что животные попроще хотя и живут долго, но не размножаются. У

других видов с более тонкой организацией, пусть даже они хорошо едят, высокая смертность. Тщательные исследования показали, что в самых полноценных на первый взгляд рационах недостает некоторых микроэлементов, солей и витаминов. После ряда опытов он составил пилюлю, содержащую все необходимые прибавки. Пилюли добавляли в обычный корм, и результат не заставил себя ждать: животные начали размножаться, заметно окрепли, стали дольше жить. Ланг и Ваккернагель в Базельском зоопарке в Швейцарии подхватили инициативу Рэдклиффа, дополнили и усовершенствовали его рецепт и добились новых успехов, в ряду которых не последнее место занимает получение — впервые в Европе — потомства от горилл.

Когда итоги опытов в Базеле были опубликованы, их встретили по-разному. Так, директор одного крупного английского зоопарка в разговоре со мной заявил, что это «дикая чушь, кормят животных одними пилюлями». Другой директор, энергичный человек с широким кругозором, охарактеризовал эти опыты как «чистейший вздор: пичкают животных витаминами, вместо того чтобы кормить как положено». Большая часть моей жизни протекала на материке, поэтому я не столь подвержен самодовольной островной ограниченности, составляющей очаровательную особенность англичан. И невзирая на то, что новая процедура была придумана одной группой иностранцев (американцами), потом усовершенствована и развита другой (швейцарцами), я заключил, что дело это очень важное, заслуживает внимательного изучения, и отправился с визитом, так сказать, к первоисточнику — в Базельский зоопарк. Увиденное там и услышанное от Ланга и Ваккернагеля произвело на меня огромное впечатление, и я вернулся на Джерси, преисполненный решимости как можно скорее применить на деле новые принципы кормления.

Мы долго совещались с нашим мельником мистером Лемарканом, чем заменить некоторые ингредиенты, которые

было трудно раздобыть; наконец он представил нам первый «пирожок». После многих споров, как оформить смесь — в виде батона, или галеты, или как-нибудь еще, мы остановились на базельском варианте: там делали нечто вроде пирожка и резали его на кусочки длиной около двух с половиной сантиметров и шириной в сантиметр. Ланг предупредил меня, что мои животные, если они хоть сколь-нибудь похожи на его подопечных, будут яростно противиться введению нового элемента в их рацион. По его словам, во многих случаях приходилось буквально морить животных голодом, прежде чем они соглашались отведать незнакомую пищу. Зато теперь все обожают ее.

Пророчество Ланга сбылось, омерзение и ужас наших животных можно сравнить с реакцией миссионера, которому предложили бы человеческое мясо в горшочке. Такое недовольство заставило нас призадуматься: может, наше тесто отличается по вкусу от «пирожка» Ланга? Не все ингредиенты совпадают, так, может быть, «первый блин» просто несъедобен? Устроили дегустацию сами и сравнили свои отзывы. «Пирожки» нам понравились, в их вкусе было что-то от орехового печенья. Общее мнение: вполне съедобно. Однако наше одобрение ничего не меняло. Животным смесь никак не нравилась, хоть ты лопни. Оставался только один выход — добавить в нее еще что-нибудь для вкуса.

Одно вещество за другим отвергалось, так как испарилось бы при выпечке. Казалось, мы зашли в тупик, но тут я вспомнил про анисовое семя, испытанное средство, с помощью которого крадут собак и увлекают зверей в ловушки. Добавили его в тесто и с радостью убедились, что готовый «пирожок» сохраняет явственный аромат аниса. Стирая крошки с губ, все согласились, что продукт получился восхитительный. И животные, слава Богу, были согласны с нами. С каким удовольствием мы теперь смотрим, как горилла, когда ей подают полное блюдо различных лакомств, от винограда до сырых яиц, роется черным

указательным пальцем, чтобы извлечь и в первую очередь съесть «пирожки», под аккомпанемент глухих, рокочущих звуков, которыми гориллы выражают блаженство.

Мы разработали также особый состав для хищников, таких, как львы и сервалы, которым sprыскиваем мясо и другой корм. Состав этот нам очень пригодился. На Джерси немалую часть новорожденных бычков забивают сразу или через несколько дней. До нашего прибытия на остров этот ценный источник протеина попросту закапывали в землю; на продажу везти — весу мало, к тому же из-за желтого жира их, вероятно, вообще никто не стал бы покупать. Для нас это было благом, ведь мы могли получать бесплатно мясо почти в неограниченном количестве. Скармливать животным свежайшее мясо вместе с костями, шкурой и внутренностями — лучшего и пожелать нельзя. Однако мы установили, что эта телятина лишена нужного количества солей и витаминов, содержащегося в мясе взрослого скота. Наша смесь возмещала столь важные отсутствующие ингредиенты.

Само собой понятно, что питание и здоровье неразрывно связаны между собой: предложите животному неправильный рацион, давайте корм без витаминов и солей — и вы распахнете дверь куче заболеваний. К их числу относится смертельный недуг, прозванный «клеточным параличом», хотя, как выяснилось на деле, клетки тут ни при чем.

Приматы Нового Света (иногда и Старого Света тоже) поражаются особой формой ползучего паралича, против которого не было никаких средств. «Клеточным» его назвали, допуская, что виноваты тесные клетки, не позволяющие животным двигаться в нужной мере. Полагали, что это ведет к атрофии мышц. Однако я заметил, что болезнь не щадит и обитательниц достаточно просторных клеток; было похоже, что дело в питании.

В те времена, когда я был профессиональным звероловом, это заболевание было, пожалуй, наиболее распространенным и в

силу своей неизлечимости страшным бичом приматов, содержащихся в неволе. Начиналось оно постепенно, почти незаметно, поражая сперва бедра и задние конечности. Вместо того чтобы ходить нормально, обезьяна волочила ноги и вообще старалась поменьше двигаться. Мало-помалу задние конечности совсем отказывали, и паралич распространялся дальше. Однако животных обычно умертвляли, не дожидаясь полного паралича, так как лечить их, повторяю, не умели. В Южной Америке я сам столкнулся со случаями этой грозной болезни среди пойманных мной обезьян и, вернувшись домой, обратился за советом к одному из немногих известных мне думающих ветеринаров. Просто квалифицированных ветеринаров можно найти без большого труда; думающие — такая же редкость, как единорог. Врач (это была женщина) предположила, что болезнь может быть вызвана недостатком фосфора в рационе. Мы проверили корм, который я давал обезьянам, и убедились, что фосфора вполне достаточно.

— А может, — сказала тогда врач, — они почему-то не усваивают этот фосфор.

И предложила делать обезьянам инъекции витамина D3, объяснив, что он помогает в таких случаях. Поскольку в тот момент ни одна из моих подопечных не страдала параличом, я просто поблагодарил за совет, а там и вовсе забыл про него.

Мы уже обосновались на Джерси, когда пришла пора вспомнить о нем. У нас была мартышка-гусар из Западной Африки, очаровательное рыже-черное существо с длинными конечностями, и вот она заболела и стала хиреть на глазах. Быстро развился полный паралич; мартышка совершенно не двигалась, только дышала, а чтобы кормить, приходилось поддерживать ей голову. Тут-то мне вспомнился совет ветеринара, и я поспешил раздобыть D3. Прецедентов не было, но, поскольку средство это считается безвредным, я вкатил обезьяне массируемую дозу. Все равно ведь болезнь зашла так далеко, что вопрос стоял: либо — либо... К моему удивлению,

через двое суток наметилось явное улучшение. Впрыснул еще одну дозу, чуть поменьше. К концу недели мартышка двигала конечностями, а через месяц носилась по клетке с такой энергией и прытью, что никто не признал бы в ней вялое, неподвижное существо, находившееся на грани смерти.

Особенно восприимчивы к этой коварной болезни мармозетки и тамарины, а организм у них нежный, сопротивляемости никакой. Прежде, как только они начинали волочить ноги, это было равносильно смертному приговору. Теперь немедленное применение D3 снимало все симптомы. Конечно, приходилось впрыскивать лошадиную дозу, и, естественно, мармозетки и тамарины не скрывали своего возмущения. Но ведь это делалось для их же блага. К счастью, найден способ давать D3 с пищей внутрь. Приятно сознавать, что «клеточный паралич» отошел в прошлое: нет ничего ужаснее, чем смотреть, как на здоровое во всех остальных отношениях животное наступает смерть, и быть не в силах чем-нибудь помочь.

Думается, роль упомянутых прибавок к обычному корму подтверждается нашими успехами в размножении животных. В любой коллекции, если вы стремитесь к хорошему приплоду, питание играет первостепенную роль, а у нас приплод, пожалуй, один из самых важных, если не важнейший параметр.

Здесь я попытался показать, что кормление животных — не такое уж простое и бесхитростное дело. Нам далеко еще не все известно о том, какой корм нужен животным в неволе. Неизвестно прежде всего потому, что мы плохо осведомлены, сколько и чего они едят на воле. Мы знаем, что в определенное время года некоторые животные идут на солончаки, ищут те или иные фрукты, ягоды или грибы, однако не знаем, какую именно роль это играет для их здоровья. Мы только-только начинаем постигать, что в даваемой нами пище — пусть достаточно разнообразной, чтобы животное не чахло и не болело, — может недоставать витаминов или микроэлементов, от которых,

возможно, как раз и зависит долголетие, крепкое здоровье и хорошее самочувствие, а также плодовитость наших подопечных.

Сознавая, какое огромное поле для исследований тут открывается, мы недавно использовали щедрое пожертвование одного американского фонда, чтобы организовать диетологическую лабораторию. Первым делом предстоит исследовать все наши нынешние рационы, чтобы точно знать, что в них содержится. Одновременно мы будем собирать максимум информации о питании животных в дикой природе с учетом сезонных вариаций. Накопив таким образом сравнительный материал, постараемся использовать его, чтобы совершенствовать питание наших животных, выяснить, каких витаминов или солей недостает, и — что особенно важно — найти лучший способ включить их в рацион. Для этого мы заведем экспериментальную плантацию, будем выращивать отдельные кустарники, овощи, фрукты и травы. Надо ли говорить, что при нехватке в корме какого-то витамина или солей куда полезнее предложить нравящийся животному плод или растение, чем хвататься за аптечный пузырек. Сверх того, могут обнаружиться новые травы, кустарники, овощи и фрукты, которые придутся по вкусу животным. И пусть даже питательность их равна нулю, они могут стать ценным дополнением, внося разнообразие в рацион, а при болезни сыграют роль аппетитных капель.

Необходимо также выяснить (и мы надеемся, что нам помогут в этом полевые исследования), в какое время года и почему потребляется данный вид корма. Потому ли, что он доступен лишь в эти дни, или его можно найти круглый год и есть какая-то особая причина? Поясню свою мысль на примере коалы. Рацион этого монофага ограничен листьями двух видов эвкалипта. В определенное время года коала переходит с одного эвкалипта на другой по той простой причине, что побеги и молодые листья первого вида в период роста содержат

смертельную дозу синильной кислоты.

Расширять наши познания о питании животных в дикой природе чрезвычайно важно потому, что от одного-единственного ингредиента может зависеть успех или неудача. Без преувеличения можно сказать, что у диких животных бывают самые удивительные гастрономические причуды. Было, например, известно, что мармозетки и тамарины поедают мелких животных — древесных лягушек, ящериц, птенцов, — а также яйца, плоды и почки. И вот совсем недавно в этот ряд вошли еще два неожиданных ингредиента: живица и... летучие мыши. Живицу они добывают, выгрызая на коре веток желобки и слизывая выделяющийся древесный сок. Летучих мышей ловят, когда те днем спят в дуплах.

Если у нас появится возможность возвращать выращенных в неволе животных в естественную среду, то ли чтобы возродить вымершую популяцию, то ли чтобы поддержать ослабленный вид, корм приобретет еще более важное значение. Рассмотрим крайний, отчасти даже смехотворный, но в принципе вероятный случай: сова из седьмого поколения, выращенного в неволе, привыкшая есть белых мышей, может умереть с голоду в местности, где водятся только коричневые мыши. И еще одно обстоятельство, о котором не следует забывать: дикая природа, как правило,ставляет своим детям куда меньше пищи, чем получают баловни в неволе. Не исключено, что животных, прежде чем выпускать на волю, придется сажать на подготовительную диету, вроде того как это делают со спортсменами перед Олимпиадой. Все это проблемы будущего, но в охране природы у будущего наблюдается склонность с ужасающей быстротой становиться прошлым. Вот почему мы уже теперь начинаем исследования в этой области.

Экономия на корме — лжеэкономия. Конечно, где-то можно и проявить бережливость. Установив, что морковь приносит больше пользы, чем тепличный виноград, вы делаете упор на более дешевую морковь. Однако совсем исключать

виноград нельзя. Он тоже нужен, хотя бы как стимулятор аппетита.

Всякий, кому доводилось лежать в больнице, согласится, что разумно составленной, питательной, богатой витаминами диете может недоставать того эпикурейского штриха, который, образно говоря, воодушевляет вкусовые сосочки. Работая с коллекцией диких животных, постоянно помните о необходимости угождать этим сосочкам.

Глава 4. Счастливые союзы

Ласка... Некоторые говорят, что у этих животных зачатие происходит через ухо, а рождение через рот, другие утверждают обратное.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Есть обширная литература о том, как обращаться с домашними животными, подробно освещающая всевозможные детали. Кормление, размножение, передача наследственных признаков, родословная, распределение, продажная стоимость, болезни, натаска и так далее — все это давно и тщательно исследуется и образует специализированные отрасли внушительной науки. А такая область, как содержание диких животных в зоопарках, еле-еле затронута, вам предложат лишь довольно случайный набор советов и фактов.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Куропатки... Частые совокупления истощают их. Самцы сражаются друг с другом из-за супруги, и говорят, что побежденный самец становится жертвой похоти как самка. Вождеделение у самок достигает такой силы, что они беременеют от одного запаха, если ветер подул на них со стороны самца.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Изучая в дикой природе горных

горилл области Кабара. Дж. Б. Шаллер (1963) установил, что в первые шесть лет жизни смертность у них достигает 40-50 процентов, она особенно высока на первом году. Здесь стоит напомнить, что у гориллы очень мало врагов, если не считать человека.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Из свадебного путешествия Этель и Бернар вернулись с сыном и — наследником, чудным пухлым младенцем по имени Игнациус Бернард.

Дэзи Ашфорд. Молодые гости

Казалось бы, само собой разумеется: раздобыть и свести друг с другом *совместимую* пару — первая предпосылка для успешного размножения животных. А вот многим представляется, что достаточно заточить в одной клетке самца и самку. На самом деле все неизмеримо сложнее; подготовка брака наталкивается подчас на большие трудности, и, когда речь идет об исчезающих животных, кровные линии изучают не менее тщательно, чем при подборе супругов в королевских семьях. Ценой огромных денег и хлопот достанешь своему подопечному партнера, а они с первого взгляда проникаются взаимной ненавистью или — что, пожалуй, еще хуже — терпят друг друга и ведут унылое бездетное сосуществование. При мгновенно возникшей антипатии вам хоть все ясно, если же дело не идет дальше дружбы, вы оказываетесь в затруднительном положении. Перейдет ли приятельство во что-нибудь более серьезное? Будет ли счастливый конец в этой комбинации? Эти вопросы волнуют вас не менее глубоко, чем издателя женского журнала, которому предложили новый роман с продолжением.

Бывает, увы, что единственная имеющаяся у вас пара

оказывается явно несовместимой. Как хочешь, так и выкручивайся. Примером могут служить наши белые ушастые фазаны. Мы купили две пары этих красивых и чрезвычайно редких пернатых через одного голландского торговца, связанного с Пекинским зоопарком. Положение белых ушастых фазанов в дикой природе неясно; они никогда не были широко распространены, а в наше время почти или совсем истреблены в пределах своего исконного ареала. Последний раз представителей этого вида вывозили из Китая в 1936 году. Когда мы получили белых ушастых фазанов, в неволе их насчитывалось всего полтора десятка, причем большинство не были способны к воспроизведению, кто из-за преклонного возраста, кто по какой-либо другой причине. Тем важнее было добиться потомства от наших двух пар и создать плодовитый фонд этих прекрасных птиц.

Один из полученных нами петушков сразу же насторожил нас подозрительно смирным, даже апатичным поведением. Через сутки он скончался. Вскрытие выявило аспергиллез, грибковое заболевание легких, от которого пока не найдено средств. Остался у нас один петушок при двух курочках, причем петушок проявлял внимание только к одной из курочек. Разумеется, по закону мирового свинства, курочка никак не могла снести свое первое яйцо и, сколько мы ни старались ее спасти, погибла. Остались мы с единственной парой и к тому же несовместимой. Казалось, наши шансы создать колонию белых ушастых фазанов в неволе предельно близки к нулю.

А тут еще новая катастрофа, которую мы сочли уже окончательной: ночью петушок чего-то испугался, зацепился когтем за проволоку и сильно повредил ногу. Он еле ходил, и мы с грустью заключили, что теперь он не сможет топтать курочку, даже если она вдруг покорит его сердце. Как же мы удивились, когда он, проникшись к ней внезапным расположением, совершил прямо-таки немыслимый акробатический трюк. Плодом счастливого события явились девятнадцать яиц, и нам

удалось вывести тринадцать цыпляток, подложив яйца бентамке, которую напичкали всевозможными антибиотиками, чтобы она не передала своим приемышам какой-нибудь хвори. Мало-помалу наша стая росла. Первым делом, чтобы обеспечить сохранность вида в неволе, мы одолжили плодовые пары зоопаркам Вашингтона, Антверпена, Западного Берлина. Фазаньему тресту и зоопарку Клер. На сегодняшний день нами выведено 112 белых ушастых фазанов, и мы можем позволить себе продавать пары избранным зоопаркам и птицеводам. Выручка идет всецело на приобретение редких животных для коллекции нашего треста или на оборудование помещений для таких животных. Так что белые ушастые фазаны теперь помогают другим видам, оказавшимся, как и они, под угрозой.

Для животных (человек не в счет) бракосочетание и детопроизводство — чрезвычайно сложная проблема. Не говоря уже о личных симпатиях и антипатиях сторон, надо учитывать кучу других вещей. Ведут ли данные животные в дикой природе одиночный образ жизни, соединяясь только в период размножения? Если да, перед вами возникают дополнительные трудности. Возьмем наших западноафриканских цивет, для которых характерно сказанное выше: мы следим, когда у самки начинается течка, и лишь затем пускаем к ней самца. При совокуплении самец циветы, как это заведено и у тигров, кусает самку в загривок, и только по метинам от его зубов мы можем судить, состоялся ли акт. После чего живо убираем самца, пока дело не дошло до настоящей потасовки.

Когда вполне совместимая пара благополучно сосуществует и не размножается, мы спрашиваем себя, в чем наша промашка; ведь если у животных нет физических изъянов, значит, виноваты мы — или корм не тот, или помещение не годится. В прошлом очень уж часто зверей спешили относить к категории «трудных» или «не размножающихся в неволе», как будто виноваты были они сами, а не люди, на чьем попечении они находились. Было время, когда считалось невозможным

получить приплод, скажем, от носорогов и бегемотов; но в конце концов додумались, в чем фокус, и теперь их размножение не составляет большой трудности. На случай, если кому-то слово «фокус» покажется несолидным, объясню, что я подразумеваю. Я всегда говорил: когда решены основные проблемы — помещение и корм (а их можно решить, разве что вам предложили голубого кита), нет такого вида фауны, которого нельзя разводить в неволе, если вы сумели дознаться, в чем фокус. Тут могут быть и стержневые моменты вроде подбора подходящего партнера, оборудования надлежащей площадки для родов, полноценного рациона и более питательного корма для беременной самки, а могут быть и мелочи вроде оснащения клетки нужным количеством веревок для лазания. Решение есть во всех случаях; найти его зависит от вашей смекалки, потому что на помощи самого животного, как правило, рассчитывать не приходится.

И как же хорошо на душе, когда секрет наконец раскрыт, вы все сделали правильно и видите, как ваши усилия венчаются удачей. С двумя совсем различными животными мы достигли успеха так быстро, что сами были поражены и отнесли эти случаи в ряд наших самых громких побед. Речь идет о краснощеком ибисе и о ямайской хутии — маленьком грызуне, исконном обитателе Вест-Индских островов. Над обоими нависла угроза полного истребления, поэтому было очень важно создать плодовые колонии в неволе.

Будущее краснощекого ибиса в дикой природе выглядит, мягко выражаясь, мрачно; шансов выжить у него чрезвычайно мало. Не самый крупный представитель семейства ибисов, он обладает длинным изогнутым клювом; траурно-черное оперение отликает на свету зеленью и пурпуром; кожа вокруг клюва голая, красноватого цвета; на голове сзади свисает причудливый длинный хохол, как будто у птицы сдвинулся на затылок парик из перьев, обнажив лысину впереди. Краснощекие ибисы гнездятся колониями на скальных уступах, где и выращивают

свое потомство. Некогда они были распространены от Ближнего Востока до Северной Африки и даже в Европе, вплоть до Швейцарии.

Разорение гнезд (птенцы считались изысканным кушаньем), а затем отравление взрослых птиц и их потомства ДДТ и другими пестицидами сильно сократили ареал и численность краснощеких ибисов, так что их теперь насчитывают всего около 500 пар. Известно лишь два гнездовья. Одно в Северной Африке; здесь число птиц быстро уменьшается, вероятно, из-за пестицидов, да и само гнездовье находится под угрозой в связи со строительством плотины. Второе, на беду для его обитателей, расположилось посреди городка Биреджик на берегу Евфрата.

Прежде птицы здесь как-то охранялись, их прилет на гнездовье отмечался пышным праздником. Но по мере роста Биреджика жители его становились более «цивилизованными» и «просвещенными», праздничный ритуал был забыт, и краснощекие ибисы из источника радости одним махом превратились во вредителей: невоспитанные птицы роняли помёт на горожан, когда те спали на крышах своих домов. Мальчишки забивали камнями птенцов на каменных нишах, к тому же земля на окружающих полях (где взрослые птицы поедали личинок насекомых, принося людям благо) густо посыпается инсектицидами. И хотя Международный союз охраны природы вместе со Всемирным фондом дикой фауны пытаются убедить местных жителей снова взять под свою защиту краснощеких ибисов, надежд на выживание этой наиболее многочисленной колонии (в ней 250 пар) очень мало. Только размножение в неволе может сохранить этих птиц для будущего, с возможной последующей реинтродукцией в части прежнего ареала — допустим, в Швейцарии или Северной Африке.

В 1972 году мы приобрели в Базельском зоопарке две пары краснощеких ибисов. Птицы были молодые, но, достигнув

зрелости, они тотчас сделали попытку обзавестись потомством. Попытка вышла неудачная: и гнездо они смастерили не лучшим образом, и яйца оказались бесплодными. Вскоре после этого, когда стало известно о бедственном положении краснощеких ибисов в дикой природе, мы решили приступить к их разведению и наметили себе программу из двух пунктов: сперва постараемся создать плодovitую колонию в неволе, а затем, в более отдаленном будущем, попробуем осуществить реинтродукцию. Для этих целей мы в 1975 году раздобыли через Тель-Авивский университет еще две пары.

Довольно быстро выяснилось, что вольер, где содержались краснощекие ибисы, чем-то их не устраивает. Мы заключили, что для успеха нашей затеи надо сделать две вещи: увеличить высоту вольера и соорудить подобие скальных полок для гнезд. Денег у нас не было, но мы обратились к нашим американским коллегам и получили щедрую субсидию. Первым делом мы написали во все зоопарки мира, которые когда-либо держали краснощеких ибисов, чтобы узнать, удавалось ли там получить потомство от этих птиц и в каких вольерах они обитали. Ответы по большей части были противоречивыми и мало что нам дали, поскольку условия содержания краснощеких ибисов везде были разными. В некоторых случаях птицы дали потомство в неблагоприятной, казалось бы, обстановке; другие ибисы отказывались гнездиться, хотя их помещения выглядели более благоустроенными. Нам оставалось только исходить из собственных представлений о том, какая обитель лучше годится для ибисов, и надеяться, что птицы одобряют наше решение.

В готовом виде гнездовье представляло собой вольер высотой 3,5 метра, длиной 12 и глубиной 6 метров. В проволочную сетку были вделаны стекла размером 0,9x1,8 метра; задняя стенка выложена из необработанных гранитных глыб, имитирующих скалу. Тут и там на этой скале были площадки для гнезд. Поскольку в других зоопарках размеры площадок сильно отличались друг от друга, мы решили

испытать побольше разных вариантов. Где-то сделали подобие естественных полочек с наклоном назад, чтобы яйца и птенцы не сваливались вниз, где-то вставили в гранит деревянные ящики без крышки и передней стенки.

Когда весь комплекс с большим бассейном и достаточным простором для летания был готов, нам он показался идеальным. Оставалось выяснить, разделяют ли ибисы наше мнение. Судя по тому, как они летали туда и обратно, садились на скалу и изучали гнездовые площадки, бормоча что-то друг другу на своем странном горловом наречии, конструкция им вроде бы понравилась. И не успели ибисы толком изучить все уголки новой обители, как уже начали таскать в деревянные ящики материал для гнезд. Затаив дыхание, мы следили, как возникают два гнезда и в них появляются семь яиц. Яйца были снесены молодыми птицами, и мы считали, что будет замечательно, если хотя бы из двух вылупятся птенцы. Когда же вылупились все семь и родители благополучно вырастили шестерых (седьмой был очень хлипкий и быстро зачах), мы были так счастливы, что пером не описать. Одним махом численность нашей колонии чуть ли не удвоилась, и возможность реинтродукции казалась уже вполне реальной.

В случае с ямайской хутией нам тоже повезло; и здесь мы добились успеха, открыв секрет правильной организации помещения. Хутии были приобретены нами не совсем обычным, окольным путем. Каждый стоящий директор зоопарка переписывается с самыми различными людьми в самых отдаленных уголках земного шара, надеясь, что в один прекрасный день они смогут найти для него какого-нибудь достопримечательного редкого зверя. Что до меня, то, поскольку люди читают мои книги и шлют мне письма, охват моей переписки очень широк — от Пекина до Пернамбуку. И вот однажды я получил письмо от миссис Нелл Бэрк с чудесного острова Ямайки. Она сообщала, что с большим удовольствием читает мои книги, и — весьма опрометчиво — добавила, что

будет рада помочь мне раздобыть любое ямайское животное, которое меня заинтересует. Предложение миссис Бэрк было продиктовано самыми добрыми чувствами, и я не сомневаюсь, что бедная женщина сильно поколебалась в своем расположении ко мне, получив ответное письмо с вопросом, нельзя ли приобрести ямайскую хутию. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж, и вместе со своей подругой Мери Макфэрлейн миссис Бэрк приступила к охоте на хутию.

Первым делом, естественно, надо было получить разрешение властей, ведь хутия — один из немногих уцелевших исконных представителей млекопитающих Ямайки и строго охраняется законом, что не мешает местным жителям охотиться на нее ради мяса; к сожалению, подобные явления происходят не только на Ямайке. Далее подруги обратились к охотнику с несколько неожиданным, но весьма благозвучным по своим аллитерациям именем Фердинанд Фратор. Всем на удивление (включая самого Фердинанда Фратора) ему в конце концов удалось поймать живьем три особи: самку, самца и их отпрыска. Я загодя снабдил миссис Бэрк пространными наставлениями на тот (маловероятный, как мне казалось) случай, если охота увенчается успехом; были там и подробные чертежи транспортных клеток, сильно смахивающие на план ракетной установки. Попадись эти чертежи на глаза постороннему, миссис Бэрк, несомненно, была бы арестована. Преодолев кучу трудностей и препятствий, хутий заточили в клетку и отправили мне самолетом. Я получил телеграмму такого содержания: «Хутии прибывают Лондонский аэропорт рейсом (следовал номер рейса). Молитесь. Нелл».

К нашей радости, все три хутии прибыли в отличном состоянии; долгий перелет их явно не напугал. Они напоминали крупных зеленовато-коричневых морских свинок и очень мило ковыляли, широко расставив ноги, словно только что намочили штанишки. Определяя их пол, мы установили, что отпрыск, увы, — самец. Итак, два самца и одна самка. Сообщая Нелл Бэрк

об их благополучном прибытии, я подчеркнул в письме, что, конечно, дареным хутиям в зубы не смотрят, но все же такое соотношение не обеспечивает сколько-нибудь надежной основы для серьезной программы разведения этих зверьков. Не может ли она, деликатно справлялся я, снова мобилизовать доблестного мистера Фратора и попытаться добыть еще одну-две четы? Честь и хвала миссис Бэрк: несмотря на все тревожения, пережитые ею в первый раз, она взялась выполнить и эту просьбу. К нашей радости и к нашему изумлению, ей это удалось, так что в сравнительно короткий срок мы получили в общей сложности четыре пары желанных зверьков.

Опыт работы с первым трио уже показал, что браться всерьез за разведение ямайских хутий можно, только располагая новым, усовершенствованным помещением. Наши коллеги в США опять выручили нас, и на полученную от них субсидию мы смастерили в доме млекопитающих несколько забранных стеклом просторных клеток; в каждой были деревянные туннели и спальни, лежали большие колоды. Красные лампочки позволяли наблюдать за животными, когда, по их понятиям, царила полная темнота. Мы изменили суточный цикл хутий, включая ночью обычный свет, а днем только красный. Очень скоро мы добились того, что они мирно спали во время искусственного дня и активно вели себя во время искусственной ночи, так что посетители могли видеть их в действии.

Подобно ибисам, хутии не замедлили одобрить новую обстановку, и через три месяца у первой пары родилась двойня. Детеныши величиной чуть больше золотистого хомячка сразу после рождения повели себя активно; через сутки они уже ели твердую пищу. Одна за другой и две остальные четы хутий воздали должное новым клеткам, производя на свет соответственно двойню и тройню. Мы не могли наглядеться на три четы с их отпрысками. Бойкие малыши с громким писком носились туда-сюда и подпрыгивали, будто резиновые мячики, играя в прятки в соломе и у колод. А то подбегут к своим

долготерпеливым и многострадальным родителям, присядут на толстенькие ягодицы и давай дубасить кулачками по скулам папу или маму. Когда эта забава надоедала старшим, они переворачивали проказников на спину и тихонько кусали за живот, а те брыкались и извивались, громко хихикая, то бишь повизгивая от удовольствия. Смотреть, с каким упоением эти толстячки играют с родителями, было очень приятно, однако трезвый внутренний голос напоминал мне, что замечательный успех дался нам ценой трехлетних усилий, считая с того дня, когда я впервые написал Нелл Бэрк и попросил добыть хутий.

Разумеется, бывает и так, что вы все делаете правильно, но данному виду нужно время, чтобы освоиться и признать новую обитель своей территорией. Наша коллекция лемурув, насчитывающая шесть видов, доставила нам бездну хлопот, и только теперь появились признаки того, что мы действуем верно и продвигаемся в нужном направлении. А все дело в том, по-моему, что животным понадобилось очень много времени, чтобы прижиться.

Перспективы мадагаскарской фауны вообще и лемурув в частности выглядят весьма мрачно. Рост населения, влекущий за собой, как и всюду, неосмотрительное сведение лесов путем расчистки земель под уголья и чрезмерного выпаса, привел к тому, что над огромным, чрезвычайно интересным в зоологическом смысле островом (Мадагаскар по-своему не менее интересен, чем Австралия) нависла серьезная биологическая опасность. Некоторые виды еще могут выдержать натиск превосходящих сил человека, беспощадное уничтожение среды обитания и вторжение домашних животных, но другие, и в их числе лемуры, вероятно, исчезнут в ближайшие полсотни лет.

Наши особи, размещенные по территории зоопарка без всякой системы, благополучно здравствовали. Однако приплода не давали. Очевидно, надо было обеспечить лемурув новым жильем, только после этого могли мы всерьез помышлять о том,

чтобы создать плодovitую колонию.

В завершенном виде новый лемурий ряд состоял из шести секций. Под крышей, разделенные коридором для публики, находились обогреваемые внутренние помещения размером 1,5x2,4 метра при высоте 2,7 метра. К спальням примыкали наружные отсеки длиной 6, шириной 2,4 и высотой 3 метра. Каждый отсек и каждая спальня с одной стороны забраны большим стеклом, которое позволяет лемурам без помех любоваться публикой, а публике — лемурами.

С первой минуты лемуры — рыжий, майоттский, мангустовый и кошачий — одобрили свою новую обитель. Клетки обращены на юго-запад, в них вдоволь солнечного света и свежего воздуха, достаточный простор для движения. Рацион лемунов был тщательно разработан на основе наших собственных наблюдений и с учетом опыта десяти коллекций лемунов в разных концах света. Оставалось только преспокойно сидеть и ждать, когда посыпятся детеныши.

К нашей досаде и удивлению, детенышей все не было и не было. Казалось бы, неудачи с кучей других видов фауны должны закалить тебя, и все же как не огорчиться, когда лезешь из кожи вон, чтобы обеспечить благополучие животным, а получается, что ты делал не то. Лемуры ели за милую душу, круглые сутки звучали их веселые голоса, и любви они предавались с бесшабашностью участников римских оргий, а толку чуть.

Первыми утешили нас кошачьи лемуры. Полли, младшая среди самок, произвела на свет очаровательное дитя мужского пола; к несчастью, малыш был мертв, когда мы обнаружили его на полу клетки. Рентген выявил, что в легких не было воздуха, — стало быть, детеныш мертворожденный, а не погиб от пренебрежения. Вскрытие показало, что все внутренние органы в порядке. Бывают такие необъяснимые случаи, и неожиданными их не назовешь, поскольку мы не раз отмечали, что большинству животных не везет с первенцами. Как будто организм и материнский инстинкт молодой самки еще

недостаточно развиты и первые роды — своего рода тренировка. Так или иначе этот случай убедил нас, что Полли способна к деторождению и не лишена материнского инстинкта: малыш был аккуратно вылизан, пуповина отделена, послед съеден. Со вторым детенышем, который появился через год, все было в полном порядке, и мамаша благополучно вырастила его. Мы надеемся, что впредь у нее не будет никаких осложнений.

Следом за Полли и остальные лемуры начали обзаводиться потомством. Первыми подхватили эстафету майоттские коричневые лемуры; этот вид принадлежит к наиболее редким. Правда, первенец и тут не выжил, но с тех пор трижды последовали удачные роды.

Если учесть, что после ввода в строй новых клеток до первых родов прошло три года, можно понять, сколько времени и труда требует создание разумной и плодотворной программы разведения животных. Об этом особенно важно помнить, когда речь идет о виде, численность которого в дикой природе катастрофически сокращается.

Похоже, что в такого рода программах чем дальше в лес, тем больше дров. Вы добыли подходящего самца, выяснили, когда пускать его к самке (если особи этого вида ведут одиночный образ жизни), как зажечь его, вводя в комбинацию других самок или соперников (если — проблема посложнее — вы ими располагаете). Но вот самка забеременела. Новая загвоздка: оставлять ли с ней самца? Это может обернуться бедой, если отец совершит детоубийство или его присутствие побудит мать умертвить детеныша. А может быть, наоборот, отец нужен для блага отпрыска.

Два случая с нашими приматами дают некоторое представление о том, какие трудности подстерегают животных в семейной жизни. Среди южноамериканских мармозеток и тамаринов давным-давно без крика и шума весьма успешно утвердилось женская эмансипация. Произведя на свет детенышей (почти всегда двойню), самка тотчас передает их

отцу, чтобы он вылизал свое потомство и надзирал за ним. С этой минуты самец играет важную роль в воспитании, поочередно с самкой носит прибавляющих в весе отпрысков на бедрах, уподобляясь вьючному ослу, или на спине, где они напоминают этикие косматые котомки.

Замыслив уточнить роль отца в выращивании потомства, мы проследили за передвижениями двойни красноруких тамаринов. Удивительно интересно было наблюдать, как распределяется физический труд по переноске детенышей. Это очень важный момент: ведь малыши растут и становятся тяжелее, но, хотя начинают уже передвигаться самостоятельно, по-прежнему, когда их что-то тревожит или хочется внимания, льнут к родителям. В данном случае отец внезапно умер, когда детенышам было всего три дня, и пришлось матери растить их в одиночку. Она успешно справлялась с этой задачей; правда, под конец, когда детеныши достигли половины маминого роста и все еще иногда требовали, чтобы она их поносила, ей это давалось явно нелегко. Но мамаша честно выполняла свой долг и вырастила двух крепких взрослых тамаринов.

Особенно примечательно здесь то, что, несмотря на трудности, выпавшие на долю самки, впервые были выращены в неволе детеныши краснорукого тамарина. Заодно мы выяснили, что у тамаринов и мармозеток самец играет чрезвычайно важную роль, хотя самка, окажись она хорошей, терпеливой матерью, может воспитать потомство одна. Вывод: в этой комбинации самца надо оставлять вместе с самкой, не отделять его, когда она родила.

Однажды нас посетил видный представитель руководства очень известного зоопарка, который, любуясь детенышами наших мармозеток, признался, что его сотрудникам не везет с этими животными. Рожать-то они рожают, да только детеныши не выживают. Но в следующий раз, продолжал он, обнаруживая плохое знание мармозеток, они надеются на успех, так как решили отделить самца.

Вопрос «Отделять самца или нет?» вызывает среди работников зоопарков такие же ярые споры, какие в свое время у церковников вызывал вопрос, был ли у Адама и Евы пупок или нет, — и такие же безрезультатные. Разумеется, тут надо учитывать особенности не только вида, но и особей. Но как бы хорошо вы, на ваш взгляд, ни знали самца, как бы ни были уверены, что биологически оправдано оставлять его с детенышами, все равно это может пагубно отразиться на них. Естественно, чем более редок вид, тем больше и риск, тем труднее принять решение.

Орангутаны, пожалуй, самые редкие среди человекообразных, для них особенно велика угроза полного истребления в дикой природе. Подсчитано, что без строжайшей охраны популяций на Калимантане и Суматре эти обаятельные рыжие приматы совсем исчезнут в ближайшие двадцать лет. Если прогноз верен (увы, похоже, что это так), зоопарки просто обязаны создать плодовые колонии орангутанов, чтобы не было нужды сокращать отловом численность диких популяций и чтобы обеспечить возможность сохранения вида хотя бы в неволе. Нам посчастливилось приобрести особи обоих подвидов и получить от них приплод.

Когда забеременела калимантанская самка Бали, мы отделили ее супруга Оскара, единодушно считая, что, как ни хорош собой этот молодец, очень уж у него буйный нрав, наперед не угадаешь, как он воспримет детеныша. Пришлось ему жить холостяком, пока супруга ходила на сносях. Бали родила чудесную здоровую самочку, которую мы назвали Сурабая.

Бали была такая кроткая, тихая и недалекая, что мы склонны были считать ее придурковатой. Наше недоверие к ее умственным способностям оправдалось: как ни гордилась мамаша своей дочкой, как ни обожала ее, она не знала толком, что с ней делать. Общепринято мнение, что детеныши человекообразных обезьян постигают основы половой жизни,

наблюдая взрослых. Молодой самец учится спариванию на примере отца; молодая самочка учится у матери уходу за детенышем. Мы, люди, применяем для этого целлулоидных кукол; обезьяны обучаются на живых младенцах. Но если человекообразная обезьяна попала в неволю в очень юном возрасте, ей не представился случай пройти такую школу, и это может серьезно затруднить размножение.

Бали поступила к нам в двухлетнем возрасте; казалось бы, могла уже подсмотреть на воле какие-то приемы ухода за младенцем. Может быть, и подсмотрела, да успела все забыть — как я уже говорил, это доброе создание не было наделено большим умом. Так или иначе, Бали восхищалась дочерью, следила за ее чистотой и крепко обнимала, полагая, что этим материнская забота исчерпывается. Бедное дитя, болтаясь то на бедре, то на спине, то на голове родительницы, лихорадочно и тщетно искало сосок, чтобы утолять жажду, а мамаша знай себе сидела с благодушной улыбкой на физиономии.

Пришлось нам войти в клетку и показывать Бали, как положено держать дочурку, чтобы она могла сосать. Обучение длилось несколько дней, но в конце концов мамаша уразумела, что к чему, и столь новаторский способ ухода за младенцем ей явно понравился. К сожалению, пока Бали растила Сурабаю, Оскар умер; об этом прискорбном случае я еще скажу позже. Когда пришло время отделять Сурабаю от матери, мы пустили к Бали молодого самца по имени Жиль. Хотя он был намного моложе ее, они отлично поладили, и мы надеялись, что у них вскоре будет потомство.

Но беда в том, что Жиль — жутко коварный тип, он обожает ставить нам палки в колеса. Всякий раз, когда мы хотели взять у Бали мочу для лабораторного исследования, чтобы определить беременность, Жиль изо всех сил мешал нам. Конечно, мы не сдавались, однако нашу бдительность усыплял тот факт, что Бали не выглядела беременной. У орангутанов вообще довольно большое пузо, так что поди разбери, но если

при первой беременности у Бали было огромное брюхо, то теперь она лишь слегка раздалась в поясе. Какая уж тут беременность! И вот, пока мы воевали с Жилем, пытаюсь взять мочу у Бали, она вдруг возьми да роди. Случилось это рано утром, и к тому времени, когда сотрудники пришли на дневное дежурство, Жиль уже успел стащить детеныша у Бали и умертвить его. Оставалось утешаться тем, что теперь мы точно знали: Жилия необходимо отделить, когда Бали в следующий раз соберется рожать. Урок дался нам дорогой ценой и на целый год затормозил программу разведения орангутанов.

С нашими суматранскими орангутанами Гамбаром и Джиной вышло иначе. У Джины был довольно желчный и неуравновешенный нрав, зато Гамбар — один из самых умных представителей человекообразных обезьян, каких я когда-либо знал. С первого раза, увидев его живые и пытливые глаза, вы ощущали, что за этим взглядом кроется незаурядный интеллект. Нам его одолжило Лондонское зоологическое общество после того, как он доказал свои способности производителя, причем роды происходили при нем и он не проявил склонностей к убийству. Тем не менее, учитывая бьющую через край энергию этого силача (он уделял лазанию больше времени, чем все наши остальные орангутаны, вместе взятые), мы опасались, что он способен, носясь по клетке, нечаянно покалечить или зашибить насмерть хрупкого младенца. Спальни Гамбара и Джины мы разделили, как и спальни горилл, переносной решеткой. Лучше уж Гамбару быть по одну сторону перегородки, а Джине с малышом — по другую. Отец сможет видеть и даже с разрешения супруги трогать своего отпрыска без риска, что, увлекшись своими цирковыми трюками, нечаянно усядется на него.

В то воскресное утро, когда, по нашим наблюдениям, Джине подошла пора рожать, Филип Кофи, заведующий секцией человекообразных, увидел, что она пытается смастерить из опилок гнездо и беспокойно ходит по клетке. Джине дали

охапку соломы; она тотчас устроила гнездо и легла на спину, широко раздвинув ноги. Вскоре на свет явился без всяких осложнений крепенький детеныш мужского пола. Гамбар получил возможность следить за ними через решетку и проявил заметный интерес к супруге и младенцу.

Через три с половиной месяца, когда детеныш, получивший имя Тунку, подрос и набрался сил, Джина смело играла с ним. Поднимет вверх на руках и ногах, и он барахтается в таком положении. Часто она отпускала его, разрешая полазить по перегородке. Тут к игре подключался Гамбар. Нас поражало, до чего ласков этот могучий непоседа. Сядет на корточки, просунет через решетку обе руки и качает Тунку вверх-вниз на ладонях. Упражнение это явно доставляло огромное удовольствие и отцу и сыну. Как только детеныш стал достаточно сильным и подвижным, Гамбара вновь пустили к Джине. Он вел себя безупречно. Тунку нравилось лазить по отцу, и тот терпеливо позволял сыну изучать отцовскую анатомию: отпрыск тыкал ему пальцами в глаза, дергал за волосы, даже вытаскивал у него изо рта еду, а он все безропотно сносил.

Большинство человекообразных могут ходить выпрямившись, как человек, правда, недолго, и колени у них при этом согнуты. А вот Гамбар ходил на прямых ногах, опираясь на всю ступню: шагает тяжело, развалисто — ни дать ни взять отставной бригадный генерал прогуливается по набережной морского курорта. И ведь он мог ходить так подолгу, круг за кругом описывал в клетке с воинственным выражением лица, словно инспектировал почетный караул. Этот ритуал всегда забавно наблюдать, когда же Гамбар шествовал по кругу, бережно неся на могучих руках наследника, зрелище было донельзя потешное.

До чего сложно добиться успеха в бракосочетании животных, видно на примере наших горилл. Кажется, нет тех трудностей, которых мы не испытали, пытаясь создать

плодовитую группу этих животных. Как говорилось выше, мы приобрели самку Н'Понго в возрасте около двух с половиной лет. Затем у нас появилась другая самка, чуть помоложе, по имени Ненди. Н'Понго с самого начала произвела на нас впечатление обаятельного, чрезвычайно веселого и общительного, но и достаточно самоуверенного существа. Она встретила Ненди с явной симпатией, однако недвусмысленно дала новенькой понять, что это *ее*, Н'Понго, зоопарк, что сотрудники зоопарка — *ее* друзья и Ненди не следует об этом забывать. Добродушный нрав Н'Понго не позволял ей превратиться в злую задиру, как это бывает со многими животными в сходных обстоятельствах; она относилась к Ненди с искренним расположением, но поблажек не допускала. Пять лет жизнь их проходила под знаком обоюдной привязанности и уважения, причем Н'Понго во многих случаях играла роль лидера-самца. В женском учебном заведении их взаимоотношения могли бы даже посчитать предосудительными.

Тем временем мы лезли вон из кожи, стараясь раздобыть самца. Дело шло к тому, что Н'Понго и Ненди до конца своих дней останутся старыми девами; естественно, мы никак не желали с этим мириться. И вот тут Эрнст Ланг предложил нам Джамбо. Великая удача, притом во многих отношениях! Ланг первым в Европе добился от горилл приплода и вырастил знаменитого Гуму; после этого выдающегося достижения (раньше горилл относили к «трудным зверям», которых будто бы невозможно разводить в неволе) его колония продолжала расти. Джамбо принадлежал к тому же семейству. Мало того что он родился и вырос в зоопарке, он и сам стал отцом юного самца (матерью была сестра Джамбо). Словом, это был не зеленый юнец, чьи извращенные понятия о сексе почерпнуты тайком из соответствующих журнальчиков, а вполне квалифицированный производитель, что очень важно, поскольку в мире человекообразных наглядный пример играет большую роль в

обучении (это касается и копуляции).

Обезьяна, выросшая вне стаи, плохо представляет себе акт и подчас терпит полную неудачу только потому, что никогда не видела, как это делается. Джамбо не только наблюдал пример своего богатыря-отца Ахиллы, но и успел доказать, что был внимательным учеником. Наконец, он и по возрасту подходил к мужья Н'Понго и Ненди. Ланг всячески превозносил его достоинства, и, совсем как при заключении монарших браков в прошлом, состоялся обмен фотографическими портретами. В письмах Ланга утверждалось, что Джамбо наделен могучей силой и чрезвычайно хорош собой, даже мил, несмотря на черную окраску, и в лице его проглядывает юмор. Мы пришли к выводу, что лучшего и пожелать нельзя. Оставалось проверить, разделяют ли самки наше мнение.

Знакомишь животных, а у самого сердце замирает. Вдруг они набросятся друг на друга? И помогут ли в таком случае ведра с водой, шланги и вилы? А может, они проявят полное обоюдное безразличие? Или так будет только вначале, а потом, усыпив нашу бдительность, они схватятся между собой? А если все-таки безразличие, можно ли надеяться, что со временем они поладят, или все наши труды и траты впустую? Тому, кто тешит себя иллюзией, будто все особи одного вида должны вести себя одинаково в сходных обстоятельствах, было бы полезно посмотреть, как проходило знакомство Джамбо с Н'Понго и Ненди. Сцена была классической в полном смысле слова.

Самки находились в крайнем из трех спальных отсеков, оттуда через перегородки они могли видеть третий отсек, в который мы намеревались пустить Джамбо. Таким образом, самок и самца разделяли две решетки и пустой отсек — буферная территория на время, пока мы составим себе примерное представление, как троица горилл воспримет нашу затею. По царившей суматохе Н'Понго и Ненди чувствовали, что происходит нечто необычное, но что именно, не знали, поскольку Джамбо все еще находился в транспортной клетке.

Но вот поднята задвижка, открыта дверь спальни, и Джамбо — могучий, чернуший, источающий чесночный запах пота, — сутуля плечи, словно борец-тяжеловес, ввалился в клетку. Зорким взглядом мгновенно охватил все окружающее, заметил самок, но не подал виду. Присев на корточки, царственно повел глазами вправо, влево, потом не торопясь двинулся в обход спальни, внимательно изучая каждый уголок и по-прежнему пренебрегая самками. Эффект от его появления был бесподобный. Заслышав лязг задвижки, обе подошли к перегородке; когда же черный красавец возник в их поле зрения, каждая реагировала по-своему и совершенно неожиданно для нас.

Нам представлялось: если уж кто проявит немедленный интерес, так это будет общительная, дружелюбная Н'Понго. У Ненди нрав был более недоверчивый и замкнутый. На деле вышло так, что Н'Понго смерила Джамбо взглядом, отвернулась и побрела прочь, причем ее широкая спина выражала абсолютное пренебрежение. Дескать, плевать мне на противоположный пол вообще и на Джамбо в частности. Совсем иначе повела себя нелюдимая Ненди; это была картина забавная и трогательная. В момент появления Джамбо она сидела на корточках поблизости от перегородки. При виде косматого богатыря Ненди реагировала так, как реагировала бы пятнадцатилетняя девчонка, войди вдруг к ней в спальню ее эстрадный кумир, одетый только в гитару. Лицо ее выражало изумление и благоговение. Она была совершенно не подготовлена жизнью к такому чуду. Никто не говорил ей, что на свете существует такое диво, как красавец самец. Это была любовь с первого взгляда, любовь навсегда.

Простите меня за ненаучное и антропоморфное изображение, но в сухом и педантичном жаргоне биологов нет слов, чтобы описать происходившее. Не отрывая глаз от чудного видения, Ненди прошаркала к решетке, вцепилась в нее с каким-то отчаянием и замерла. Широко раскрытые глаза ее

пожирали явно безучастного Джамбо; она, словно в трансе, впивала взглядом каждое его движение. Продолжая исследовать клетку, он на минуту скрылся за выступом. Несчастная Ненди засуетилась, заметалась взад-вперед, сиюсь высмотреть, куда он делся. Решив наконец, что он вышел из спальни в наружный отсек, тотчас подбежала к выходу из своей спальни и нагнулась, пытаясь заглянуть под дверь. Слава богу, тревога длилась недолго, Джамбо показался вновь; небрежно посасывая дольку апельсина, он не обращал никакого внимания на выражения необузданной страсти со стороны Ненди. С облегчением заняла она прежнюю позицию у перегородки и опять устремила на него взор, полный обожания и благоговения. Что до Н'Понго, то она, поев орехов и поглядев на нас через окно, преспокойно улеглась на своей полке, словно появление самца в непосредственной близости ее ничуть не тронуло.

Когда мы наконец соединили всех троих, реакция самок в основном осталась прежней. Н'Понго, много лет чувствовавшая себя королевой всего обозримого пространства, относилась к новичку с явной ревностью и подозрительностью, к которой добавилась известная осторожность. Она решила и впредь вести себя так, будто 120-килограммового Джамбо просто не существует. Зато Ненди, получив возможность тесно общаться с предметом своей страсти, окончательно потеряла голову. Присядет на корточки в полуметре от Джамбо и тарашится на него с восторгом и обожанием. Когда же он, простершись на солнышке, позволял ей расчесывать ему волосы, ликованию Ненди не было границ. Она прижималась к его могучей туше, и опьяненное гордостью лицо ее до смешного смахивало на человеческое. Н'Понго не больно-то одобряла этот союз. Правда, она сохраняла свою власть над Ненди, однако ее взаимоотношения с Джамбо складывались не очень удачно.

Джамбо, при всей его опытности, был еще очень молод и полон, так сказать, юношеского задора в сочетании с грубым юмором. Сознание того, что Н'Понго его недолюбливает,

пробуждало в нем этакого чертика. Он был мастер на всевозможные проказы, знакомые нам по школьной поре и способные, как известно, хоть кого вывести из себя. То вдруг бросится на нее из-за угла, когда она этого меньше всего ожидает, то, лениво шагая следом за ней, внезапно подскочит и дернет за волосы. Н'Понго в ответ бросается на него, а он спасается бегством. И продолжает дразнить ее, доводя до белого каления. Разъяренная Н'Понго гонится за ним с яростными криками, и Ненди без особого энтузиазма присоединяется к подруге, хотя всякому ясно, что реакция Н'Понго ее несколько озадачивает, сама Ненди была бы счастлива и горда, выпади ей такие знаки внимания со стороны Джамбо.

Само собой, Джамбо, как и все любители розыгрышей, не знал меры. Он никогда не причинял Н'Понго настоящей боли, разве что слегка куснет или царапнет (а это не в счет в играх горилл), но дразнил немилосердно, стоило ему заметить, что она завелась и вот-вот сорвется. Н'Понго ходила с мрачным видом, присущим жене профессионального юмориста, но еще хуже то, что хандра отразилась на ее здоровье. Волей-неволей пришлось обособить Джамбо и выпускать их в наружный отсек поочередно, поделив время Ненди между ними с таким расчетом, чтобы и Джамбо не заскучал, и Н'Понго не слишком ревновала.

А затем у Н'Понго началась течка, и ее вдруг осенило, для чего существует горилла мужского пола, пусть даже любитель грубых розыгрышей. Отбросив всякий стыд, она заигрывала с ним через разделяющую спальни решетку, и, как только они оказывались вместе, почти сразу происходила копуляция. Все время, пока длилась течка, Н'Понго признавала Джамбо. Она не делала из него кумира, как Ненди, однако с великой охотой предавалась плотским наслаждениям. А едва кончилась течка, как возобновились прежние взаимоотношения, пришлось опять развести их по разным секциям. Со временем Н'Понго стала терпимее относиться к Джамбо, но все же по-настоящему

признавала его лишь во время течки. Насколько легче было бы нам, будь их союз гармоничным, однако спасибо и на том, что брак вообще состоялся, это было всего важнее. Ненди тоже во время течки удостоилась внимания Джамбо; оставалось только ждать и надеяться, что обе самки окажутся плодовитыми, благополучно родят и, главное, окажутся хорошими мамашами.

Раз за разом отправляли мы в лабораторию мочу на анализ, и наконец пришел желанный ответ: обе беременны. Первой родила Ненди. Это были вообще первые роды у наших горилл, событие поистине незабываемое и тем более важное, что приплод от горилл в неволе стали получать только в шестидесятых годах и лишь сорок семь новорожденных выращены благополучно. Мы надеялись, что у Ненди не будет осложнений с первенцем. Установленная в спальне телевизионная аппаратура позволяла вести круглосуточные наблюдения; благодаря этому однажды вечером, в восемь часов, мы обнаружили, что у Ненди начинаются схватки. Тотчас вступила в действие операция «Горилла».

Пока у Ненди и Н'Понго из месяца в месяц округлялись животы, мы тщательно готовились, стараясь ничего не упустить. У нас не было гарантии, что обе окажутся хорошими мамашами, и никто не мог поручиться, что роды пройдут легко, без осложнений, а потому надо было продумать и подготовить все: от вероятности кесарева сечения до необходимости забрать детенышей и самим их выкармливать.

Скорее всего, представлялось нам, придется взять на себя заботу об отпрыске Ненди. Для этого одну комнату в главном здании заблаговременно оборудовали под детскую. Здесь был встроенный вытяжной шкаф, умывальник, еще шкафы; стояли два бокса с искусственным микроклиматом и подачей кислорода для новорожденных, а для подрастающих детенышей — большие бельевые корзины, играющие роль кроваток, и детский манеж. Комната обогревалась батареей с термостатическим прибором, поддерживающим температуру в рамках 21-24

градуса. Кроме того, мы установили стиральную машину для пеленок и бельевую сушилку. Разумеется, мы припасли также разные предметы ухода, от вазелинового масла, детских кремов и пеленок до бутылочек, термометров и пластиковых штанишек. Хотя на все это ушли немалые деньги, мы надеялись, что детская комната не понадобится.

Словом, к тому вечеру, когда у Ненди начались схватки, нами было сделано все от нас зависящее. Теперь дело было за ней, мы могли только следить и быть наготове, чтобы оказать помощь, если понадобится.

Нам пришлось основательно понервничать. С восьми вечера, когда мы отметили первые схватки, до того момента, когда Ненди взяла в руки младенца, прошло девять часов и двадцать четыре минуты — срок необычно долгий, если судить по данным о родах в других зоопарках. Детеныш родился лицом вниз, а не вверх; оттого-то роды так и затянулись. Одно время (когда Ненди уже побила все известные нам рекорды длительности родов) мы начали всерьез подумывать о кесаревом сечении, но все же воздержались, поскольку роженица, хоть ей и было тяжело, находилась в хорошем физическом состоянии. Кесарево сечение — операция, к которой прибегают в самом крайнем случае, и мы решили подождать еще. К счастью, малыш появился на свет раньше крайнего, назначенного нами срока.

Каждое движение Ненди от начала схваток до завершения родов регистрировалось, итого было сделано 260 наблюдений: мало кто собирал столь полные научные данные о родах горилл. Ненди очень аккуратно вычистила младенца, съела послед и все пленки. Она нежно обнимала дитя, и мы рассчитывали, что все будет в порядке. Но тут возникла уже знакомая нам загвоздка. Ненди не приходило в голову, что детеныша надо кормить. Через четыре часа после родов малыш (он был мужского пола) сделал попытку сосать, однако Ненди отодвинула его от соска.

По нашим данным, самый большой срок, на какой детеныша гориллы оставляли с матерью, прежде чем забрать его

для искусственного кормления, составлял тридцать два часа. Но наш малыш выглядел крепышом и так жадно искал соски, что мы выждали сорок часов. Увы, Ненди упорно не давала ему сосать. Пришлось обездвижить ее иглой из специального пистолета и отнять детеныша. Его отнесли в детскую (щедро украшенную изображениями диснеевских персонажей, чтобы младенцу было на чем фокусировать взгляд) и поместили в бокс с микроклиматом. Первые порции еды, которую он жадно поглотил, состояли из разведенной водой глюкозы; потом ему предложили декстрозу, и он стал быстро прибавлять в весе. Окрестили его Ассумбо по названию одной из областей Камеруна — самой западной части Африки, где водятся низменные гориллы. Детеныш был просто чудесный.

Через три месяца подошла очередь Н'Понго. К сожалению, нам не удалось подметить никаких признаков, говорящих о приближении счастливого события, а так как насчет даты родов строились разные предположения, мы были застигнуты врасплох, узнали о случившемся только после того, как наш заведующий отделом млекопитающих Квентин Блокам, заступив в восемь утра на дежурство, обнаружил, что Н'Понго сидит на полке, не обращая никакого внимания на своего отпрыска, который лежал на полу и скулил, махая ручонками. Послед был съеден, малыш вычищен, но Н'Понго решила, что на этом ее обязанности по продолжению рода горилл исчерпаны, и предоставила его самому себе. Когда Квентин открыл дверь, соединяющую спальню с наружным отсеком, Н'Понго, не глядя, прошагала мимо плачущего детеныша. Она явно полагала, что остальное — наша забота. Квентин вынес младенца и поместил в соседний с Ассумбо бокс. Этот детеныш тоже был мужского пола, и мы нарекли его Мамфе — так называется селение в Камеруне, где находился мой базовый лагерь, когда я приезжал за животными в Западную Африку.

Мальши росли не по дням, а по часам; в положенный срок они переходили из боксов в корзины и манеж, а затем (когда

становились очень уж непосредственными) в клетку в доме млекопитающих. Здесь благодаря солнцу и свежему воздуху они росли еще быстрее, лупили свои игрушки и колотили себя в грудь, словцо взрослые гориллы, демонстрируя нам силу и свирепость. Да только какая там свирепость у очаровательных мохнатых карапузов с веселой искоркой в глазах!

Не успели они освоиться в новой обители, как в детской опять появились жильцы: Ненди и Н'Понго с разрывом в несколько недель родили по второму разу. К сожалению, нам снова пришлось забрать у них малышей. Ненди родила дочку, чему мы несказанно обрадовались, ибо у горилл в неволе рождаются преимущественно самцы. Самочку назвали Заирой, а второго отпрыска Н'Понго нарекли Тату — он вылитый отец и, пожалуй, самый красивый из малышей, родившихся пока в нашем зоопарке. Когда пишутся эти строки, Ненди беременна в третий раз, и я не сомневаюсь, что Н'Понго от нее не отстанет. Если они и теперь благополучно разрешатся от бремени, это будет означать прирост нашей коллекции за три года на шесть горилл. Не так уж плохо, учитывая, что впервые приплод от горилл получен в 1956 году и в последующие семнадцать лет зарегистрировано всего сорок семь удачных родов. Будем надеяться, что нам удастся сохранить хотя бы тройку из этих или последующих отпрысков и создать плодовитую группу к тому времени, когда Джамбо, Н'Понго и Ненди выйдут из брачного возраста. Вся суть в том, чтобы наша группа стала самовоспроизводящейся, тогда не надо будет повторно ловить горилл в дикой природе, более того, мы сможем из нашего фонда снабжать другие зоопарки.

Глава 5. Фантазии, факты и формуляры

У этого зверя находится в глазу камень, также именуемый Иена, и есть поверье, будто человек может предсказывать будущее, положив камень этот себе под язык. Известно, что, если зверь Иена трижды обойдет вокруг какого-нибудь животного, это животное теряет способность двигаться. Вот почему утверждают, что он наделен некоей волшебной силой. В некоторых частях Эфиопии зверь сей сочетается с львицами, и от этого рождается чудовище под названием Крототе. А оно способно издавать человеческие голоса. Рассказывают, будто оно не может оглянуться назад из-за слишком жесткого позвоночника, а должно повернуться кругом, если хочет что-нибудь увидеть. И во рту у него совсем нет десен, а только сплошная твердая зубная кость, которая захлопывается наподобие коробочки, предохраняясь от стирания,

Т.Г.Уайт. Книга о зверях

Во многих исследованиях дикие животные поставляют материал для зоологической науки, вот почему так важно их дальнейшее существование. Нам еще предстоит много узнать о нашей собственной эволюции, нашем поведении, болезнях и, главное, наших взаимоотношениях с природной

средой. Человек обладает возможностью до известной степени управлять природой, но он в то же время частица природы, и, чтобы вполне познать себя самого, ему необходимо учитывать весь контекст, включающий природу и диких животных.

Каролайн Джарвис. Роль зоопарков для науки и охраны природы

Пифагор говорит: «Змеи сотворены из спинного мозга трупов»... Если так, это вполне логично: коль скоро первым виновником смертности Человека была Змея, то и явление на свет змеи должно быть следствием смерти человека.

Т.Г.Уайт. Книга о зверях

Совершенно очевидно, что род человеческий все еще пребывает в прискорбном неведении по поводу того, как работает мир. Во многих частях планеты мы занимаемся уничтожением в столь безжалостном темпе, что не успеваем даже поименовать или дать научное описание того, что уничтожаем, не говоря уже о том, чтобы оценить биологическое значение уничтожаемого. Не стоит забывать: истребляя тот или иной вид, мы одновременно ставим под угрозу или губим бездну зависимых от него существ. Вы срубили дерево — при этом погибло не только оно, вы погубили нечто вроде огромного густонаселенного города, ведь дерево давало жизнь множеству различных организмов. У всего, что мы делаем, могут быть далеко идущие последствия, пусть незаметные на первый взгляд, но могущие пагубно отразиться на судьбах человечества. Люди

утешаются старой поговоркой: гони природу вилами в дверь, она влезет в окно. Обращаю ваше внимание на слово «вилами». Когда вилы были самым совершенным оружием человека против природы, эта поговорка, конечно, годилась; теперь же вы гоните природу пестицидами, бульдозерами, электропилами, загрязнением и наводнениями, в которых сами повинны, гоните безжалостно, основательно и прытко, чтобы не могла вернуться.

Честное слово, я устаю отвечать людям, которые допытываются, какая *польза* от спасаемых мной животных. Какая польза от какого-то ничем не примечательного зверя тропического пояса жителю Сиднея, Чикаго, Волгограда, Пекина?

Ответ будет состоять из двух пунктов. Во-первых, у нас нет ни малейшего морального основания истреблять вид, на эволюцию которого ушли миллионы лет и у которого столько же прав жить на этой планете, сколько и у нас. Да у него теперь даже больше прав на существование, ведь он не пытался выйти за пределы отведенного ему места в природе и, значит, в большинстве случаев приносит пользу среде обитания. Чего нельзя сказать о так называемом цивилизованном человечестве, как бы положительно мы ни смотрели на свой собственный вид. Во-вторых, если, становясь в надменную позу, приравнивать себя к Богу и допускать существование только того, что полезно человеку (во многом тут повинна известная глава Книги Бытия), то ответить на вопрос «Какая от них польза?» проще простого: мы пока даже отдаленно не представляем себе, что именно служит благу человечества, а что нет.

Можно привести тысячи примеров, убедительно свидетельствующих, что прежде всего мы должны уяснить себе, как работает мир, а потом уже воздействовать на него в своих целях, при этом избегая что-либо разрушать, и тысячи примеров показывают, что самые невзрачные и, казалось бы, ничтожные существа могут быть чрезвычайно полезными для нас. Приведу только три.

В Англии графство Суссекс славилось своим белым клевером, и, надо сказать, от него зависело существование множества людей. Внезапно урожаи клевера неведь почему стали падать, и никакие старания фермеров не помогали. В отчаянии они как последнее средство сделали то, с чего следовало начинать: призвали на помощь биолога. Случаю было угодно, чтобы этим биологом оказался некий Чарлз Дарвин. Изучив проблему, Дарвин сообщил встревоженным фермерам, что им надлежит развести побольше кошек, после чего дюжие сыны природы решили, что старина слегка помешался.

А дело было в том, что только один вид шмелей обладал достаточно длинным хоботком, чтобы опылять довольно сложные цветки клевера. Этот шмель устраивал свои гнезда в земле вдоль живых изгородей. Здесь же обитал один вид полевок: эти сластены выкапывали гнезда шмелей и поедали мед и молодь. Выяснилось, что у полевок произошел популяционный взрыв, а число естественных врагов не прибавилось в достаточном количестве, чтобы умерить их численность. Грызуны так нещадно истребляли шмелиные гнезда, что это отразилось на урожаях клевера.

В Бразилии было решено, что нелепо мириться с такими порядками, когда столь важное и полезное дерево, как бразильский орех, бессистемно растет в лесах по прихоти природы. Куда разумнее выращивать его стройными рядами на плантациях, подобно другим сельскохозяйственным культурам. Сказано — сделано. Деревья отменно принялись и цвели, вот только орехов почему-то не было. Запоздалое исследование выявило ситуацию вроде той, какую мы наблюдали в случае с клевером и шмелями. Очевидно, цветок бразильского ореха устроен так, что может опыляться лишь одним видом пчел, достаточно сильных, чтобы приподнять своего рода дверцу и проникнуть внутрь. Но в перерывах между цветением орехового дерева пчела не находила на плантациях нектара; не удивительно, что она игнорировала искусственные посадки,

предпочитая леса, где круглый год была вполне обеспечена питанием.

И наконец, возьмем случай скромного броненосца, весьма невзрачного зверя, от которого людям вроде бы никакого проку, разве что мясо в пищу годится да шкуры (в Парагвае) идут на гитары. Так вот — похоже, что это смиренное четвероногое способно принести огромную пользу человечеству. Эксперименты доказали, что броненосец может содействовать искоренению проказы. Это единственный представитель фауны, в тканях которого благодаря чрезвычайно низкой температуре тела бацилла лепры размножается в достаточном количестве для разработки противoproказной вакцины. К тому же специалисты по раку считают, что изучение больных проказой позволит установить, почему организм раковых больных не отторгает опухоли.

Думается, приведенные примеры ярко говорят, насколько важно не мешкая уяснить себе, как функционирует наш мир.

Спросите рядового человека, для чего, на его взгляд, существуют зоопарки. Большинство ответят — «для развлечения», и мало кто скажет — «для изучения животных». Зоопарки приобрели славу развлекательных учреждений вроде игорных домов или ипподромов, и только по своей собственной вине: слишком большой упор делался на балаган и слишком мало времени уделялось изучению животных и систематизации наблюдений. Право же, обращайтесь музеи так же безответственно и расточительно с доверенным им материалом, как это делали зоопарки, они закрылись бы давным-давно.

Содержание любой коллекции диких животных в неволе должно преследовать три цели: во-первых, проводить возможно более полные биологические исследования каждого вида, особенно тех сторон, которые чересчур трудно или дорого изучать в дикой природе и которые могут способствовать сохранению вида в его естественной среде обитания; во-вторых, поддерживать вымирающие виды, создавая в идеальных

условиях надежно охраняемые плодовые колонии с прицелом на реинтродукцию, чтобы обеспечить выживание вида; в-третьих, показывать и объяснять смысл этой работы широкой публике, чтобы убедить людей, как важны неотложные меры по всесторонней охране природы.

Названное первым тщательное и широкое изучение коллекции животных позволит собрать ценнейшие данные для охраны фауны, включая и программы размножения, и охрану в дикой природе; оно даст также множество сведений, нужных для биологической науки и для просветительских целей. Вот почему всестороннее научное изучение своих подопечных должно быть первоочередной задачей каждого зоопарка и любой другой коллекции диких животных. При этом важно, чтобы данные охватывали самый широкий спектр и были возможно более подробными; далее их необходимо обрабатывать, оценивать и результаты публиковать, чтобы и другие организации могли извлечь пользу из ваших наблюдений и выводов. Только так можно оправдать содержание коллекции диких животных; если же зоопарк не придерживается названных выше принципов, он остается всего лишь жалким, бесполезным архаичным заведением типа зверинцев прошлого века или ярмарочных балаганов.

Казалось бы, речь идет о не нуждающихся в разъяснении элементарных истинах, но ведь никуда не денешься от того, что в прошлом слишком многие зоопарки пренебрегали (да и сейчас пренебрегают) тем, что должно составлять смысл их существования. Слишком часто учет наблюдений либо вовсе не ведется, либо примечателен лишь скудостью и примитивностью информации. А ведь яснее ясного: от ярмарки, цирка или другого зоологического аттракциона никто не ожидает научных результатов, но какой-то минимум науки обязан присутствовать в работе всякого уважающего себя зоопарка, в любой коллекции диких животных, которая не равняет себя с балаганом.

Надо ли подчеркивать, что в разумно организованном

зоопарке биологические исследования дадут больше, чем в самом лучшем музее, хотя бы потому, что живые звери обеспечивают куда более широкое поле деятельности, чем мертвые останки тех же животных. Тем не менее налицо прискорбный факт, что только горстка зоопарков по-настоящему включилась в научное исследование.

В 1963 году, когда возник трест, я твердо решил, что мы с самого начала будем создавать научную картотеку, и рассчитывал, что ее объем и значение будут расти по мере расширения деятельности треста. Не один год я переписывался с зоопарками во всех концах света, собирая сведения о картотеках, подчас лично знакомился с ними. Как правило, эти картотеки (в тех редких случаях, когда они вообще существовали) никуда не годились. Так что нам пришлось начинать, можно сказать, на голом месте, и, пожалуй, это даже к лучшему.

Когда замышляешь такого рода картотеку, сразу же сталкиваешься с трудностями. То, что на первый взгляд представляется совсем простым и бесхитростным, внезапно оборачивается гордиевым узлом, который завязал пьяный осьминог. Все же мы в конце концов, пройдя путь, отмеченный и колкостями, и колебаниями, разработали принципиальную схему. Над ней основательно потрудились и поломали голову как руководящие, так и рядовые сотрудники зоопарка, коим, собственно, как раз и предстояло создавать и пополнять картотеку. Стремясь избежать волчьих ям излишнего упрощения, мы в то же время старались обойти пучины чрезмерного усложнения. Чересчур сложная и громоздкая картотека бесполезна, какие бы жемчужины информации ни хранились в ее лабиринтах. Картотека должна быть общедоступным орудием труда.

Мы пытались также предусмотреть рост наших потребностей. Одна всеобъемлющая картотека казалась нам предпочтительнее, чем десяток специализированных, хотя мы смиренно сознавали, что от первого почина со временем все

равно отпочкуется десяток амёб. В какой-то степени так и вышло. Например, мы решили предусмотреть на карточках поведения графу для ссылок на фотографический материал и звуковую запись, сознавая, что в конце концов из них сложится отдельная документация. Трест только-только родился, и с деньгами было так плохо, что упомянутые ссылки выглядели ненужной затеей, больше того, выражением мании величия. Однако недавно нам все же удалось основать фототеку, и мы также надеемся, что звукозаписи (для разработки практически нетронутой области голосов зверей), как только на них будут средства, из пустой графы превратятся в реальность. Предусмотрев такую возможность тогда, когда она еще рисовалась нам только в воображении, мы все же включили нужные графы и тем самым избавились от необходимости перепечатывать всю карточку, чтобы внести дополнение.

С самого начала мы завели на каждую особь по три основные карточки: одна из них играла роль анкеты, другая — медицинской карты, третья содержала данные о поведении. Размер карточек 8,75 на 11,5 дюйма; они разного цвета, чтобы легче было найти нужную: анкета — белая, медицинская карта — розовая, поведение — голубая. Для упрощения работы шапка на всех трех карточках одинаковая, в ней основные сведения: возраст, дата поступления, физическое состояние, необходимый для ссылок индекс и так далее.

В анкете записаны собранные нами характеристики поступившей особи и все, что известно о ее повадках в дикой природе; эта карточка служит руководством для ухаживающего за животным сотрудника (если он или она не знакомы с данным видом), а также для новых сотрудников или практикантов.

В медицинской карте подробно отражены все случаи ветеринарной помощи, оказанной животному за время его пребывания в коллекции; есть графа для данных о вскрытии, если до этого дойдет.

Карточку с данными о поведении, пожалуй, было бы

вернее называть этологической карточкой. В нее заносятся все наблюдения о поведении животного — от ухода за животным до сроков беременности и развития потомства.

Некоторые сведения неизбежно повторяются на разных карточках. Так, через несколько лет мы убедились, что для млекопитающих нужна еще отдельная карточка с данными о размножении, иначе приходилось заносить детали либо в медицинскую карту, либо в этологическую карточку, а это было чревато путаницей. Вместе с тем данные об уходе за беременной самкой не мешают повторить соответственно на голубой или розовой карточках. В работе с птицами нам очень помогают карточки с данными о кладке яиц. В конце брачного периода мы по этим карточкам определяем процент удачных кладок. Как раз благодаря им мы задумались над полноценностью рациона некоторых птиц; этот вопрос сейчас изучается.

В задней части картотечных ящиков по разделам млекопитающих и птиц стоят розовые карточки-приложения. На них, чтобы долго не искать, собраны сведения об анестезирующих средствах, питании, сроках беременности и сроках искусственного выкармливания детенышей. В передней части ящиков, опять же для быстрого получения справок, — четыре карточки большого формата с подробными данными о поступлении, продаже, утратах и размножении особей. Кроме того, для млекопитающих и для птиц есть алфавитный указатель: на маленьких карточках (размером 10x12,5 сантиметра) — краткое резюме по каждой особи, данные о прохождении, индекс. Взял такую карточку — быстро получил общее представление, а по индексу можно затем найти большую карточку с нужными подробностями. Указатель мы сделали потому, что большие карточки расставлены в той последовательности, в какой прибыли или родились у нас те или иные животные; эта последовательность отражена в индексах. А в указателе карточки, чтобы ускорить поиск, стоят в алфавитном

порядке.

Совсем недавно мы завели еще четыре карточки. Первая — библиографическая. Она содержит перекрестные ссылки на авторов и предмет, а также изложение всех статей, написанных сотрудниками зоопарка как для нашего годовичного отчета, так и для другой научной периодики. Появилась картотека по вопросам питания; в ней собраны данные о рационе животного в дикой природе и показано, чем мы кормим его в зоопарке. Мы надеемся значительно расширить эту картотеку по мере того, как будут развиваться наши диетологические исследования. Несложная картотека содержит перекрестные ссылки на виды и заболевания, чтобы можно было тотчас установить, какой вид чем болел. Наконец — алфавитная фототека по видам.

В моем изложении вся эта система кажется невероятно громоздкой, а на самом деле ею очень просто пользоваться. Секретарю достаточно одного часа в день, чтобы пополнить все карточки свежими данными.

Материал для картотеки поставляет наш основополагающий источник — «Дневник», который хранится в кабинете заместителя по научной части Джереми Молинсона. В «Дневнике» сотрудники каждый день записывают все, что касается ухода за животными: черты поведения, откладывание яиц, сроки беременности и так далее. Затем секретарь впечатывает эти данные в соответствующие карточки.

Естественно, по мере роста коллекции неизбежно появятся и другие картотеки; пока же наша система, пусть не самая совершенная, представляется нам эффективной. Мы двенадцать лет собираем данные, и нам уже удалось извлечь из них кое-какую ценную информацию, как это видно по нашему «Ежегодному отчету».

Наш принцип гласит: в накоплении данных лучше перебор, чем недобор. И мы записываем все на свете, в том числе, возможно, изрядное количество ненужных сведений, которые в конечном счете отсеиваются, когда пишется статья. В нашей

работе с животными никогда не знаешь наперед, какие наблюдения окажутся ценными. А потому лучше их все фиксировать и потом, на свободе, оценивать и сортировать, чем наткаться на пробелы, так как не регистрировались факты, казавшиеся в тот момент маловажными.

Насколько тщательно мы стараемся фиксировать даже простейшие вещи, хорошо видно по картам, описывающим перевод наших двух самок гориллы примерно на сто метров из старой клетки в новое помещение. Казалось бы, всего-то дела: обездвигить двух животных и перенести их в бессознательном состоянии из пункта А в пункт Б. Но ведь речь шла не только о транспортировке. Немалый риск связан уже с тем, что одна и та же доза анестетика одну гориллу может обездвигить, а другую — убить, пусть даже животные одинакового возраста и веса. Пока они находились без сознания, нам представлялся идеальный случай проверить зубы, взять кровь для анализа, измерить и взвесить наших подопечных, проделать еще кучу исследований, обычно невозможных, несмотря на то что обе гориллы были сравнительно ручные. Причем всю операцию надлежало провести быстро, гладко и эффективно, чтобы животные не очнулись в разгар обследования. Нельзя было также допустить, чтобы действие анестетика излишне затянулось и чтобы гориллы простудились. Анестетики часто вызывают осложнение в виде воспаления легких, а оно может оказаться фатальным.

Прежде всего мы составили перечень необходимого снаряжения, расписали всю процедуру, кто в ней участвует.

ПЕРЕВОД РАВНИННЫХ ГОРИЛЛ ИЗ СТАРОГО ПОМЕЩЕНИЯ В НОВОЕ

29 февраля 1972 г. Н'Понго М. 1+ Ненди М. 2+

Подготовите.льные меры и снаряжение для перевода

1. Двое специальных носилок (предоставлены «Скорой помощью»).

2. Два одеяла.
3. 10 метров веревки.
4. Весы (предоставлены «Приютом для животных»).
5. Кислородный баллон.
6. Тонкая стружка (в новой клетке для обеих постелей сделана подстилка из стружки).
7. Мерная лента.
8. Спальный отсек новой клетки проверен, все в порядке. Температура в отсеке 18-20 °С. Обе полки теплые на ощупь. Раздвижные двери действуют исправно.

Участвуют член Королевской корпорации ветеринаров мистер Т. Б. Бегг и один практикующий терапевт.

Провести общий медосмотр обеих особей, включая проверку зубов.

Взять кровь на анализ у обеих особей.

Взвесить и измерить каждую особь.

Сержант полиции Малинтон и эксперт по отпечаткам пальцев снимают три комплекта пальцевых отпечатков с *правой* руки каждой особи. Эта информация пересылается во Франкфурт составителям Международной родословной книги горилл, а также используется для сравнительных исследований.

Составляется полная письменная и фотодокументация процедуры перевода.

14.20. Нижний дом млекопитающих закрывается для посетителей.

Перевод особей.

Как только будет установлено, что обе гориллы достаточно обездвижены, чтобы можно было выносить их из старой клетки, осуществляется следующая процедура:

1. Каждую особь выносят вручную на носилках в коридор дома млекопитающих.

2. Уложенную на носилки гориллу укрывают одеялом до подбородка, затем ее привязывают веревкой к носилкам.

3. Каждую особь взвешивают в доме млекопитающих.

4. Н'Понго доставляют в спальню No 1 (северная сторона), Ненди — в спальню No 2 (южная сторона).

5. Взятие крови для анализа, снятие пальцевых отпечатков, измерения и общий медосмотр производятся в новом помещении, поскольку главное — возможно быстрее завершить перевод.

6. Гориллы остаются изолированными и не получают возможности встретиться в среднем отсеке, пока полностью не придут в себя. Участвуют Дж. Молинсон, Дж. Мэлит, К. М. Блоксем, П. Кофи, Д. Райорден, Дж. Эшер-Смит.

14.30. Каждой особи вводится через рот 300 мг сернилана (фенициклидина) — по 100 мг на 1 мл. Вес горилл определен приблизительно в 75 кг. Упомянутые дозы разведены в смеси молока, меда и витамина В12. Дальнейшая информация — на отдельной карте для каждой особи.

Н'Понго — лист 4, М. 1. Ненди — лист 4, М. 2.

Затем животные были обездвижены. По записям видно, что на наркотик они реагировали неодинаково. Конечно, точный и суховатый язык наблюдений не передает того факта, что у нас (выражаясь ненаучно) сердце уходило в пятки, хотя мы всячески старались изображать людей, которые только тем и занимаются, что переводят горилл из одного помещения в другое. Дело в том, что речь шла не просто о животных, а о наших личных друзьях и мы не хотели их потерять.

29 февраля 1972 г.

ПЕРЕВОД В НОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Н'Понго. Зоо Инд. М. 1. Лист. 4.

14.30. Прием сернилана. 14.31. Обе особи сильно возбуждены, не получив корма. 14.45. Особи заметно успокаиваются. 14.46. Н'Понго забирается на полку, затратив

несколько больше усилий, чем обычно. 14.52. Глаза у Н'Понго мутные. 14.55. Н'Понго качается на перекладине. 14.55.30. Н'Понго из положения стоя на четвереньках салится, свесив голову на грудь. 14.56. Покачивается. 14.58. Н'Понго валится на пол, снова садится. качается. 15.01. Лежит на полу. 15.02. Бессильно лежит ничком, слегка поджав ноги. 15.03. Ненди, пробегая мимо, хлопает ее по спине. Н'Понго реагирует слабым движением. 15.05. Ненди снова ударяет Н'Понго. Никакой реакции. После 15.05 Н'Понго больше не реагирует и не двигается. Н'Понго = 35 минут.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕВОДА

Ненди М. 2 14.30. Прием сернилана. 14.31. Обе особи сильно возбуждены, не получив корма. 14.45. Особи, судя по всему, в полном сознании. 14.50. Глаза Ненди мутнеют, веки слипаются. 14.55.30. Ненди сильно возбуждена, подбегает к двери и колотит в нее. 14.56. Ненди принимает угрожающую позу, по-прежнему сильно возбуждена, продолжает подбегать к двери и колотить в нее. 14.57. Усиливается слюноотделение. 14.59. Ненди продолжает принимать угрожающую позу, сильно возбуждена. 15.03. Пробегая мимо Н'Понго, хлопает ее по спине. 15.05. Ненди снова ударяет Н'Понго, та никак не реагирует. 15.06. Ненди не совсем твердо держится на ногах, но производит впечатление крепкой и бдительной. 15.07. Ненди менее возбуждена и активна. 15.07.30. Ненди зевает; стоит на четвереньках, опираясь ягодицами о стену. 15.08. Голова поникла, корпус качается. 15.09. Ненди садится. 15.10. Ненди закрывает глаза. 15.11. Ненди с трудом делает несколько шагов и валится в той же позе, что и Н'Понго. 15.12. Ненди поднимает голову и снова ее опускает. После 15.12 никаких реакций и движений. Ненди = 42 минуты.

Как только обе гориллы были усыплены, мы приступили к действиям. Внесли в клетку носилки, привязали к ним

животных. Вынесли в коридор дома млекопитающих, взвесили и измерили; были взяты мазки, кровь для анализа и отпечатки пальцев, осмотрены зубы. Хотя мы понимали, что это необходимо, вряд ли кому-нибудь из нас было приятно видеть, как хорошо знакомые животные (всегда такие веселые и живые, такие яркие личности) лежат без сознания, а им открывают рот, берут мазки, кровь из вены. Точно мы вторгались в их личную жизнь, покушаясь на их достоинство; одно утешение — сами они потом ничего об этом не будут знать. Словом, наши чувства отдавали антропоморфизмом; научной трезвостью и не пахло.

Горилл завернули в одеяла, и мы вышли из дома млекопитающих, бережно неся драгоценный груз. Наверное, мы при этом смахивали на группу встревоженных спасателей, выносящих единственных уцелевших после какой-нибудь страшной катастрофы. Уложив горилл на мягкую постель, для которой не пожалели соломы (в разных секциях, но достаточно близко, чтобы они, очнувшись, увидели друг друга), мы окружили клетку, приготовившись следить, как они будут приходить в сознание. Пожалуй, это были самые тревожные минуты — ведь нам предстояло убедиться, как гориллы перенесли анестетик, не будет ли осложнений.

И опять эти клинические наблюдения ничего не говорят о том, что творилось у нас в душе. Мы курили, мы пили кофе чашку за чашкой, пускались в рассуждения о нынешнем мировом кризисе, но разговор протекал вяло, а то и вовсе замолкал, и слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание наших пациентов. Мы вспоминали, как в зоопарке появилась Н'Понго: черная как уголь маленькая толстушка, губы вечно изогнуты в улыбке, отражающей твердую веру в дружеское расположение всех людей. А вот в душе у Ненди поначалу коренились глубокая антипатия и недоверие к людям, и большой шрам через всю макушку — след от удара секачом — вполне объяснял причину ее нелюдимости; понадобился не один год терпеливых усилий, чтобы завоевать ее доверие. Мы знали

обеих еще детенышами, где же тут настроиться на бесстрастный, холодный научный лад.

Наблюдения за Н'Понго. В 16 часов Н'Понго начала реагировать — повернула голову и пожевала губами.

16.48. Н'Понго зашевелилась, на ногах не стоит, только перекатывается.

18.00. От решетки доползла на животе до середины клетки.

18.30. Лежа на животе и опираясь на локти, сонно озирается. Села на корточки, опираясь о решетку, упала, поползла к радиатору. 19.00. Пододвинулась ближе к радиатору, вяло шевелит руками. Лежит на животе на сене. 19.30. Поза без изменений. 20.00. Намного бодрее, сидя в полусогнутом положении, поднимает вертикально голову, реагирует на свое имя. 20.08. Снова у решетки в прежней позе. 21.30. Ходит по полу на четвереньках, конечности с трудом удерживают ее вес. 22.15. Лежит на животе, на звуки не реагирует. 22.50. Садится, вокруг рта следы рвоты, взгляд фокусируется, но все еще затуманенный, по телу пробегает мелкая дрожь. 24.00. Без особых изменений; свет выключается.

Наблюдения за Ненди. Ненди после выноса из старой клетки кашляла, зевала, моргала, наблюдалось выделение слюны.

18.00. Ненди лежит посередине пола ничком. 18.30. Немного двигалась, к голове и плечам пристали стружки и сено. 19.10. Лежит на сене, зарывшись головой, не двигается, дышит легко. 19.30. Передвигается кругом на четвереньках, но очень неуверенно реагирует на свое имя. Обнюхивает краску, стучит костяшками по полу. Сидит на корточках, дыхание несколько напряженное. 19.55. Проявляет интерес к пище, кусает апельсин, активно передвигается, иногда падает, но продолжает двигаться, даже после падения плашмя — тотчас выпрямляется. Выделения из носа. 20.00. Ненди влезла на решетку, висела на ней три с

половиной минуты. 20.10. Позывы к рвоте, слюноотделение. 20.15. Рвота. 20.19. Новые позывы к рвоте. 20.20. Опять позывы к рвоте. 20.27. Ненди пьет теплое молоко с 10-процентным раствором глюкозы, координация плохая, при питье вытягивает верхнюю губу. 20.34. Стоя ухает и колотит себя в грудь. 20.33. Опять стоя колотит себя в грудь и ухает, затем садится и продолжает протяжно ухать. 20.35. Снова пьет молоко. 21.50. Ненди на полке, ведет себя спокойнее, координация немного лучше. 22.15. То сидит, то ходит по полке. 22.45. Как будто уснула. 23.30. На полке в позе отдыха-сна, но не спит. 24.00. На полке, отдыхает, вроде бы спокойна, свет выключается.

Нехитрая операция по переводу позволила нам точно взвесить и измерить обеих обезьян, сделать анализ крови, получить полную бактериологическую картину по мазкам из носа, горла и влагалища, довольно много узнать о действии транквилизаторов и анестетиков. По сути дела, мы провели всестороннее медицинское обследование, которое иначе было бы неосуществимо даже с такими относительно ручными особями. Все данные были занесены на карточки для будущих нужд.

Наука наукой, а когда все было кончено, я откупорил шампанское, полагая, что нам не мешает взбодриться.

Разумеется, последовательные и подробные наблюдения чрезвычайно ценны для ветеринарных и паразитологических исследований. Ярким примером того, как тесно подчас паразитология связана с ветеринарной наукой, может служить наша скорбная серия карточек с данными о вулканическом кролике тепоринго. Скорбная, поскольку она покоится в картотеке потерь, ожидая воскрешения, когда нам удастся добыть еще экземпляры этих интереснейших маленьких зверьков.

Крохотный, чрезмерно редкий кролик тепоринго обитает только на склонах потухших вулканов Попокатепетль и

Истаксиатль под Мехико. Хотя он строго охраняется законом, это, как и во многих других случаях, охрана лишь на бумаге. На кроликов охотятся, невзирая на охранное законодательство, их убивают даже там, где, казалось бы, они могли рассчитывать на убежище, в национальном парке Попокатепетль. Местные лесники сами говорили мне, что едят их мясо. Учитывая все это, а также ограниченность ареала редкостного зверька, я считал, что тепоринго нуждаются в помощи нашего треста. А потому в 1968 году я финансировал и возглавил экспедицию в Мексику с основной целью — приобрести плодовитую колонию вулканических кроликов.

Мексиканские власти встретили меня очень любезно и оказали всяческое содействие, и через три месяца я вернулся на Джерси с победой. Мы приобрели шесть кроликов, они благополучно перенесли путешествие и прекрасно освоились на новом месте. Нам удалось даже получить приплод — большое достижение, ведь это был первый случай, когда тепоринго обзавелись потомством в неволе. Но дальше дело пошло плохо: единственный самец погиб, и вскрытие выявило у него одну из форм кокцидиоза. Прошло несколько тревожных недель, нам удалось заполучить из Мексики второго самца, но, прежде чем мы смогли пустить его к самкам, он тоже умер. Вскрытие дало такой же ответ, причем результат был интересен тем, что этот кролик был поражен новым видом кокцидий.

Тот факт, что мы распознали врага вулканических кроликов и выяснили, как с ним бороться, нас ни капли не утешал, поскольку я не располагал в Мексике надежным контактом, который снабдил бы меня особями для повторной попытки создать плодовитую колонию. Все же я не теряю надежды когда-нибудь снова попасть в Мексику и приобрести еще тепоринго, чтобы мы могли разводить в неволе этих чудесных, уникальных зверьков.

Странно, что многие люди не учитывают одно существенное обстоятельство: чтобы охранять и сохранять

животное в дикой природе, надо знать не только его физические данные, но и характер его взаимоотношений с множеством других видов. Попросту говоря, нет никакого смысла выделять под охранную зону для львов 10 тысяч квадратных километров саванны, если там не водятся антилопы. Если вы не установили наблюдениями (в дикой природе или в неволе), что лев — плотоядное животное, ваши охранные мероприятия обречены на провал. Всякому очевидно, что для этого животных надо изучать в естественной среде обитания, однако столь же очевидно, что некоторые вещи легче наблюдать в неволе, а иногда это и вовсе единственная возможность.

Два примера. Начнем с наших карточек о размножении тенреков. Эти своеобразные зверьки, напоминающие ежей, обитают на Мадагаскаре. К числу их многочисленных милых черт относится такая: при поимке зверек собирает в складки кожу на лбу, принимая сердитый, недовольный вид. Мы благополучно размножали этих маленьких насекомоядных, получили пять поколений, и потомство разослано по всему свету. Наши записи содержат бездну наблюдений над поведением, числом детенышей в помете, родами и так далее; в дикой природе сбор такой информации потребовал бы немало времени и средств, а кое-что и вовсе осталось бы неизученным.

Из того, что зафиксировано у нас, многое может пригодиться для охраны других видов тенрековых. Всего описано двадцать пять видов (некоторые из них чрезвычайно редки), и мы надеемся, что наш опыт работы с двумя сравнительно распространенными видами (ежовый и малый тенреки) поможет нам в будущем создать размножающиеся колонии исчезающих видов.

В частности, мы обнаружили, что можем изменением температуры влиять на поведение ежового тенрека. Обычная температура для содержания этих зверьков 27-29°; при имитации условий спячки 21— 24°. Регулируя температуру и влажность, мы научились поддерживать ежовых тенреков круглый год в

активном состоянии, способными к размножению. Самки у нас становились способными к зачатию каждые два месяца; прежде считалось правилом размножение на второй сезон. Таким образом, самка без особых затруднений может приносить в год два-три помета. Если такие методы можно применить к исчезающим видам, это сыграет неоценимую роль в создании крупных размножающихся колоний и в сохранении вида. Вот вам один пример того, какой материал может дать разумно организованная коллекция животных и какое употребление он может найти.

Второй пример полезных данных возьму из карточек по нашей колонии африканских цивет. Начав с одной пары, мы к нынешнему дню вырастили сорок девять особей; двенадцать вывезены в четыре зоологические коллекции в разных концах света. Наблюдения, зафиксированные на карточках в разделе «Размножение», позволили нам установить сроки беременности, примерную продолжительность жизни, нормальное число детенышей в выводке и этапы их развития, в частности рост и прибавку в весе; есть также данные о спаривании, родах и так далее. По существу, мы располагаем полной картиной нормального брачного поведения африканской циветы, и речь идет о материале, который было бы трудно, а то и вовсе невозможно собрать только в полевых условиях.

Недавно по Европе и Соединенным Штатам прокатилась волна выступлений против зоопарков. Критики из научных кругов осуждают их за отсутствие научных исследований. Упрек этот, увы, вполне справедлив по отношению ко многим, слишком многим зоологическим коллекциям. В некоторых случаях, если и делаются попытки регистрировать наблюдения, результаты настолько жалкие, что ни один уважающий себя биолог не может принимать их всерьез. Так, в нашей картотеке хранится присланная из хорошо известного зоопарка карточка с данными о лечении жирафа. Что же в ней сказано? А вот что: после того, как ветеринар извлек из чрева самки мертвого

детеныша, ей «впрыснули антибиотики». И все. Ни слова о том, сколько и какого антибиотика было впрыснуто, и сама запись сделана от руки, так что не всякий, кто обратится к карточке за информацией, разберет почерк. Из другой коллекции получены карточки, по которым можно узнать, что животное поступило и что оно скончалось, после чего идет подробное патологоанатомическое заключение. О поведении — ни слова; получается, что с момента поступления до своей кончины животное ровным счетом ничего не делало. Не зоопарк, а прямо-таки приемная патологоанатома...

В 1968 году, через четыре года после того, как мы учредили наш трест и разработали картотеку, в Сан-Диего состоялась обширная конференция, посвященная роли зоопарков в охране дикой фауны. На мой взгляд, самым прямолинейным, умным и дельным было выступление тогдашнего редактора «Международного зоопарковского ежегодника» Каролайн Джервис (ныне леди Медуэй). Касаясь нависшей над множеством видов угрозы уничтожения и сохранный роли зоопарков, она говорила:

«В этой ситуации зоопарки призваны сыграть чрезвычайно важную роль, хотя они редко отдают себе в этом отчет. По самым последним данным „Международного зоопарковского ежегодника“, в полутысяче зоопарков и аквариумов содержится около полумиллиона позвоночных, представляющих дикую фауну. За этой огромной цифрой кроется двоякий смысл: она показывает, какое количество диких животных охвачено зоопарками, а также что зоопарки связаны с дикими животными ближе, чем любые другие учреждения. Здесь и спектр животных шире, и контакт теснее. Больше возможностей регистрировать определенные данные и познания, чем у любого университета, исследовательского института или охотоведческого управления. Вот почему зоопарки особенно важны как для охранной работы, так и для зоологической науки. Охрана нуждается в фактических данных, нуждается в них и зоологическая наука, а таких никем

не учтенных данных в зоопарках непечатый край. Природу называют сокровищницей сведений, и зоопарки — хранители немалой части этой сокровищницы, да только слишком часто они не отдают себе отчета в ответственности этой роли, а то и вовсе не осознают себя хранителями.

Касаясь роли зоопарков в тщательном сборе информации, мисс Джервис продолжила:

«Помимо просветительской работы, зоопарк может внести еще два чрезвычайно ценных вклада в борьбу за спасение животного мира от гибели. Во-первых, фиксировать данные о дикой фауне, во-вторых, размножать в неволе исчезающие виды. В охране диких животных одна из главных трудностей — недостаток сведений об основных нуждах тех самых существ, которых мы пытаемся защитить. Поразительно, как мало известно о биологии и поведении большинства видов дикой фауны, ведь истинно глубоких исследований, вроде получивших заслуженную известность работ Шаллера о горной горилле, очень мало. Многие необходимые сведения — взаимоотношения животного со средой, экология района обитания, природный рацион и разные стороны поведения — заведомо можно изучать только в полевых условиях, но в то же время есть множество данных, которые невозможно или чрезвычайно трудно собрать в экспедициях, зато их очень просто получить, изучая животных в неволе. До самых недавних пор зоопарки явно не отдавали себе отчета, какая масса ценной информации им доступна и как важна эта информация, если тщательно ее фиксировать. Лишь в очень немногих зоопарках есть надежная многолетняя документация, но и там объем собранной информации скуден и не всегда она точна».

Мисс Джервис особо остановилась на принципах документации:

«Чтобы регистрируемая зоопарками информация была ценной, она должна быть куда обширнее, куда методичнее и далеко не такой случайной, какой является теперь. Здесь

существенны два момента: хорошо налаженная документация и действенные приемы определения животного. Документация не обязана быть сложной, но тщательность и точность необходимы. Всем зоопаркам надо бы регистрировать основной минимум данных о своих представителях дикой фауны, лучше всего в виде картотеки, с перечнем каждой поддающейся определению особи, с указанием даты поступления, примерного возраста и веса по прибытии, места приобретения, признаков, по которым производилось определение пола, даты спаривания или родов, дат заболеваний и даты смерти или выбытия из зоопарка, а также причины смерти или выбытия».

После конференции мисс Джервис написала опубликованную Лондонским зоологическим обществом превосходную статью «Руководство по изучению диких животных в неволе». Судя по тому, что нам известно о принципах документации в большинстве зоопарков, та бесценная публикация не получила широкого распространения, которого она заслуживает.

И все же было отрадно сознавать, что через семь лет после того, как мы учредили свою картотеку, мисс Джервис рекомендовала другим зоопаркам те же принципы. Мы с удовольствием отмечали, что нами были учтены все те пункты, о которых шла речь в ее выступлении.

Чтобы остановить или хотя бы ослабить направленную на них струю критики, зоопаркам и другим коллекциям диких животных надобно гораздо ответственнее воспринимать свою роль научных учреждений. Нельзя без возмущения думать о том, что издавна тысячи животных держали — и по-прежнему держат — в неволе исключительно для развлечения публики и что мы ничему не научились — и не учимся — на этих узниках.

Значение разумно и научно (это не синонимы) организованных зоопарков с годами будет не убывать, а возрастать. Вероятно, они станут последним убежищем для огромного числа видов. А потому чрезвычайно важно, чтобы

они эффективно содержали, размножали и *изучали* своих подопечных. Зоопарки можно назвать опекунами, хранителями видов, которые пытаются наряду с нами населять планету — в большинстве случаев без особого успеха.

Не будем забывать, что исторически мы еще недавно поклонялись животным (в некоторых уголках мира это поклонение сохранилось), что еще недавно люди верили в единорога, верили, что у жабы в голове схоронен драгоценный камень, что ласточки зиму проводят в иле на дне прудов. В своей блестящей книге «Фольклор о птицах» Эдвард Армстронг приводит пример совсем недавних в масштабах нашей истории «научных исследований»:

«Во второй половине восемнадцатого века Джон Обри писал: „Сэр Беннет Хоскинс, баронет, рассказал мне, что лесничий его парка в Морхемптоне, графство Херефордшир, в виде эксперимента забил железный гвоздь поперек входа в дупло с гнездом дятла, ибо есть поверье, что птица сумеет открыть вход при помощи некоего листа. У подножья дерева он расстелил чистое полотно, и прошло не более полусуток, как гвоздь выскочил, и лесничий нашел его лежащим на полотне. Спрашивается, что это за лист, какого он вида? Говорят, будто для этого годится лист гроздовника. Описанный опыт без труда можно повторить“.

Таковы были представления деревенских джентльменов каких-нибудь двести лет назад. Эти просвещенные мужи были пытливы и охотно экспериментировали, однако к методике подходили недостаточно строго, а к результатам — излишне доверчиво. Джон Рэй замечает без обиняков:

«Несомненно, перед нами небылица, однако же сей видный натуралист приписывал смерть своей дочери от желтухи тому, что ее лечили новомодными учеными снадобьями вместо старого средства: пива, сдобренного конским навозом».

Разумеется, с той поры накоплены громадные познания о поведении животных и экологии нашей планеты, но вот что

следует помнить: при всей обширности наших знаний они ничтожны перед тем, что еще предстоит узнать. Если мы поймали сачком одну из звезд ночного неба, это отнюдь не значит, что нами постигнута вся вселенная.

И, наконец, скажу следующее: достоинства документации всецело определяются уровнем ее творцов, и те, в чьи руки она попала, обязаны пестовать ее, развивать, перестраивать и пополнять, а коли понадобится — уничтожить и начать все сначала. Наша система тем хороша, что все сотрудники, квалифицированные и неквалифицированные, вносят свои наблюдения; это относится и к служащим, которые работают повседневно с животными, что придает их наблюдениям особую ценность. Само собой, в такой коллекции мало проку от кабинетного ученого-белоручки, который видит животных раз в месяц и почти во всем полагается на наблюдения других. Вместе с тем нельзя уповать на то, что люди, поставляющие фактические данные, всеведущи. Всезнание — это прекрасно, однако его не дают ни опыт, ни религиозное воспитание, ни даже университетское образование.

Нам остается лишь исходить из принципа, что в стране слепых даже самая тонкая трость позволяет нащупать путь к познанию.

Глава 6. Пилюли, примочки и полумеры

О ласках говорят, будто они так искусны во врачевании, что если их детеныши почему-то погибают, родители могут их оживить, при условии, что будут с ними соединены.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Вайолет заботливо связала некоторым рыбкам шерстяное платице, а Слингсби дал им опийные капли; благодаря такой отзывчивости они согрелись и крепко уснули.

Эдвард Лир

Герба сакра, «божественная трава», вербена аптечная, по словам древних римлян, исцеляла от укусов любых бешеных животных, останавливала действие яда, излечивала от чумы, обезвреживала колдовство и злые чары, укрощала врагов и так далее.

Крюэр. Словарь выражении и небылиц

Обнаружить, определить и затем лечить заболевание у животных — задача настолько трудная, что перед ней дрогнуло бы даже бравое сердце Флоренс Найтингейл¹. Представьте себе пациента, который не только не может сказать вам, где у него болит, но во многих случаях всячески старается скрыть симптомы; пациента, который, решив, что вы задумали его отравить, наотрез отказывается принимать лекарства, как бы тщательно их ни прятали в мясе, бананах или в шоколаде;

¹ Флоренс Найтингейл (1820-1910) — английская сестра милосердия и общественный деятель. — *Примеч. пер.*

пациента, который (так как вы не можете объяснить ему смысл ваших действий) воспринимает все, от рентгена до уколов, как преднамеренное покушение на его жизнь, или достоинство, или то и другое вместе. Человек, собирающийся лечить больное животное, должен обладать терпением Иова, настойчивостью Сизифа, двоедушием Иуды, силой Самсона, врачебным тактом Соломона и дьявольским везением.

В зоологической экспедиции (где вы одновременно и плотник, и диетолог, и уборщик, и повар, и ветеринар) вам представляется хороший случай кое-что узнать о лечении животных. Когда на вашем попечении несколько сот особей, а вы находитесь в двухстах километрах от ближайшего селения (которое, скорее всего, не может похвастаться врачом, не говоря уже о ветеринаре), приходится разрабатывать собственные приемы. Причем они настолько далеки от утонченных манер лондонских эскулапов, что, попадись вы на глаза деятелям из Британского медицинского общества, вас задушили бы запретами.

В самом деле, кто из сих почтенных медиков стал бы засовывать голову яростно отбивающегося пациента (в данном случае мангуста) в старый тапок, чтобы сподручнее было поставить ему клизму с применением купленного (за неимением лучшего) на местном рынке пульверизатора? Кто из благородных эскулапов стал бы разоблачаться на глазах у сотни-другой восхищенных африканцев и колоть себя шприцем, чтобы убедить крайне подозрительного (и на редкость мускулистого) бабуина, что это самое увлекательное и модное занятие на свете? Кто из этих чистоплюев лег бы по зову профессии в одну постель с юным шимпанзе (страдающим бронхитом), который всю ночь норовит затеять возню, тычет вам пальцем в глаза и каждые полчаса с упоением обильно поливает вас мочой? Кто из прилизанных, холеных ординаторов наших лечебных учреждений должен считаться с опасностью, что во время обработки сломанной руки пациент клонет его в

левую ноздрю? Так случилось со мной, когда я вправлял крыло выпи. Боль была адская, я перемазался в крови, и меня ничуть не утешало то, что птица промахнулась: ведь она метила в глаз.

Только не подумайте, что я неприязненно отношусь к медикам вообще, просто их практика — цветочки перед тем, с чем сталкивается человек, работающий с животными. Дайте мне любого практикующего терапевта, и я посмотрю — останется ли он верен клятве Гиппократа перед лицом тридцати семи обезьян с острым поносом, который вызван тем, что африканец-смотритель скормил им слабительное вместо сухих дрожжей, и все это за десять минут до погрузки на судно, чей капитан заведомо не выносит животных. Правда, как ни тяжело дается такого рода опыт, он служит хорошей подготовкой к тому, что вас ожидает впоследствии. И, добившись затем успеха в уходе за больным животным, вы, как правило, испытываете удивление и радость.

Методика лечения животных в каком-нибудь медвежьем углу и в хорошо оборудованном зоопарке сходна, но не тождественна. Много лет в наших кругах оживленно обсуждается вопрос о желательности лечебниц для животных. Тут можно назвать две точки зрения. Одни считают, что больное животное необходимо отделять, чтобы оно не заражало других, чтоб могло оправиться от недуга в гигиенической обстановке и чтобы лечащий ветеринар мог создать наиболее благоприятные, на его взгляд, условия. Вторая точка зрения сводится к тому, что лечебница, может быть, и нужна, поскольку обеспечивает гигиеничные условия для операции, вообще же психологическая травма для животного, которое из привычной обстановки попадает в малопривытное, странно пахнущее помещение и вместо знакомых людей оказывается на попечении совершенно чужого человека, куда пагубнее, чем быстрое возвращение в негигиеничную, зато свою, надежную обитель. Мне ближе вторая точка зрения. Серьезное заболевание само по себе травмирует психологию животного. Добавьте неизбежные

страхи от приема лекарства или хирургического вмешательства, приложите ко всему этому отрыв от привычной, обжитой территории и привычных людей, и вероятность гибели животного от страха или от депрессии многократно возрастет.

Когда трест только еще зародился, спорный вопрос — заводить или не заводить лечебницу — для нас носил чисто теоретический характер. У нас попросту не было денег на такое учреждение, поэтому мы избрали третий путь, не учтенный двумя упомянутыми выше точками зрения. Поскольку средства на лечебницу отсутствовали, оставалось, елико возможно, исключить надобность в таковой. Мы делали упор, так сказать, именно на профилактику, стараясь в пределах доступного нам закупать наиболее высококачественные корма и получше оборудовать помещения. Этот курс в большой мере оправдал себя. Учитывая размеры и состав нашей коллекции, заболеваемость у нас чрезвычайно низка. Это не значит, что она равна нулю. Бывают и в нашем зоопарке недуги и эпидемические заболевания, а также несчастные случаи, вызванные тем, что страховые компании (которым непременно подай конкретного виновника) приписывают «воле божьей».

Конечно, нехватка оборудования создает немало проблем для наших многострадальных ветеринаров. Серьезная операция брюшной полости в любых условиях чревата опасностями. Еще хуже, когда вы не можете обеспечить абсолютно стерильной обстановки. Если к тому же ваш пациент после операции также не содержится в идеальной чистоте, риск неудачи удваивается.

Первый раз мы столкнулись с этим, когда львица, которая вот-вот должна была родить, подцепила газообразующую бактерию. Естественно, когда начались схватки, она никак не могла разродиться. Как быть? Принимать анестетик с пищей львица отказывалась, а наша бедность в ту пору не позволяла нам приобрести специальный обездвиживающий пистолет. В довершение всего дело происходило в конце недели. Пришлось моему другу Оливеру Грэму-Джонсу, тогдашнему главному

ветеринару Лондонского зоопарка, оторваться от приятного общения с его любимыми премированными розами, брать свой пистолет и лететь на Джерси (поручить это дело кому-либо он не мог по настоянию полиции, так как лишь он лично имел разрешение на пользование этим оружием). При участии наших собственных ветеринаров львица была обездвигена, и мы приготовились делать кесарево сечение. Операция происходила в наружном отсеке клетки, при свете старых специальных ламп из зубоврачебного кабинета. Операционный стол отличался предельной простотой: мы положили на козлы старательно выскобленную старую дверь. О высокой квалификации нашей ветеринарной бригады говорит то, что после извлечения разлагающегося плода (три львенка) и стерилизации оперированной полости все обошлось без каких-либо осложнений. Ни пневмонии, ни перитонита, хотя роль послеоперационной палаты выполняла наша мастерская.

При всей негигиеничности этой операции следует подчеркнуть, что чрезмерный упор на гигиену тоже нежелателен. Если вы дважды в день драите клетку с применением дезинфицирующих средств, обеззараживаете корм, тщательно отгораживаете своего подопечного от публики и сами, входя к нему, надеваете маску и перчатки, он, возможно, будет чувствовать себя хорошо, но стоит какому-нибудь настырному, гадкому крохотному микробу просочиться через вашу линию обороны, и животное обречено, потому что у него не выработалась сопротивляемость.

Ярким примером может послужить случай с нашими двумя детенышами гориллы — Ассумбо и Мамфе. Размножение горилл в неволе все еще остается достаточно редким и примечательным событием, так что мы крайне почтительно обращались с первым прибавлением этого семейства в нашей коллекции. В детской комнате гигиена соблюдалась образцовая, пеленки подвергались гигиенической обработке, пищу готовили гигиенически, все, кто обслуживал или навещал малышей,

надевали маски; словом, от инфекции их оберегали так, будто речь шла о наследниках священной династии. Но вот настал день, когда детеныши выросли из аппаратов с микроклиматом, из постелек в корзинах, из манежиков и самой детской комнаты, и мы торжественно перевели их в дом млекопитающих, где была приготовлена особая клетка.

И сразу же Мамфе (он был чуть моложе) занемог. Поначалу это проявилось всего лишь в плохом аппетите, вялости и небольшой потере веса. Когда к этому добавился понос, мы поспешили вызвать местного педиатра, доктора Картера, который наблюдал обоих младенцев с самого их рождения. Вот что гласит его начальное заключение (оно хранится в нашей картотеке и опубликовано в одиннадцатом ежегодном отчете):

«Обследование подтвердило вялость и потерю аппетита: Мамфе избегал играть с Ассумбо: однако язык был чистым, хотя и несколько суховатый: горло чистое, в легких никаких отклонений. Никаких признаков лимфаденита, шейные, подмышечные и вилочковая железы в норме, паховые также не увеличены. Исследование ушей и горла не выявило признаков воспаления: лабораторный анализ мочи не дал указаний на какие-либо инфекции в мочевых путях. Проводилось паллиативное лечение ломотилом, 2,5 мл три раза в день (дифеноксилат солянокислый 2,5 мг, атропин сульф. 0,25 мг в 5 мл суспензии). Отмечены позывы к рвоте после приема ломотила, в качестве питания ему давали чистые жидкости — 5-процентный раствор глюкозы и разбавленное стерилизованное молоко».

Между тем понос не унимался, и лабораторный анализ кала обнаружил колибактерии, а такая инфекция может привести к смертельному исходу. Заодно лаборатория бодро доводила до нашего сведения, что сия бактерия восприимчива к хлорамфениколу, тетрациклину, стрептомицину, септрину и неомицину. Да только нам от этого не стало легче: дело было в субботу (почему животные непременно заболевают в конце

недели?), попробуй раздобудь потребные антибиотики. Мы стали давать Мамфе окситетрациклин, по 125 мг в сиропе каждые шесть часов. И с растущей тревогой отмечали, что понос не идет на убыль. В воскресенье врач нашел, что Мамфе очень плох, организм его сильно обезвожен. Продолжаю цитировать доктора Картера:

«Он был апатичен, на прикосновение человека почти не реагировал; глаза запали и потускнели; окружающее его не интересовало; временами он вообще не фокусировал взгляд. Глазные яблоки провалились в глазницы; картина была точно такая, как у ребенка при сильно обезвоженном организме. Язык сухой, кожа на животе дряблая: если оттянуть большим и указательным пальцами, складка разглаживалась не сразу. Было очевидно, что необходимы срочные меры, чтобы возможно скорее вдохнуть жизнь в детеныша. Физическое воздействие обнаруживало, что у него еще сохранился запас сил. Поскольку внутривенные вливания исключались, были применены три различных метода лечения:

1. *Внутрибрюшинное вливание.* Этот метод был описан и широко применен Картером (1953) в Африке для регидрации младенцев при сильно обезвоженном организме, и маленькие пациенты почти не сопротивлялись процедуре. Однако Мамфе реагировал очень бурно; из-за непрерывного крика внутрибрюшное давление возросло до такой степени, что возникла опасность прокола иглой кишечника. Поэтому после введения 50 мл раствора Гартмана пришлось извлечь иглу и искать другие пути.

2. *Подкожное вливание в бедро.* Было отмечено, что у Мамфе в антеромедиальной части бедра очень дряблая кожа, а потому решили испытать названный метод, прежде широко применявшийся в педиатрической практике детских больниц. Разведя в 500 мл раствора Гартмана 150 единиц гиалуронидазы, удалось без труда ввести по 80 мл раствора в подкожные ткани в

антеромедиальной части обоих бедер; жидкость всасывалась с поразительной быстротой, похоже было, что при необходимости можно ввести таким способом и вдвое большую дозу.

3. *Кормление через трубку.* Поскольку у Мамфе отсутствовала рвота, кроме случая сразу после приема ломотила, было решено испробовать этот метод. Определили, что для примерного восстановления жидкостного баланса животному требуется еще 180 мл жидкости. Мисс Дж. Роббинс, квалифицированная сестра со специальным образованием, которой по роду работы в больнице часто приходилось кормить недоношенных младенцев, ввела Мамфе трубку через рот так быстро и искусно, что он даже не успел подавиться. По трубке медленно ввели 180 мл чистого раствора Гартмана. Кроме того, в последующие несколько дней каждые шесть часов делалось внутримышечное вливание ампинокса (50 мг ампициллина и 25 мг клоксациллина). Мисс Роббинс обучила сотрудников зоопарка технике искусственного кормления, и вскоре они уже без труда вводили орогастрическую трубку. Последующее лечение Мамфе описано в другом месте, но обезвоживание организма было успешно преодолено и больше не повторялось».

До сих пор не могу забыть, как детеныш гориллы, такой упитанный и жизнерадостный, буквально на глазах вдруг совершенно высох. Доктор Картер объяснил мне, что такие случаи довольно часто происходят с недоношенными детьми, когда их после тщательного ухода в специальных условиях переносят в обычную обстановку: младенцы, почти лишенные сопротивляемости, легко становятся жертвой колибактерии.

Естественно, против инфекции надо принимать все разумные меры предосторожности. У нас заведено каждого новичка выдерживать в карантине и проделывать все возможные исследования, прежде чем пускать его к другим животным. Такая процедура сводит к минимуму или вовсе исключает риск появления в коллекции больной особи. Если обнаружены

признаки недомогания или же найдены наружные или внутренние паразиты, способные вызвать болезнь, животное лечат и оставляют в карантине до тех пор, пока не минует опасность инфекции. Словом, мы всячески боимся от приноса болезней новичками. Вот почему нам пришлось отказаться от лечения диких птиц, как просто больных, так и попавших в зону разлившейся нефти. Птицы проносили паразитные инфекции через все наши заслоны. Теперь мы их передаем в местное общество по борьбе с истязанием животных и сами, когда надо, даем советы и оказываем посильную помощь за пределами нашей территории.

Карантинный период и исследования — наша первая линия обороны, однако мы с сожалением вынуждены признать, что ее не назовешь неприступной. Возьмите аспергиллез, эту грозную болезнь, вызываемую ядовитым плесневым грибком, который поселяется в легочной полости птиц и против которого не найдено никаких средств. Досконально известно, что птица может годами быть носителем скрытой инфекции без каких-либо видимых симптомов. Но достаточно ей перенести встряску — скажем, при поимке для перевода в другой вольер или для отправки в другое место, — как болезнь может принять явную форму и быстро прикончить жертву. И так как до тех пор инфекция часто не диагностируется, внезапно погибает здоровая, казалось бы, птица. Лишь после вскрытия выявляется, что ее легкие буквально представляют собой сплошную колонию тлетворных грибков. Нетрудно понять, сколь велик риск занесения такой инфекции при новом поступлении. Я уже писал, как мы получили пораженного аспергиллезом белого ушастого фазана, который не прожил и суток. Нечто в этом роде случилось с фазанами, выведенными нами на Джерси. Мы отправили адресату совершенно здоровых по всем признакам птиц, а нам сообщили, что в первые же сутки они погибли от аспергиллеза. Стало быть, фазаны были заражены еще до отправки, а мы об этом и не подозревали.

Еще более удручающий пример того, как сильное и здоровое на вид животное вдруг оказывается во власти смертельного недуга (случай с нашим калимантанским орангутаном Оскаром), Мы приобрели его совсем крошкой. В детстве у него были обычные простуды, но ничего серьезного. И вырос у нас один из самых великолепных орангутанов, каких я когда-либо видел. Посреди обрамленного столь характерным для этих обезьян валиком лица сверкали маленькие пронизательные глаза. Оскар был настоящий великан, вдвое сильнее любого человека, воплощение здоровья. Внезапно, без всяких видимых поводов, на него напала вялость. Через четыре дня могучий и, казалось бы, цветущий орангутан был мертв.

Началось с того, что у него пропал интерес к еде. Понятно, причины могли быть самые различные, от простуды до больного зуба, но у нас заведено в тех редких случаях, когда мы вообще замечаем какие-то симптомы, опасаться самого худшего. А потому мы, как обычно, когда дело касается наших человекообразных, вызвали и ветеринаров, и терапевта. Они прописали лечение, которое подсказывал их опыт, но скудные данные не позволяли поставить точный диагноз.

На второй день у Оскара обнаружился понос, после чего животное начало быстро хиреть. Все упиралось в то, что при столь стремительном развитии болезни мы не могли обездвигить его для обследования — слишком велик был риск смертельного исхода. И вот наступил последний день; привожу запись в картотеке:

Среда, 25 июля. 00.15. Особь издает звук, похожий на слабый кашель. 00.40. Рвота небольшим количеством жидкости. 01.30 — 03.15. Держится очень беспокойно, почти не спит, часто ворочается. Брюшные мышцы время от времени сокращаются, но отмечен только один случай рвоты. Глаза блестящие, состояние как будто бодрое.

03.55. Повернулся на бок, брюшные мышцы сокращаются,

тяжелое дыхание. 04.10 — 05.40. Спит относительно крепко, временами ворочаясь. Частота дыхания — 21-22 в минуту. 05.40. Довольно бодр, садится, прислонясь к стойкам платформы. От предложенного питья отказывается. 05.45. Лежа на спине, дремлет, покряхтывает. 05.55. Поворачивается на бок, потом на живот. Реагирует на ласковую речь. Тихо покряхтывает. Предложено питье. Как будто собирается пить, садится, но тут же снова лег. 06.00. Крепко спит. Сокращения брюшных мышц не наблюдается. 06.50. Проснулся. С великим трудом подошел к решетке. Сделал два глотка питья, содержащего кефлекс. Медленно сполз на пол. 07.05. Дрожит всем телом. 07.12. Дыхание 20. 07.50. Дыхание 24. 09.15. Лежа на спине, хрипло дышит открытым ртом. 09.20. Судороги, предсмертная рвота.

Вскрытие произвел по нашей просьбе руководитель Джерсийской патологической лаборатории доктор Джон Крегг. Выяснилось, что у Оскара был язвенный колит — довольно редкое заболевание у людей, еще более редкое у орангутанов. Недуг поражает слизистую толстой кишки: образующиеся язвы ведут к смертельному исходу. Поразительно, что мы не наблюдали никаких проявлений болезни, хотя она по всем признакам началась давно: ободочная кишка частично переродилась, то есть начиналось уже заживление, когда наступила смерть.

Сознание того, что это скрытое заболевание при всем желании не могло быть определено по наблюдавшимся нами незначительным симптомам, нас ничуть не утешало. Как не утешало и то, что человека в таких случаях лечат кортизонными клизмами: этот метод требует сотрудничества с пациентом, но усыпленный Оскар не смог бы нам помочь, а бодрствующий — никак не пожелал бы.

Ветеринария на века отстала от медицины, обслуживающей человека. Нам-то посчастливилось: коллекцию треста пестуют умные и увлеченные специалисты; вообще же

ветеринары, с которыми я встречался, меньше любой другой категории людей знали о диких животных, уступая в невежестве разве что служащим и директорам зоопарков да еще биологам. Поручите рядовому ветеринару лечить фенека (лисичка ростом меньше малого пуделя) и длинноногого верзилу гривистого волка — он будет действовать так, словно речь идет о щенках из одного помета. Систематически оба животных принадлежат к собачьим, но между ними огромная разница, и не только в росте, а в психологии, поведении, среде обитания. И чему тут, собственно, удивляться, если вспомнить, что ветеринары в ходе достаточно суровых практических занятий, как правило, общаются только с домашними животными. Мало кого манят неизведанные и опасные дали ветеринарии диких животных.

В этой области исследователя ждет непочатый край работы. В будущем, когда мы в отчаянной попытке прокормить хоть немного людей при разумном хозяйствовании, быть может, сумеем одомашнить таких своеобразных копытных, как канна, жираф, гарна или аноа, ветеринария экзотических животных сыграла бы огромную роль. О диких животных известно так мало, что любой шаг вперед — достижение. Взять искусственное осеменение, широко и в общем успешно используемое в разведении домашних животных. К диким животным этот метод только-только начинают применять, но и то уже видно, что он может стать могучим подспорьем в размножении исчезающих видов. В частности, Корнеллский университет добился успехов с искусственным осеменением соколов, причем снесенные в неволе яйца кладут потом в гнезда на природе (сами обитатели этих гнезд заражены инсектицидами, поэтому их яйца либо стерильны, либо из-за мягкой скорлупы часто дают увечных птенцов). Есть надежда, что удастся таким способом реинтродуцировать, скажем, сапсана в районы, где этот вид постигла судьба, предсказанная Рейчел Карсон в ее книге «Безмолвная весна».

Много работы предстоит и в разработке рационов, ибо без

правильного знания пищевых потребностей диких животных содержать и разводить их трудновато. Может быть, для успеха размножения надо добавлять в корм грибы? Или мох? Или водоросли? А может быть, мы попросту перекармливаем животных?

Велико наше невежество. Так, нам очень мало известно о стрессовых факторах, а в их число может входить и недостаточный интервал между клеткой и публикой, и присутствие в соседней клетке особи другого вида. В нашем новом комплексе для мармозеток и тамаринов к стрессу приводит недостаточная вентиляция в проходе между спальными отсеками. Казалось бы, разве можно это считать причиной? А дело в том, что эти маленькие приматы метят свою территорию в клетках секретом пахучих желез, нанося его на сучья или проволочную сетку. Если помещение плохо проветривается, животные, естественно, чувствуют запахи от меток соседних видов, воспринимают это как угрозу собственной территории и начинают усиленно метить ее, а толку чуть.

Может статься, что в будущем значительной части дикой фауны нашей планеты суждено уцелеть только в зоопарках. Тем важнее уже теперь решить — или хотя бы попытаться решить — возможно больше проблем такого рода. Ведь тогда на попечении зоопарков окажутся еще более редкие виды, и тут уж риска допускать нельзя. Этой областью ветеринарии надо заниматься так же активно, как мы занимаемся коровами, овцами, лошадьми. Кстати, им-то пока вымирание не грозит.

Глава 7. Ковчег на острове

Перед лицом столь грозной опасности следовало ожидать, что наш вид, выделяющийся среди животного царства своей способностью к логическому предвидению, разовьет бурную деятельность по охране природы. На самом же деле вы редко где услышите публичное выражение тревоги, еще реже увидите признаки активности... Речь идет не об экскурсии в область научной фантастики; в случае продолжения нынешних тенденций это, пожалуй, наиболее оптимистическая оценка человеческого будущего. Когда в природе наступает стадия роевания, массовая смертность неизбежна... Быть может, те, кому конец пути представляется таким, не правы, быть может, есть какой-то выход. Но если он есть, найти его можно только при каком-то невообразимом полном повороте всех наших научных усилий от эксплуатации ресурсов к их охране. Будем же надеяться, что измерившие глубины пессимизма не перестанут поощрять конструктивные попытки предотвратить то, что им представляется почти неизбежным.

Д-р С.Р. Эйр Популяция, производство и пессимизм

Пришлось тогда Четверым Путешественникам смириться с

необходимостью продолжать свое странствие по суше, и, к счастью для них, в это время мимо проходил пожилой Носорог, чем они и воспользовались, и уселись все четверо на него верхом...

Таким образом, они еще до истечения восемнадцатой недели благополучно прибыли домой, где восхищенные родственники встретили их с радостью, которая умерялась долей осуждения, и они решили в конце концов отложить завершение намеченных странствий до более благоприятного случая.

...Что же до Носорога, то в знак своей искренней признательности они распорядились, чтобы его убили и сделали чучело, которое и поставили перед дверью отчего дома в роли Неодушевленного Привратника.

Эдвард Лир

*Заливаясь безудержным смехом,
Порываясь хоть слово сказать,
Неприметно и тихо он сгинул,
Ведь Ворчун был на деле Мычун.*

Льюис Кэрролл

Надеюсь, мне удалось кое-чего добиться этой книгой. Прежде всего, если вы противник зоопарков, надеюсь, я сумел показать, что хорошо организованный зоопарк не вредит животным, а помогает им, более того, во многих случаях зоопарк станет последним убежищем многочисленных видов фауны в мире, кишачем людьми.

При всем том я обязан согласиться с вами (если вы противник зоопарков), что не все зоопарки безупречны. Из приблизительно полутысячи зоологических коллекций в мире

считанные единицы заслуживают высшей оценки, кое-какие уступают им, а все остальные ужасны. Если исходить из того, что зоопарки могут и должны играть важную роль в научном исследовании, в просвещении и в охранных мероприятиях (принося тем самым пользу и нам, и другим живым существам), я глубоко убежден, что надо стараться их совершенствовать. Сколько раз приходилось мне слышать от ярых оппонентов, что они позакрывали бы все зоопарки на свете, но вот парадокс: эти же самые люди преспокойно мирятся с быстрым ростом числа сафари-парков, где уход за животными, как правило, куда хуже, чем в рядовом зоопарке. На обширной площади животное может чувствовать себя так же скверно, как и на маленьком участке, но вид зеленых просторов и старых деревьев обезоруживает критиков, которые воображают, будто животным только это надо.

Странно, как утешает людские души зрелище животного среди поля в пять гектаров. Сафари-парки были придуманы исключительно ради чистогана. Никакие мысли о науке или охране фауны не омрачали заложенную в них идею. Они теперь, словно поганки, распространились по всему свету. С животными обычно в этих парках обращаются безобразно; несчастные случаи (тщательно скрываемые) потрясающи. На мотивах и квалификации создателей сафари-парков нет смысла долго задерживаться, этот вопрос и без того ясен, но один момент стоит подчеркнуть: обеспечить эти огромные предприятия сведущими и опытными работниками абсолютно невозможно по той простой причине, что такого количества сведущих и опытных работников нет на свете. Кому, как не мне, это знать — сам постоянно охочусь за этими раритетами.

Я не противник самой идеи сафари-парка. Я против того, как она сейчас осуществляется. В своем нынешнем виде сафари-парки губят и истощают дикие популяции больше любого зоопарка. При правильной организации и научной постановке дела сафари-парки могли бы сыграть огромную роль

в сохранении таких животных, как антилопы, олени и крупные хищники. Но пока что они очень далеки от этого и больше всего напоминают скотобойни в лесистой местности. Словом, мое мнение таково: надо стремиться совершенствовать зоопарки и сафари-парки, а не кричать «долой!» Если бы Флоренс Найтингейл, натолкнувшись на ужасные условия в больницах прошлого века, принялась ратовать за их закрытие, вряд ли потом восхваляли бы ее проницательность и дальновидность.

А потому я предлагаю, чтобы все мы — и противники, и почитатели зоопарков — объединились в старании сделать их совершенными, добиваясь того, чтобы они помогали выжить представителям фауны, а не ложились дополнительным бременем на популяции, которым и без того слишком туго приходится в непосильной конкуренции с человеком. Для этого надо намного строже критиковать зоопарки и другие зоологические коллекции, чтобы их сотрудники более критически смотрели на самих себя, и даже те немногие из зоопарков, которые можно назвать хорошими, тоже стремились сделать лучше.

Подумать только: зоопарки были в Китае более двух тысяч лет назад; в Центральной Америке фантастические коллекции конкистадоры застали у ацтеков. Зверинцы в том или ином виде начали возникать с тех пор, как древний человек впервые запер в пещере мегатерия. Между тем законодательство почти совсем обходит своим вниманием зоопарки. В Великобритании, например, всякий может основать зоопарк, лишь бы не возражали местные власти. Обзаведясь коллекцией животных, владелец отвечает только перед санинспекцией (а санинспекторов больше волнуют кафе и общественные уборные, чем чистота клеток) и перед местным отделением Общества по защите животных от истязания. Это общество делает доброе дело, но когда нет явных признаков дурного обращения (болячек, торчащих из-за голодания ребер), то инспектор мало чем может помочь. Он ничего не знает о диких животных. Ему

покажется вполне нормальным то, что животным воспринимается как чудовищная жестокость.

После Второй мировой войны вдруг, словно грибы, пошли плодиться дрянные зверинцы, наскоро организованные ничего не смыслящими в зоопарках людьми. Как-то раз мне позвонил, прося совета, директор одного такого «гриба». Ему понадобилось чем-то заполнить клетку размером 2х4 метра, а он, горемычный, не знал — ни кто есть кто в животном мире, ни какого роста бывают звери. Я должен был перевести ему наименования имеющихся в продаже животных (таких, как кугуар, гарна, гиена и так далее) и назвать их габариты, чтобы он мог решить, какой вид фауны подходит для его клетки.

Видит бог, для любой другой деятельности положено получить официальный патент! Почему же закон не требует минимума компетентности от человека, надумавшего открыть зоопарк? Любопытно, что такие порядки существуют в стране, народ которой не устает твердить себе самому и другим, как горячо он любит животных.

Некоторое время назад наиболее уважаемые зоопарки Великобритании организовали свою федерацию. Ее цели — путем инспекции и рекомендаций попытаться повысить уровень содержания животных, совершенствовать методику работы и планировку зоопарков. Мы вступили в эту федерацию, считая, что, коль скоро нет государственного контроля, следует хотя бы самим разработать и соблюдать какие-то нормы. Это и было проделано, так что федерация выполнила очень ценную работу в доступных ей рамках.

Следующим шагом федерации была попытка провести через парламент законопроект, обеспечивающий известный контроль над действующими зоопарками и устанавливающий стандарты для будущих учреждений этого рода. Тут-то и заварилась каша. В проекте весьма разумно предлагалось учредить беспристрастный государственный орган, чтобы он инспектировал и контролировал зоопарки и в какой-то мере

влиял на контингент их создателей. В ряду прочих необходимых пунктов предусматривалось, чтобы все зоопарки вели учет своих приобретений, приплода и потерь, а упомянутый государственный орган мог знакомиться с этими данными. Как и следовало ожидать, большинство чисто коммерческих зоопарков ополчились против таких требований. Стремясь помешать принятию законопроекта, они оформили оппозицию в виде Ассоциации зоопарков, куда вошло большинство сафари-парков. Цель этого хода заключалась, разумеется, в том, чтобы превзойти федерацию числом членов и заявить правительству, что ассоциация — подлинный представитель зоопарков страны. А это, естественно, позволило бы ей либо вовсе похоронить законопроект, либо сделать его беззубым, превратить в освященное правительством ханжеское прикрытие, под защитой и с помощью которого члены ассоциации могли бы орудовать по-прежнему, используя авторитет закона, чтобы морочить голову критикам.

К счастью, федерация не поступилась своими принципами и продолжала отстаивать первоначальный вариант законопроекта, если не считать кое-каких мелких поправок. Лично я считаю, что проекту сильно недоставало строгости и полноты; все же как первый шаг он годился. Однако правительство перед лицом двух организаций, которые явно не могли прийти к единому мнению — каким должен быть закон и нужен ли он вообще, ответило с глубокомысленной миной: дескать, устраните сперва свои разногласия, решите, какого рода государственный контроль вам нужен, и приходите снова со своим законопроектом.

Теперь вроде бы предпринимаются усилия, чтобы подчинить зоопарки контролю местных органов власти. Что ж, это лучше, чем совсем никакого контроля, однако представьте себе, что вы, герцог Придурширский, крупнейший землевладелец в округе, надумали превратить свое поместье в сафари-парк, — много ли найдется на местах чиновников,

которым хватит духу заметить вам, что вы дурно обращаетесь со своими животными, не говоря уже о том, чтобы как-то регламентировать вашу деятельность. Что там говорить, положение — хуже некуда.

Пока не введен государственный контроль, лучший способ содействовать совершенствованию зоопарков заключается в том, чтобы посетители задавали вопросы и проявляли мягкую настойчивость, добиваясь удовлетворительного ответа (если надо, прибегая к письмам и телефонным звонкам). Позвольте приблизительно наметить, на что следует обращать внимание и какие вопросы задавать. (Кстати, надеюсь, вы примените этот метод и к нам, если вам доведется посетить Джерси. Заверяю вас, что мы далеки от совершенства.) Нижеследующая шпаргалка годится для *всех* зоопарков и прочих коллекций экзотических животных в *любом* уголке земного шара. Итак: на что обращать внимание и какие вопросы задавать.

Присмотритесь к состоянию животного (о клетке пока не думайте). Налицо ли признаки хорошего состояния: плотное и блестящее оперение у птиц; гладкий, лоснящийся, плотный мех у млекопитающих; здоровый налет на покровах рептилий, амфибий и рыб. Самое главное — спокойное, безмятежное самочувствие, говорящее о полном благополучии; вы его сразу уловите, не ошибетесь.

(Помните, что у новичков, ветеранов и больных животных бывает ужасный вид.)

Присмотритесь к клетке. Помните, что во многих случаях ее размеры не так уж важны (лишь бы не была совсем миниатюрной), так что пусть вас не вводят в заблуждение большая величина и архитектурные украшения. Годится ли она для данного вида? Есть ли нужное оборудование: ветки, колоды, качели, бочки и так далее? Есть ли животным где укрыться от публики? Могут ли они уединиться друг от друга?

(Помните, ощутив потребность рассердиться, что часто зоопарки вынуждены пользоваться допотопными клетками)

из-за отсутствия денег. Однако пусть не ускользнет от вашего внимания и то, что во многих зоопарках мастерят новые клетки, которые хуже допотопных.)

Присмотритесь, как обстоит дело с водой. Достаточно ли воды, насколько она чистая?

(Помните при этом, что некоторые животные используют свои поилки, пруды или озера как уборную, а это сильно осложняет нам работу. Другие моют в воде свой корм или купаются в ней. И все же, приглядевшись, вы сумеете различить загрязненную свежую воду от грязной воды пятидневной давности.)

Обратите внимание на чистоту. Не обязательно, чтобы клетка убиралась именно в этот день. Важно другое: производилась ли вообще когда-нибудь тщательная уборка?

(Под конец дня в вашей комнате заметны признаки пребывания человека, однако в основном она чистая; так и клетка должна производить впечатление жилой, но не запущенной обители. Она не должна выглядеть так, словно в ней помахали для виду метлой двести лет назад.)

Теперь о том, какие вопросы задавать. Исследующие человеческую природу и изучающие склонность гомо сапиенс к экзотикам, приготовьтесь: вы можете получить здесь немалое удовольствие.

Начните с вопроса о том, какой цели служит данная коллекция животных.

(Цель может быть научной, охранной, просветительской или развлекательной. Желательно, разумеется, совмещение всех четырех целей, но, как правило, дело ограничивается последней.)

Спросите, ведется ли научная работа. Если да, то публикуются ли результаты? Если публикуются, то где?

Спросите, есть ли картотека, насколько она сложна.

Спросите, от кого удалось получить приплод, когда это было, сколько животных размножаются ежегодно, получено ли второе, третье или четвертое поколение. Публикуются ли

данные о размножении? Где публикуются?

(Один очень хороший и мудрый директор зоопарка сказал мне однажды: «При удаче каждый дурак может один раз добиться приплода от животного. О настоящем успехе можно говорить лишь в том случае, когда размножение происходит регулярно, получено и второе, и третье поколение».)

Если в коллекции есть животные-одиночки, спросите, почему нет партнера. Спросите также, готова ли администрация одолжить свой единственный экземпляр другому зоопарку для размножения.

Спросите, какова ежегодная смертность. Ведется ли ее учет, публикуются ли эти данные? Производится ли патолого-анатомическое исследование умерших животных?

Как администрация относится к охране фауны и что предпринимает, чтобы помочь этому делу?

Каких исчезающих животных разводят в данном зоопарке? Сколько их: одна пара или целая колония?

(Вряд ли вы вправе говорить о большом вкладе в охрану фауны, если у вас всего одна пара животных, приносящая раз в год потомство, которое вы тотчас сбываете.)

Каковы успехи с размножением вымирающих видов?

В какой мере зоопарк обеспечивает сам себя приплодом от своих экземпляров как редких, так и распространенных видов?

(Конечной целью всякого респектабельного зоопарка должно быть такое положение вещей, когда он полностью обеспечен приплодом от своей коллекции и не играет роль истокающего фактора для диких популяций.)

Каковы дальнейшие планы в области охраны фауны?

Каковы планы в просветительской деятельности?

Каковы дальнейшие планы научной работы по содержащимся в зоопарке видам?

Какие намечаются исследования?

Я не ожидаю, что каждый зоопарк сумеет удовлетворительно ответить на все эти вопросы, и не

рассчитываю, что каждый зоопарк будет соответствовать приведенным выше критериям. Мне только хочется, чтобы каждому зоопарку задавали эти вопросы, задавали все чаще и громче, пока они не очнутся от летаргии и не примутся совершенствовать свой уровень, пока не задумаются всерьез над своей ролью.

Но вернемся к нашей коллекции. На Джерси мы попытались создать зоопарк нового типа. По-моему, нам это удалось. Мы сделали немало ошибок и, наверное, сделаем еще больше, но ведь мы пока пребываем в стадии младенчества. До того как приступить к работе, я наслушался всякой всячины от множества людей, однако ни одно из их предсказаний не сбылось. Мне говорили, что, сидя в таком глухом уголке, как Джерси, я не могу надеяться на поддержку. Когда пишутся эти слова, наш трест насчитывает 15 тысяч членов, разбросанных по всему свету. От Пекина до Претории, от Сиднея до Сиэтла. Число посетителей превысило 2090 тысяч в год и все время растет.

Мне говорили, что трудности, связанные с содержанием и размножением редких и исчезающих животных, неизбежны и огромны, а во многих случаях и неодолимы. Не стану утверждать, что получить приплод от диких животных просто, но добиться этого можно, доказательство — наши достижения, которые, учитывая размеры зоопарка, поразительны, причем с каждым годом мы идем вперед.

Мне говорили, что нельзя держать для показа много особей одного вида — публике это наскучит. Одна из наших главных экспозиций включает шесть вольеров только с белыми ушастыми фазанами. На этикетке подробно рассказано, почему мы занялись этими птицами и чего достигли. Мы убедились, что посетители увлеченно читают этот рассказ и приветствуют наши усилия. Пока еще никто не обнаруживал признаков скуки.

Мне говорили, что люди с высшим образованием никогда не согласятся на такой «лакейский» труд, как уход за

животными. Я возражал, что этого не может быть: человек с дипломом не обязательно человек со спесью. Половина наших сотрудников, имея диплом о высшем образовании, охотно выполняет «лакейскую» работу ради близкого общения с животными, которое позволяет им проводить исследования, публикуемые в нашем ежегоднике и других научных изданиях.

Наконец — и это, пожалуй, самое важное, — мне говорили, что мои планы размножать животных в неволе, чтобы помочь спасению вымирающих видов, тщетны (жестоки, биологически несостоятельны). И вот теперь то, за что я ратую с шестнадцатилетнего возраста, воплощается в жизнь: по всему миру создаются питомники. Не всегда это делается на должном уровне, ну да ничего, главное — начать. Даже такая импозантная и весьма консервативная организация, как Международный союз охраны природы, признает, хотя и с некоторой сдержанностью, что размножение животных в неволе вполне может содействовать спасению определенных видов фауны.

Дальше мы собираемся преобразовать трест в своего рода мини-университет по содержанию и размножению диких животных. Подчеркиваю: это не будут курсы по подготовке зрителей, организуемые некоторыми зоопарками. Такие курсы — дело очень нужное, но мы задумали нечто совсем другое, с куда более обширной и детализированной программой, отнюдь не ограничивающейся организацией и работой зоопарка.

Если мне будет позволено критиковать постановку охраны фауны (в частности, размножение животных в неволе), я хотел бы отметить нелепую и никому не нужную пропасть, разделяющую так называемых практиков и сотрудников со специальным образованием. Пропасть эта широка и приводит к нежелательным последствиям. Виноваты обе стороны: практики сторонятся специалистов с многоярусными научными знаниями, специалисты, в свою очередь, склонны смотреть на практика без диплома как на косноязычного неуча.

Как обычно, истина находится посередине между двумя

крайностями. Я знаю практиков, которым не доверил бы дохлого чихуахуа, и знаю ученых специалистов, которые, спустившись с рафинированных высот науки, способны опознать животное только в банке с формалином. Знаю мудрейших практиков, которые могут излагать свой ценный опыт лишь невнятным бормотанием, и знаю эрудитов, которые облачают ценную информацию в замысловатые гирлянды двенадцатисложных слов. Нечленораздельные звуки и многосложные предложения надо привести к общему знаменателю. Обоюдная подозрительность людей практики и людей науки влечет за собой разрыв, который, повторяю, может сильно повредить попыткам наладить размножение животных в неволе.

Сказанное можно подтвердить множеством примеров из различных томов «Красной книги», выпускаемой Международным союзом охраны природы. Эти превосходные издания с перечнем исчезающих млекопитающих, птиц и рептилий и сведениями об их прежнем и нынешнем распространении сообщают также, сколько особей данного вида содержится в неволе и каковы потенциальные возможности их размножения. Во многих случаях рубрика «репродуктивный потенциал» просто не заполнена, это говорит о научной добросовестности и готовности признать свое неведение, однако местами читаем: «неизвестен; вероятно, равен нулю» или «неизвестен; вероятно, очень мал». Наглядным примером может служить подвид сервала *Felis serval constantina*. О его репродуктивном потенциале в неволе сказано: «сервал, похоже, не очень хорошо размножается в неволе: мне известны два зарегистрированных случая». На самом деле многим зоологическим коллекциям удавалось получить приплод от сервала; у нас пока зарегистрировано тридцать пять случаев, причем одна самка котилась тринадцать раз и принесла двадцать девять детенышей.

Такая дезинформация вызвана тем, что ученый-специалист не спросил практиков. Внимательное исследование вопроса даст

немало обратных примеров. И ведь это лишь один аспект. Вот другой, не менее тревожный: поскольку разведение животных в неволе становится все более популярным среди борцов за охрану природы, руководить этим делом все чаще будут ученые-специалисты, а это, как правило, люди совсем без практического опыта.

Теперь повсеместно царит гипноз ученого звания. Конечно, звание — это неплохо, но, если его носитель или носительница думают участвовать в разведении диких животных в неволе, необходимо сверх того уметь еще кое-что: выгребать навоз, носить воду и сено, не страшиться усталости и грязи, воочию узнать живых зверей, а они не совсем такие, часто даже совсем не такие, как в учебниках. Как я уже говорил, у половины наших сотрудников — высшее образование, и никто из них не гнушается тяжелого труда по уходу за животными, совмещая его с научными наблюдениями.

Нашим трестом задумано в дальнейшем расширить круг размножаемых животных (конечно, в пределах площади, которой мы располагаем). Ведь многие группы, входящие в сферу наших интересов, еще не представлены в коллекции. Так, у нас совсем нет неполнозубых (муравьеды, броненосцы и другие), нет и собачьих (собаки, лисы и т.п.). Вот мы и рассчитываем пополнить зоопарк размножающимися группами некоторых исчезающих видов. Тогда наша коллекция станет весьма представительной и будет служить двоякой цели: размножающиеся группы позволят увеличить в неволе исчезающие виды, нуждающиеся в срочной помощи, и они же явятся учебным пособием. С помощью наших коллег в США мы уже организовали диетологическую лабораторию и ждем от нее ценнейшей информации. Еще одно весьма щедрое ассигнование позволило нам начать строительство ветеринарной лечебницы с научной базой; там будет и кабинет рентгеноскопии, и все необходимое для патологоанатомических исследований, и хорошо оборудованное помещение для животных, проходящих

серьезное лечение.

Упомянутая выше учебная программа потребует и других научных лабораторий для слушателей курсов и приезжающих к нам ученых; для них же понадобятся жилые помещения, лекционный зал, небольшая фото— и кинолаборатория, студия звукозаписи. Когда все это появится (только недостаток средств мешает нам осуществить эти планы немедленно), штаб-квартира треста станет, по сути дела, комплексной лабораторией охраны фауны, где будут создаваться размножающиеся группы исчезающих видов, будет всесторонне изучаться биология этих животных и, наконец, самое важное, будут готовиться специалисты по разведению в неволе диких животных в любой стране, где возникнет такая надобность.

Направляемые в штаб-квартиру треста слушатели пройдут на курсах основательную подготовку. Для начала, трудясь во всех секциях зоопарка по очереди, они получают прекрасную возможность овладеть методикой размножения самых различных видов — млекопитающих, птиц, рептилий. Затем они могут специализироваться на животных своих стран. Последовательно сдав устные и письменные экзамены, слушатели вернутся на родину, чтобы при постоянной помощи и консультации со стороны треста и его сотрудников помогать своим правительствам или организациям по охране фауны учреждать питомники в подходящих районах.

Как уже говорилось, суть программы составит не просто организация зоопарков, а та работа с дикими животными, на которой мы специализируемся, то есть создание размножающихся самопополняющихся групп разных видов фауны с прицелом на то, чтобы в будущем возвращать особи из этих колоний в исконные ареалы, возрождая исчезнувшие или пополняя хиреющие дикие популяции. Для такой работы необходимы люди трудолюбивые, настойчивые, а главное — преданные своему делу. Будем надеяться, что заинтересованные правительства или организации по охране природы пожелают

выделить своих стипендиатов. И тогда трест сможет стать столь нужной сегодня школой, готовящей специалистов по разведению диких животных в неволе; получив должную подготовку, эти энтузиасты вернутся во всеоружии знаний в свои страны — и во всех уголках мира появятся охранные очаги.

Таковы наши замыслы. Я и мои товарищи по труду считаем эту задачу неотложной, важной и, главное, конструктивной. Мы надеемся, что вы, дочитав эту книгу, придете к такому же мнению. Если так, не хотите ли вы помочь нам, вступив в наш трест? Ежегодный взнос невелик, и мы сознательно его не повышаем, исходя из убеждения, что организация, насчитывающая 15 тысяч членов, которые платят скромные взносы, сильнее, чем организация с пятью тысячами членов, вносящих крупные суммы. От большинства других филантропических учреждений нас отличает то, что вы можете приехать и посмотреть, на что идут ваши деньги; нам и нашим животным всегда очень приятно с вами познакомиться. Итак, от имени множества обаятельных и эксцентричных, красочных и экзотических, восхитительных, сметливых, великолепных, почтенных, потешных и обольстительных представителей меньшинства нашей планеты (которое не умеет ни читать, ни писать, ни голосовать, ни изобретать нервно-паралитические газы) зову вас присоединиться к нам. За подробностями обращайтесь ко мне по адресу:

*Международный трест охраны диких животных
Поместье Огр, Тринити, Джерси
Нормандские острова*

Сообщение от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррела

«Ковчег», основанный Джеральдом Дарреллом на острове Джерси, помогает спасти исчезающие виды животных по всему свету. Кампания за сохранение богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшая делом всей его жизни, включает программы для самого редкого в мире голубя и соколка с острова Маврикий, уникального вида длиннохвостого попугая, черепахи, крылана, змеи, свиньи и нескольких редчайших обезьян. Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы. В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью». Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания. Чтобы получить более подробную информацию, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust Les Augres Manor Jersey,
English Channel Islands, JE3 5BP UK

Wildlife Trust PO Box 1000, 61 Route 9W Palisades, NY
10964-8000 USA

Wildlife Preservation Trust Canada 120 King Street Guelph,
Ontario N1E 4P8 Canada